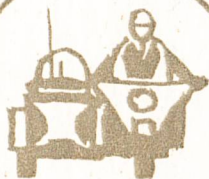

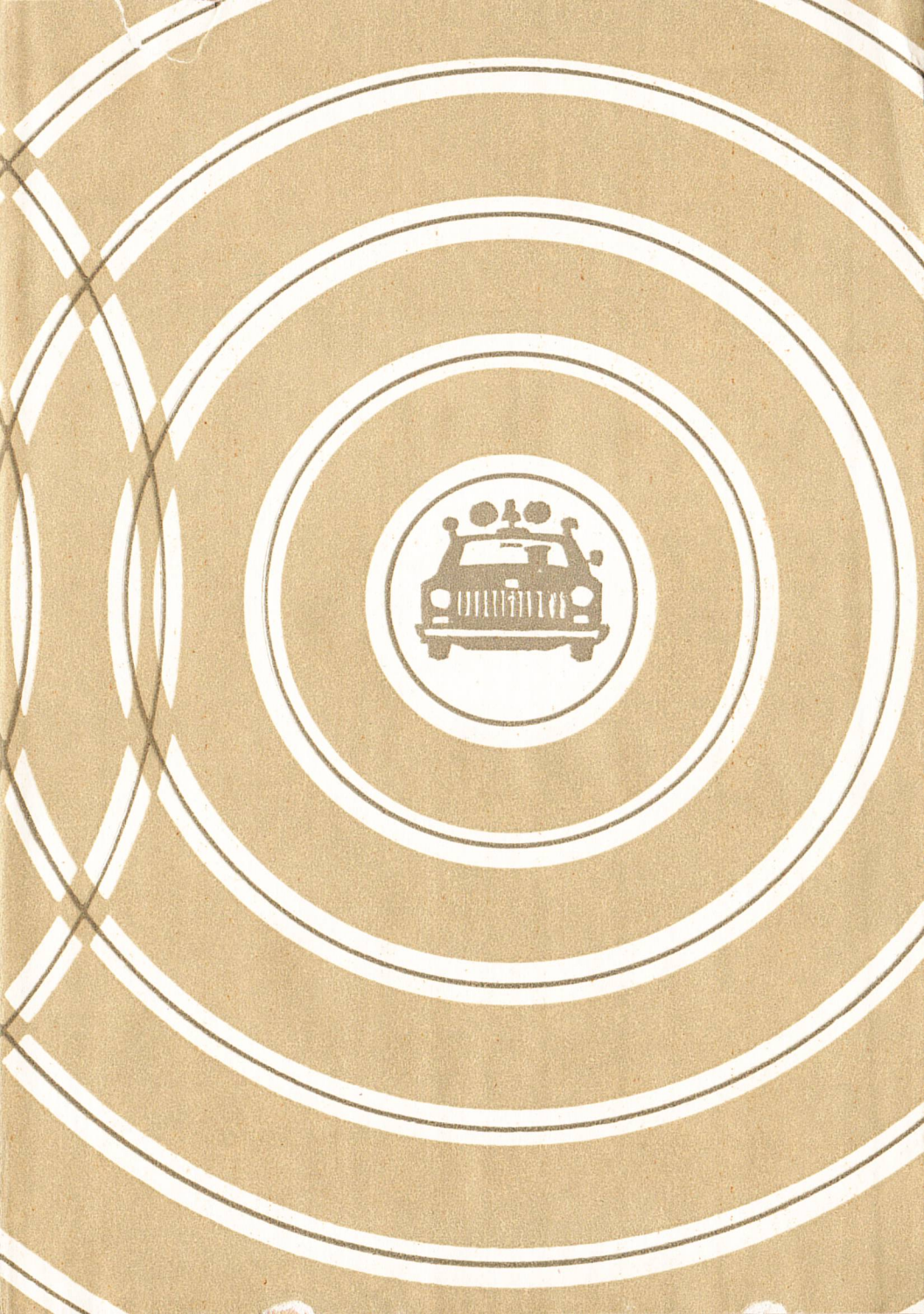

ТРЕВОГИ ЗДЕСЬ
НЕ ОБЪЯВЛЯЮТСЯ

УПРАВЛЕНИЕ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
ГОРЬКОВСКОГО ОБЛИСПОЛКОМА

ТРЕВОГИ ЗДЕСЬ НЕ ОБЪЯВЛЯЮТСЯ

Горький
Волго-Вятское книжное издательство
1980

ББК 67.99(2)116.1
Т66

Составитель Г. М. ФОКИН

Под общей редакцией З. И. КЛОЧИХИНА

Литературный рецензент А. Г. КОСТИН,
член Союза писателей СССР

Художник Н. П. ВЕЛИЧКО

Тревоги здесь не объявляются / Сост. Г. М. Фокин.—
Т66 Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1980.— 320 с., ил.
1 р. 20 к.

Книга очерков о той категории сотрудников милиции, которые постоянно ведут борьбу с преступностью в самых различных ее проявлениях. В ней показан сложный и напряженный труд этих работников, их самоотверженность и преданность своему делу. В основу сборника положены конкретные факты из следственной практики.

Т 70302—094
М140(03)—80

ББК67.99(2)116.1

© Управление внутренних дел Горьковского облисполкома, 1980 г.

К ЧИТАТЕЛЮ

История советской милиции, которая родилась, росла и развивалась как одно из надежных средств осуществления пролетарской диктатуры, неотделима от истории нашей социалистической Родины, ее героического прошлого. Мы, горьковчане, законно гордимся тем, что первые отряды рабочей милиции, явившиеся прообразом органов внутренних дел страны, были созданы на предприятиях Канавина и Сормова.

В суровые годы гражданской войны и иностранной интервенции, в классовых битвах последующих лет советские милиционеры самоотверженно отстаивали правопорядок и законность, вели беспощадную борьбу с элементами разложения и уголовной преступностью, совместно с красногвардейцами отважно и мужественно сражались с контрреволюцией.

Славные традиции первых лет социалистического строительства были развиты и приумножены в суровое время Великой Отечественной войны. И сейчас, в период мирного строительства, работники милиции бдительно и неусыпно стоят на страже правопорядка и законности. В любую погоду, в дождь и зной они несут свою нелегкую, но почетную вахту. И хотя последнее время одним из главных направлений борьбы с преступностью является профилактика правонарушений, сотрудники внутренних дел ежедневно и ежечасно ведут зримый и незримый бой с жуликами и расхитителями, со всем тем, что мешает спокойно жить и трудиться советским людям, наносит огромный материальный и моральный урон нашему социалистическому обществу. Им постоянно приходится встречаться с преступниками хитрыми, изворотливыми, нередко уже достаточно опытными. Изопрецидным преступным хитросплетениям работники милиции противопоставляют свое высокое профессиональное мастерство и глубокие юридические познания. На их вооружении имеются самые современные приборы и устройства, последние достижения науки в области химии и физики, а также многих других, казалось бы, далеких от криминалистики наук. Все это позволяет целенаправленно, оперативно и комплексно решать задачи предупреждения и раскрытия преступлений.

В этой книге собраны очерки лишь о небольшой категории сотрудников милиции — уголовного розыска, БХСС и следствия. Но это именно та категория работников, которые лицом к лицу сталкиваются с самыми отвратительными и опасными явлениями, еще встречающимися в нашем обществе.

Они всегда начеку, в любую минуту готовы по тревожному звонку выехать на место происшествия и принять самые решительные и неотложные меры, чтобы пресечь или покарать зло. Тревоги для них не объявляются, но эти люди всегда в повышенной готовности. Дело их нелегкое. Но, если несколько перефразировать слова известной милицейской песни, то можно сказать, что уж так назначено судьбой им бессменно вести незримый бой.

Составитель и авторы этого сборника не стремились, как это порой бывает в детективной литературе, вдаваться в анатомию отдельных преступлений. Мы ставили цель как можно полнее показать сложность работы сотрудников милиции, ведущих поиск, подчеркнуть убежденность и беспредельную преданность своему делу людей, по велению сердца своего избравших эту профессию. Мы также считали важным подчеркнуть народный характер нашей милиции, сосредоточив внимание на том, что сила героев очерков не только в личном высоком профессиональном мастерстве, а главное — в их коллективизме, взаимовыручке, твердой уверенности, что они всегда найдут в своей работе действенную помощь со стороны советских граждан, интересы которых они охраняют.

Как мы справились с этой задачей, тебе судить, наш благодарный читатель.

СЧАСТЛИВЫЕ ВЕХИ

МЕДАЛЬ ЗА ТРУД

Подполковник милиции Николай Александрович Шитков родом из села Андросова Горьковской области, из того самого села, где был когда-то крепостным помещика С. М. Брехова Николай Васильевич Ульянов — дед Владимира Ильича Ленина... Он не без основания гордится местами, откуда берет начало его род. Впрочем, он считает, что каждый советский человек вправе сказать про себя:

Начинаются горы с подножий,
Начинаемся с Ленина мы.

С именем Владимира Ильича подполковник связывает всю свою жизнь и главное в ней — выбор правильного направления. «Важна уверенность в правильном выборе пути, и эта уверенность усиливает стократ революционную энергию и революционный энтузиазм, способные совершать чудеса». Эти ленинские слова — своего рода жизненная программа для Николая Александровича.

Он убежден, что его дорога ведет к самой высокой нравственной цели. Путь к ней нелегок, были в его жизни и неудачи, и сожаления, и неудовлетворенность собой. Но, оглядываясь назад, он видит немало и счастливых вех. Ими, как светлыми точками, обозначены самые большие, самые счастливые его дни.

Первой такой вехой в его жизни была медаль «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны». Отец Николай, Александр Михайлович, председатель колхоза «Красный пахарь», ушел на фронт пулеметчиком. В бою под Курском получил ранение в голову, потерял глаз. Немалых трудов стоило ему убедить медиков, что и с одним глазом можно воевать (воевал же Кутузов и еще как!). И убедил.

Про свое ранение Александр Михайлович домой не сообщал. Написал коротко, когда опять попал на передний край: «Жив, здоров. Воюю... Боевые заслуги правительство отметило медалью...»

В ответном письме Николай, как старший (ему тогда пятнадцатый год шел), подробно — так требовал отец — расписал все колхозные новости, а под конец сообщил: «А меня тоже медалью наградили. За доблестный труд. Мы тут все стараемся от вас, фронтовиков, не отставать».

К тому времени андросовские ученики старших классов работали в колхозе. Семнадцать подростков встали в один ряд с женщинами и стариками — сразу почувствовалась поддержка и в поле, и на ферме.

Отгремела война. Вернулся отец и еще с десятков односельчан, кому посчастливилось дожить до светлого дня Победы, а Николай так и остался в полеводческой бригаде. У него появился добрый дар настоящего хлебороба. Многие пророчили: «Быть тебе, Николай, колхозным руководителем». Но сам Николай не был твердо уверен, что это его настоящее призвание. Он еще искал, прикидывал, пробовал...

Как-то сосед Шитковых, старый волгарь, боцман грузопассажирского колесника, уговорил Николая сходить в плавание. Тот согласился и проплавал до конца навигации. На судне он, как говорят, ко двору пришелся. Ему рекомендовали пойти учиться в речное училище.

Но тут подошло время воинской службы. Служил Николай на Дальнем Востоке, был способным, дисциплинированным, исполнительным солдатом, отличником боевой и политической подготовки. В армии он стал коммунистом. С тех пор партийный долг — его совесть.

ПРИЗВАНИЕ

Не простое это дело — выбор профессии. Вот и в армии командир батареи и замполит, рекомендуя его в партию (третью рекомендацию выдала комсомольская организация), настоятельно советовали остаться на сверхсрочной службе или идти в военное училище. Они считали, что армейская служба — его настоящее призвание. Но Николай Шитков возвратился в Андросово. В райкоме партии, куда он поехал вставать на учет, секретарь Александр Васильевич Перминов пригласил к себе в кабинет, долго обо всем расспрашивал, потом предложил пойти на организованные в районе курсы председателей колхозов.

Шитков мог стать волгарем. Мог остаться в рядах Советской Армии. И вот вполне реальная перспектива пойти отцовской дорогой. А он стал рядовым милиционером.

Толчком к принятию такого решения послужила, видимо, вот какая история.

На Горьковском автозаводе работал дядя Николая, Иван Михайлович Шитков — фронтовик, участник обороны Ленинграда. Демобилизовавшись из армии, Николай приехал навестить его. Вечером, когда Николай собрался прогуляться, Иван Михайлович предупредил:

— Только допоздна не задерживайся. У нас тут окраина, бывает, хулиганы пошаливают.

Николай возмущился:

— И вы терпите?

— Ну, знаешь, не для того я переносил блокаду, чтобы погибнуть где-нибудь на задворках от ножа хулигана. Но порядок мы наведем, можешь не сомневаться. Только тут в одиночку толку не добьешься. Надо действовать сообща.

Присмотревшись, Николай понял, что опасения дяди обоснованы: в то время в районе было немало бездельников и хулиганов.

— И долго вы намерены терпеть рядом с собой это отребье? — негодовал он.

— Да ведь мы-то делом заняты, — отвечал дядя. — А вот ты что возмущаешься? Возмущением тут не поможешь. Шел бы в милицию и наводил порядок.

— А что, и пойду!

На следующий день он отправился в ближайшее отделение милиции. Сказал о своем желании быть на страже порядка и покоя автозаводцев.

Было это зимой 1953 года, через два месяца появился приказ о зачислении Шиткова в ряды работников милиции. Первое время он охранял общественный порядок в поселке Гавань, а через три месяца уже самостоятельно разбирал несложные дела.

Новая работа пришлась ему по сердцу — опасная, беспокойная и — благородная. Выбрал он ее вроде бы сгоряча, после разговоров с дядей, но постепенно убеждался, что это и есть его настоящее призвание: быть всегда на посту, охранять честь, достоинство и покой граждан, а нередко и их жизнь.

Прошло полгода, и старательный и честный работник стал участковым инспектором. Рядовой милиционер — на самостоятельной офицерской должности! Такое случается не часто. Теперь Николаю приходилось нередко самостоятельно решать такие вопросы, которые требовали знаний, а их-то ему как раз и не доставало. Пришел в вечернюю школу — надо было закончить учебу, прерванную в военные годы в колхозе.

Преподаватели сразу обратили внимание на старательного и упорного новичка. Ему приходилось нелегко: семья, посменные дежурства, срочные выезды на выполнение заданий. И все же Николай Александрович не пропускал ни одного занятия.

Повседневная работа тоже требовала конкретных знаний, определенных навыков и приемов. И хотя в отделении милиции Шиткова уже не раз отмечали как передового работника, он достаточно критически оценивал свои успехи, понимая, что это пока только первые шаги, что ему надо еще учиться да учиться, чтобы стать настоящим участковым, например, таким, как лейтенант милиции Михаил Филиппович Митрофанов. Сколько лет минуло, а Шитков и сейчас с большой теплотой вспоминает этого замечательного человека, первого своего наставника и друга:

— Всем он меня превосходил: ростом — на голову выше, в плечах — косяя сажень и годами постарше; а главное — умением, опытом. Помню, в один из весенних праздников на моем участке, у женского барака, вспыхнула драка. Я бросился в самую свалку, свищу, кричу — куда там, не слышат. Уж и не знаю, как самому выбраться. И вдруг слышу голос Митрофанова:

— А ну, прекратить безобразие! Александр Петров, Свешников Владимир! Кому сказано?

Драка сразу же прекратилась. Вдвоем мы быстро навели порядок и дальше весь вечер вместе дежурили. «Вот это работник...» — с завистью думал я, с трудом поспевая за широко шагавшим Митрофановым.

— Хорошо, когда человек критически оценивает свои действия. Плохо только, если это начинает доходить до болезненной неудовлетворенности собой. Так можно утратить веру в свои силы, — словно угадав мои невеселые мысли, сказал Митрофанов.

Мы долго говорили в тот вечер. Лейтенант просто и убедительно показывал, как важно для участкового знать людей, завоевать их расположение и доверие, сделать их своими помощниками.

— Вы думаете, — спрашивал Митрофанов, — почему там, у барака, быстро прекратилась потасовка?

— Наверно, потому, что вы так прикрикнули на них... С таким голосом любого приведешь в чувство.

— Голос, конечно, сыграл свою роль, но главное не в нем, — смеясь возразил лейтенант. — Главное — я назвал людей. Назвал по фамилии и имени.

С тех пор Шитков и Митрофанов часто дежурили вместе. Их участки граничили между собой. Собственно, еще недавно это был один участок, обслуживал его Михаил Филиппович. Потом население выросло, территорию пришлось разделить на две. И в этом смысле Николаю Александровичу здорово повезло: от своего старшего, более опытного коллеги он перенимал не только его богатый опыт, но и конкретные, годами накопленные знания особенностей участка и его жителей. Михаил Филиппович, как опытный педагог, ненавязчиво, но упорно, последовательно и больше на деле, нежели на словах, обучал его «секретам» своей многогранной и трудной профессии. Весь он — массивный, крепко и ладно сбитый — воплощал в себе спокойную и несокрушимую веру в успех любого дела, за которое он принимался. Эта вера передавалась и молодому участковому, жадному до всего, что касалось его службы.

НА ОКРАИНЕ ГОРОДА

Поселки Доскино и Нагулино находятся на самой окраине Автозаводского района. Расположенный немного западнее поселок Горбатовка уже подчинен Дзержинскому горсовету.

В Доскине есть свой совхозный клуб, в Горбатовке — свой поселковый, однако молодежь тянется почему-то к соседям, и на вечерах, особенно во время танцев, трудно подсчитать, кого больше в клубах: «своих» или «чужих». Горбатовские парни начинали ухаживать за доскинскими девушками и наоборот: доскинские за горбатовскими. Возникали конфликты, заканчивающиеся пьяными драками.

О ненормальных отношениях между парнями поселков знали все, в том числе, разумеется, и участковые. Несколько раз они пытались пресечь эту возникавшую из-за пустяков вражду, беседовали с драчунами, но, по-видимому, не придавали всему этому достаточно серьезного значения.

Между тем вражда усиливалась... Трудно врачам, когда болезнь запущена, но не легче и работникам милиции, если они тоже упустили время. А именно это и произошло на окраинном участке. Очередная потасовка у совхозного клуба кончилась трагически. Участкового пришлось снять с работы.

Обо всем этом рассказал Шиткову начальник районного отдела милиции полковник Александр Алексеевич Борисов, изучив личное дело Николая Александровича.

— Думаем поручить этот участок вам.

Долго беседовал полковник с Шитковым. И если раньше у него еще были какие-то сомнения («Не рано ли? Больно уж молод!»), то теперь его все больше привлекало простое скуластое лицо участкового, широкий лоб, открытый взгляд. Вспоминались слова характеристики, выданной руководством шестнадцатого отделения: «Настойчив, трудолюбив, чувствует ответственность...» По многолетнему опыту Борисов хорошо знал, что как раз из таких вот простоватых с виду парней, душой болеющих за порученное дело, чаще всего и выходят со временем наиболее ценные работники.

Шитков не сразу принял предложение полковника. Думал: справится ли; потом — Валентина, жена, как на это посмотрит? Когда уезжали из Андросова, ее, работницу колхозной бухгалтерии, с большим трудом отпустили члены правления. Первое время семье пришлось снимать комнату в поселке Гавань, где Николай работал. Потом им выделили комнату в бараке — тесноватую и не очень светлую, но как обрадовалась ей Валя! И вот теперь придется оставлять только-только обжитый угол, в Доскино перебираться. Нельзя же повторять ошибку своих предшественников, которые жили в городе, а работали в поселках.

Полковник понял Шиткова, не стал требовать немедленного ответа:

— Дело серьезное. Подумайте, с женой посоветуйтесь. С учебой как будет? Не помешает вам новая работа?

— Нет, товарищ полковник, — ответил Шитков. — Среднюю школу я уже заканчиваю, думаю поступать в специальную школу милиции. А заочно можно учиться всюду.

— Вот и отлично. Жду вас завтра в это же время.

На следующее утро был отдан приказ о переводе Николая Александровича Шиткова участковым поселков Доскино и Нагулино. А к обеду Николай с Валентиной, собрав свои скромные пожитки, переехали в совхоз. Вручая им ключи от квартиры, директор сказал одобрительно:

— Вот это по-нашему, всей семьей сразу. Вижу — не гостем, а хозяином к нам пожаловали.

Легко сказать — хозяин! А попробуй им стать на деле.

Начинать пришлось буквально с пустого места. Не оказалось даже помещения, где бы можно было побеседовать с человеком. Первое время служебный кабинет заменяла ему собственная квартира. В любое время сюда приходил народ, вызывались правонарушители. Только многотерпеливая Валентина Александровна могла вынести такое. Потом ему удалось отвоевать небольшую комнату в здании местного пожарного

депо. Там он засиживался допоздна, но после работы к нему на квартиру все так же заходили те, кому нужны были его совет и помощь.

С людьми среднего и пожилого возраста у него быстро установились самые тесные и дружеские отношения. А вот с молодежью не сразу удалось найти общий язык. Во всяком случае первая его попытка установить контакт с молодыми кончилась ничем.

Субботним вечером, когда в клубе должны были начаться танцы, Шитков вместе с секретарем партбюро совхоза Николаем Афанасьевичем Салиным вышли на сцену. Скамейки уже были сдвинуты. В зале, справа и слева, у стен двумя враждебными группами толпились свои, совхозные, и горбатовские парни. Девушки держались поодаль, ближе к выходу. Салин поднял руку. Шум стих.

— Это наш новый участковый,— представил своего спутника секретарь,— Николай Александрович Шитков. Он хочет сказать вам несколько слов.

Шитков вышел на авансцену, стал говорить.

— Вот вы стоите двумя группами, друг против друга, будто схватиться на кулачки собрались. Стенка на стенку, как в старину. Слева кто? Свои? А справа? Чужие? Стыдно! Не хорошо! Какие же они чужие? Такие же ребята, как и вы...

Так он журил их минут десять, пока из зала не послышался чей-то нетрезвый голос:

— А танцы сегодня будут?

Николай смутился:

— Будут... Можете начинать.

И они вышли из клуба.

— Не поняли! Ничего не поняли! — Нервничал участковый.

— А вы попробуйте еще раз,— посоветовал Салин.— Только постарайтесь меньше их поучать. Они этого не любят. Лучше расскажите о правонарушениях, которые были совершены в нашем районе по пьянке. Вы обратили внимание, сколько в клубе парней в нетрезвом состоянии? Вот в чем корень зла! К сожалению, ваши предшественники не только не хотели этого понять, но и сами нередко злоупотребляли спиртными напитками.

Он помолчал, потом махнул рукой, как бы подведя черту:

— Против пьянства нам всем надо вести последовательную и настойчивую борьбу. И вот еще что. Нельзя, чтобы на танцах верховодили хулиганы. А выходит, что они там полные хозяева. Не помню, чтобы прежние участковые когда-нибудь

заходили в клуб. Как только наступал вечер, они спешили в город, домой. Наши комсомольские активисты тоже не показывались. Да и мы с вами сегодня первый раз зашли...

В те годы у окраинного участка, где трудился Шитков, была весьма ненадежная связь с городом: дорог с твердым покрытием не было, в весеннюю и осеннюю распутицу — не проехать; по телефону тоже не очень разговоришься — один аппарат на все Доскино, да и тот постоянно выходил из строя. И Николаю Александровичу нередко приходилось самому решать неотложные вопросы. Все чаще обращался он к книгам — тут помогала учеба в заочной спецшколе милиции. Только жизнь, практика не всегда согласовывалась с учебной программой. Она ставила перед ним десятки таких вопросов, которые он «не проходил» в школе. От него требовались все более широкие знания, и не только профессиональных и политических вопросов, а и вопросов психологии, педагогики. Между тем методических пособий, которых и сейчас негусто, в ту пору было еще меньше.

Вот тогда-то Николай Александрович и выработал в себе замечательное качество, которое в трудные моменты всегда выручало его, — он научился советоваться с Владимиром Ильичем Лениным. Перечитывая основополагающие ленинские труды о пролетарской милиции, он все яснее представлял себе, какими качествами должен обладать работник милиции, чтобы оправдать оказываемое ему высокое доверие народа. Крепко запомнилось ему высказывание Владимира Ильича о том, что пролетарская милиция должна выражать «разум и волю, силу и власть огромного большинства народа».

...В следующую субботу Николай пришел в клуб с Валентиной. Он опять выступал, рассказал, как советовал секретарь партбюро, о правонарушениях в Автозаводском районе, связанных с злоупотреблением алкогольными напитками. На этот раз его слушали внимательнее, задавали вопросы. Потом они с женой вошли в круг и вместе с другими танцевали. Одно присутствие участкового в зале заставляло остывать не в меру горячие головы, а нетрезвых — уходить домой.

Постепенно у участкового подобрались надежные помощники — совхозные ребята, готовые в любое время оказывать ему всяческое содействие. Вместе с участковым поселка Горбатовка они стали практиковать совместные дежурства внештатных сотрудников: помогали организовывать в клубах концерты художественной самодеятельности и совместные вечера. Былая вражда между поселковыми и совхозными ребятами ослабевала, зарождалась и крепла настоящая дружба.

Вошли в систему регулярные выступления участкового перед рабочими совхоза и жителями поселков. На танцевальных вечерах, перед началом киносеансов, на полевых станах и животноводческих фермах — всюду можно было услышать его короткие десяти-пятнадцатиминутные рассказы о борьбе с правонарушениями в поселках и районе, о борьбе с пьянством, тунеядством, стяжательством. Беседы эти всегда строились на конкретных фактах, убедительно раскрывали антиобщественную сущность этих явлений.

Не забывал участковый и об индивидуальной работе. Не было дня, чтобы он не приглашал кого-нибудь в «кабинет» (отведенную ему в пожарном депо комнату) или к себе на квартиру для разговора наедине. Частым гостем был он и в квартирах жителей своего участка, особенно в неблагополучных семьях.

Управившись с делами в Доскине, он спешил в поселок Нагулино, а путь не близкий. Но неугомонный участковый летом ездил туда на велосипеде, зимой ходил на лыжах.

Минул год. На участке стало заметно спокойнее. Однако дел не убавилось. В совхозе наблюдались случаи хищения зерна, овощей, кормов, особенно в дни уборки. Эти дни были для участкового такой же страдной порой, как и для рабочих совхоза. Но сколько бы ни ездил он по полям, утром, как всегда, шел «на пожарку». Точность и пунктуальность во всем — эта привычка, выработанная годами армейской службы, так и осталась у него на всю жизнь.

На участке уже давно не было никаких серьезных правонарушений, и вдруг... Обокрали совхозную столовую. Утром повара, первыми пришедшие на работу, обнаружили, что дверь столовой взломана. Вызвали Шиткова. Пришли заведующая, кассир, все осмотрели, прикинули материальный урон. Он был невелик: похищенными оказались мелочь, оставшаяся на ночь в кассе, некоторые продукты и... развесная гирька. Кому и зачем она понадобилась?

По всему было видно, что в столовой действовала неопытная рука, больше из озорства. Николай Александрович, успевший к этому времени близко познакомиться с жителями участка, быстро прикинул в голове, кто из подростков мог решиться на это, — а в том, что столовую обокрали подростки, он не сомневался. Пошел по квартирам. «Грабители» — их было трое — еще спали. Шитков будил их по очереди. Они выворачивали карманы, высыпали мелочь. Даже гирька обнаружилась. Все это было возвращено в столовую. Не хватило только некоторых продуктов. Их стоимость возместили родители.

Состав преступления был налицо. Можно привлекать виновных к уголовной ответственности. Шитков хорошо знал, что в правовом деле нет ничего хуже, чем замалчивать преступления. Это порождает у правонарушителей чувство безнаказанности. И все же в случае с ребяташками, старшему из которых не было и четырнадцати, он решил ограничиться обстоятельным обсуждением их поступка с общественностью. Крепко досталось тогда воришкам и их родителям. Подростки краснели и бледнели, клялись, что такого с ними никогда не повторится.

С той поры больше двух десятилетий минуло, ребята давно стали солидными людьми, хорошими семьянинами. И ничего худого за ними больше никогда не замечалось.

Семь с лишним лет проработал Николай Александрович на разных участках, в одном только совхозе — пять. Какие это были трудные годы!

— И все же мне всегда приятно вспоминать их, — говорит Шитков. — Когда провожали меня из совхоза, я видел вокруг такие хорошие глаза ставших мне близкими людей, слышал их благодарные слова. Значит, думал, я был нужен им, жителям дальнего участка. А быть нужным людям — это, наверное, и есть самое большое счастье для человека.

Он навел порядок на одном из самых трудных участков, справился с поставленной перед ним задачей. Настало время поручить ему более сложное и ответственное дело. Его перевели в уголовный розыск: сначала инспектором, потом — старшим инспектором, а еще позже — начальником отделения. В течение почти десяти лет он возглавлял отделение. Впрочем, и сейчас, будучи заместителем начальника райотдела, он руководит всей оперативной работой. Руководит умело и грамотно. Это умение он по крупице накапливал в течение всей своей многолетней службы. Перейдя на оперативную работу, он почувствовал, что тех знаний, которые получил в заочной спецшколе, недостаточно. И уже далеко не молодым поступил в Высшую школу милиции и успешно ее закончил (тоже заочно).

В отделе о Шиткове все отзываются как о хорошем учителе и добром наставнике молодежи. Геннадий Иванович Якушев, например, теперь начальник отделения розыска, а пришел в отдел рядовым оперативным работником. Начальниками отделений стали Владимир Мешалкин и Валерий Молокин. Есть его питомцы и в аппаратах управлений. Скажем, Ни-

кандр Иванович Мясоедов, в прошлом рядовой работник, стал старшим инспектором уголовного розыска управления внутренних дел области.

Николая Александровича Шиткова ценят в отделе и как отличного психолога. В многотрудной работе с людьми Шитков не допускает шаблона. У одних, он знает, увереннее идут дела, когда они чувствуют его плечо, и при выполнении заданий всегда старается быть с ними рядом; других, наоборот, его присутствие сковывает, они начинают теряться; для пользы дела к таким без нужды лучше не подходить. Однако в любом случае — и это характерно для стиля работы подполковника Шиткова — он, не подменяя подчиненных, старается постоянно быть в курсе всех дел, чтобы в случае необходимости кого-то поправить, кому-то дать добрый совет. В оперативном деле всякое случается, бывают и досадные промахи. Важно вовремя это заметить, вместе с подчиненными подробно проанализировать все улики, все данные, помочь им сделать правильные выводы и направить розыск по верному пути. Так было и при раскрытии убийства Г. Н. Свящева.

ПОСЛЕДНЯЯ ВЕРСИЯ

В отделе внутренних дел раздался телефонный звонок.

— Дежурный? — в трубке слышался взволнованный женский голос. — Это говорит уборщица седьмого пивного киоска Саврасова. За киоском под деревьями лежит какой-то мужчина... Нет, вроде бы неживой.

Не прошло и десяти минут, как к ларьку подъехали машины с оперативной группой. Руководил ею подполковник милиции Шитков. Первоначальный осмотр трупа и места происшествия, к сожалению, ничего существенного не дал. Никаких документов при убитом не оказалось. В жухлой траве были обнаружены перочинный нож с обломленным лезвием да еще кухонный, оба в крови. Находки важные, и они, безусловно, пригодятся, а пока надо решать первоочередную задачу — установить личность убитого.

Опросив жителей прилегающего района, выяснили, что в 201-ю квартиру дома № 15 по улице Старых производственников ночью не вернулся хозяин — Свящев Геннадий Николаевич. Жена его Эльвина Александровна была крайне встревожена, все причитала, заливаясь слезами: «Ох, родимые, чувствует мое сердце — беда с ним, беда!» Чтобы не вызвать дополнительной психической травмы, работники милиции пригласили

с собой ее сына Виктора. И тот сразу опознал в убитом своего отца.

Произошло это в 6 часов 30 минут, ровно через 40 минут после того, как в дежурной раздался телефонный звонок. Теперь надо было решать главную задачу — установить и разыскать преступников. Выдвигались две версии: по первой предполагалось, что рабочего убили пьяные хулиганы: у седьмого киоска нередко случались потасовки между любителями спиртного, а Свящев принадлежал к их числу. Сторонники второй версии полагали, что преступление совершено из мести, в расплату за нанесенные оскорбления — Свящев был человеком неуживчивым, вспыльчивым, склонным вступать в конфликты, а то и в драки, к тому же у него пропала недавно моторная лодка, и он открыто обвинял в воровстве кое-кого из соседей и знакомых...

И пошли, потянулись дни кропотливого и поначалу не очень плодотворного поиска. С утра до ночи две оперативные группы тщательно отрабатывали свои версии, обходили квартиры домов, прилегающих к району убийства, добывали необходимую информацию о Свящеве и его семье, искали очевидцев совершенного преступления и лиц, склонных к правонарушениям, осматривали лифты, подъезды, подвалы — нет ли где каких следов, устанавливали и изучали близких знакомых жены и сына потерпевшего. Заинтересовались и соседом Свящевых Вячеславом Александровичем Александровым.

— Да, мы дружили с Геннадием. Вместе на работу ездили, частенько выпивали, — не скрывал тот.

— А вот соседи говорят, будто последнее время вы нередко скандалили? Было такое? Из-за чего у вас возникали ссоры?

Александров тушевался, начинал путаться, вел себя как-то странно, на некоторые вопросы отказывался отвечать, отрицал очевидные факты. В конце концов под тяжестью улик ему пришлось признаться в своих интимных связях с женой Свящева.

К тому времени оперативная группа, возглавляемая начальником уголовного розыска старшим лейтенантом милиции Геннадием Ивановичем Якушевым, отрабатывая первую версию, добыла достоверные сведения о том, что в тот самый вечер, когда погиб Свящев, и примерно в те же часы неподалеку от пивного ларька какие-то парни затеяли драку. Кто они, эти парни? Не ввязался ли в эту ставшую роковой для него потасовку Свящев? Все это, разумеется, требовало дополнительной проверки и самого тщательного изучения.

Таким образом, определялись две новые, более четкие и обоснованные версии: по первой в убийстве Свящева подозревалась группа молодых людей; по второй предполагалось, что преступление мог совершить Александров. И опять упорный, напряженный труд. Об объеме его можно судить хотя бы по тому, что только группе Якушева пришлось познакомиться больше чем с четырьмястами парней района. А когда эта проверка была закончена, выяснилось, что никакого отношения к убийству они не имели.

Теперь большинство оперативных работников склонялось к мысли, что преступление совершено Вячеславом Александровым.

Только Николай Александрович Шитков не соглашался с этим, советовал не торопиться с выводами, требовал трезво взвешивать все «за» и «против».

— С Александровым нужно продолжать заниматься,— говорил он,— но вполне возможно, что убийца — не он.

— А кто? — почти машинально спрашивал следователь. Действительно, кто? Кажется, перебрали всех подозреваемых.

— А вот одно лицо, которое должно было нас заинтересовать, мы, можно сказать, и упустили.— Шитков имел в виду жену убитого, Эльвину Свящеву.— До сих пор мы ее щадили, видя, как она убивается. Однако соседи рассказывают, что при жизни мужа она куда холоднее к нему относилась.

Подполковник обвел взглядом собравшихся на очередное совещание оперативных работников, помолчал и, как бы рассуждая вслух, сказал в заключение:

— Возможно, что и у нас в Автозаводском районе появилась своя леди Макбет. Помните рассказ Лескова? Там тоже на любовной почве совершается убийство.

...Александров шел улицей Старых производственников. Было зябко и сыро. Ржавые тополиные листья густо покрывали мокрый асфальт, липли к подошвам ботинок, а он никак не мог стряхнуть их. Вот так же ему не удавалось избавиться от липкого омерзительного чувства причастности к чему-то преступному. Сколько времени прошло после его допроса? Неделя? Да, неделя, а в ушах все звучат слова следователя, из которых он сделал вывод, что его подозревают в убийстве.

Нет, он не убивал Свящева. Но эта женщина... Их близость... Семейные скандалы... Поди, докажи теперь!

Из-за этих неясных мыслей он не заметил, как подошла Свящева, взяла его под руку.

— Теперь мой старик нам не помеха,— сказала она.— Ведь он был на целых десять лет старше меня.

Александров знал, что она врала: не на десять — на четыре. Это он, Александров, моложе ее на целых пятнадцать лет. Что его связывало с этой женщиной, он и сам не мог объяснить.

— Знаешь, Эльвина, — глухо сказал он, — меня на допрос вызывали. В убийстве твоего Геннадия подозревают.

— А ты и напугался? Не бойся, ты ведь не виноват.

Александрову вспомнилось, как однажды, как бы между прочим, она шептала: «Вот ты на рыбалку с ним едешь. Если б он, постылый, взял да вывалился из лодки за борт и утонул. Может же такое случиться?»

Тогда он принял эти слова за шутку и посоветовал развестись с мужем. Никто ведь не неволит ее с ним жить. Так, оказывается, то была не шутка! Страшная догадка вспыхнула в его сознании...

Утром Александрова опять вызвали в милицию. Разговор с ним был тяжелый и долгий, но он все же пролил свет на некоторые детали убийства Свящева. Тогда в отдел пригласили Эльвину Александровну.

Та в слезы.

— Как вы только могли такое подумать! — кричала она. — Да я до министра дойду. До прокурора республики!

Но после неопровержимых улик и показаний свидетелей она притихла, затем, поняв бессмысленность своего запирательства, созналась в преступлении и рассказала то, что к этому времени уже было известно сотрудникам милиции. А известно им было следующее.

Когда-то она, наверное, любила его. Иначе почему бы вышла за него замуж? И первые годы жили они хорошо, работали вместе, на автозаводе, он — рабочим железнодорожного цеха, она — земледелом в литейке. Зарабатывали прилично. Потом родился у них сын, завком выделил квартиру в новом доме. Только бы жить да радоваться.

Несчастье подкралось незаметно: Геннадий начал выпивать. Первое время Эльвина большой беды в том не видела. Часто с получки и сама покупала мужу вино. Однако постепенно он так пристрастился к спиртному, что дня без него не мог прожить. После смены его стали поджидать дружки-собутельники. Домой он приходил поздно и всегда пьяным, куражился, лез с кулаками. Бить не бил, а шум поднимал такой, что соседей стыдно.

Она пробовала вытащить его из пьяного омута — ругала, стыдила, просила начать лечиться. Утром, пока был трезвым, он обижался:

— Ты что, за алкоголика меня принимаешь? — И клялся: — С сегодняшнего дня все кончено!

Но наступал вечер, и пьянка опять продолжалась. Иногда он приводил кого-нибудь из своих дружков в дом, чаще других соседа, Вячеслава Александрова. Муж быстро хмелел, и она заводила разговор с Вячеславом. Ей до того опостытели мужнино вечно обрюзгшее лицо, бессвязное пьяное бормотанье, что такие встречи с соседом стали ей в радость, она начала сама искать их. Муж стал догадываться, пошли скандалы.

Появилась и занозой застряла в голове мысль — любимыми путями избавиться от него, ставшего для нее совершенно невыносимым. И тут подвернулся подходящий случай. Как-то, придя с работы, Эльвина Александровна застала дома веселое застолье, в гости к сыну пришел его знакомый, бывший однокашник Валерий Шимаров. Свящева узнала парня.

— Что это ты острижен как-то по-чудному? — спросила она.

— Из заключения условно-досрочно освобожден. Прическу еще не отрастил.

Свящева стала внимательно присматриваться к парню. Тот заходил несколько раз. Как-то они разговорились. Узнав, что Шимаров судился за тяжкое преступление, Свящева начала действовать смелее. Улучив момент, когда парень изрядно выпил, она увела его на кухню и спросила:

— Тебе, наверно, очень нужны деньги?

— Угадали. Жениться надумал. Кольца, подарки невесте, стол для гостей — все это потребует немалых расходов.

— Так вот, можешь за один вечер пятьсот рублей заработать.

У парня глаза загорелись:

— Что для этого надо сделать?

— Отправить на тот свет одного человека.

— Кого?

— Свящева.

— Какого?

— Моего мужа.

— Дядю Гену?.. — растерялся парень.

— А ты подумай.

И Шимаров согласился. В назначенный день в шестом часу вечера вместе с таким же условно-досрочно освобожденным Владимиром Краюшкиным они были у Свящевой. Та дала им двадцать рублей. Они сходили в магазин за водкой. К этому времени возвратился с работы хозяин. Началась попойка. Когда первая бутылка была осушена, Краюшкин сказал:

— Может, еще сбегать?

Но тут зашумела хозяйка:

— Ишь нашли место для выпивки. Проваливайте прочь.

— Была бы водка, а за местом для выпивки дело не стоит, — сказал Шимаров. — Пошли, что ли, Геннадий Николаевич?

Краюшкин сбегал якобы за водкой, хотя она у них была заранее припасена. Потом все трое направились к пивному ларьку. Он был закрыт. Зашли в сад, выпили. Священ был уже сильно пьян.

Шимаров вынул нож и стал наносить им удары своему собутельнику.

Краюшкин не отставал от приятеля...

В день похорон Шимаров и Краюшкин приехали к Свящевой за деньгами. «Убитой горем» жене пришлось прервать на некоторое время свои рыдания и выйти к «гостям». Она вручила им сто рублей и торопливо прошептала:

— Остальное получите через неделю.

Через неделю она отдала преступникам остальную сумму, не забыв при этом вычесть ту двадцатку, которую они получили от нее в день убийства на водку.

Как уже говорилось, все это стало известно работникам милиции еще до вызова Свящевой. Но для этого им пришлось немало и упорно потрудиться. Шитков и его коллеги сумели развязать тугой узел. А сколько их, самых разных узлов распутал Николай Александрович за четверть века службы в милиции...

И опять приходят на память счастливые вехи в беспокойной жизни Николая Александровича Шиткова. Та первая трудовая медаль, которую он заслужил еще юношей, оказалась не единственной. К ней прибавились медали трех степеней, полученные за безупречную службу в органах внутренних дел, Почетные грамоты Президиума Верховного Совета РСФСР и МВД СССР, а также множество иных поощрений. Они в жизни Шиткова — рядом с его трудными делами. Не зря же говорят в народе:

— Ничто не приносит такого счастья, такой радости, как трудное дело, когда с ним справишься.

Г. Фокин, Н. Шевченко

БЕЗ ПРАВА НА ПОКОЙ

ЗАГАДОЧНОЕ НАПАДЕНИЕ

— А что? По-моему, совсем неплохо,— обращаясь к своему заместителю, удовлетворенно заметил начальник Сормовского райотдела, перевернув последнюю страницу уголовного дела, которое было поручено молодому следователю Комарову. Он откинулся на спинку стула, побарабанил в раздумье пальцами по столу и, как бы подводя итог своим размышлениям, убежденно произнес:

— Потянет работу новичок! Цепкий, сообразительный, а главное, умеющий логически мыслить.

Об этой похвале Вячеслав Комаров, естественно, тогда не знал, потому что разговор проходил не в его присутствии. Он очень волновался, не получился ли первый блин комом.

В больницу доставили некоего Виктора Бочкова с проникающим ранением брюшной полости. Потерпевший рассказал, что, когда он возвращался с работы домой, на него внезапно напали неизвестные и беспричинно стали избивать. Лейтенант попросил уточнить, как все произошло.

— Очень просто,— заявил Бочков,— как только я углубился в темный переулок, чтобы перейти на другую улицу, двое выскочили из кустов, один из них бросил меня через подножку, а второй начал избивать. Мне удалось вырваться и убежать, но уже в пути кто-то из них пырнул меня ножом. Я вскрикнул, и хулиганы отстали.

Вместе с работниками уголовного розыска Вячеслав Иванович выехал на место происшествия. Как и учили его в школе следователей, он тщательно исследовал все, что могло пролить хотя бы малейший свет на случившееся. К сожалению, никакой зацепки. На обочине дороги, где, по заявлению потерпевшего, на него напали хулиганы, естественно, должны бы остаться хоть какие-то следы борьбы, но там ничего подобного не было. Гладкая поверхность заброшенной песчаной тропинки указывала на то, что здесь уже давно никто не проходил. Опрошили жителей близлежащих домов, но никто в тот вечер ничего не слышал. А один из пенсионеров заявил:

— Уголок наш тихий, мирный, и народ тут добрый. Чай, полвека здесь прожил и никаких ненормальностей, а тем более хулиганства не наблюдал.

«В чем же дело? — размышлял следователь. — Если на потерпевшего не было нападения, то что же с ним произошло? Может, он скрывает истинную причину своего ранения?» Одна неясность порождала другую, а ответов на свои вопросы лейтенант пока не находил. Версий возникало много, но все они требовали всесторонней проверки. Ну, скажем, потерпевший сам участвовал в каком-либо преступлении и в ходе борьбы получил ранение. Не исключалось, что произошло это на почве чьей-то мести, тоже связанной с какими-то темными делами. Разобраться во всем этом не так просто. Профессия следователя сродни многим другим. Как и геолог, следователь обязан отличить ценное и полезное для дела от «пустой породы». Как научный работник, он должен уметь анализировать различные события, факты, явления. От глубины его познаний, от его мастерства, добросовестности и внимательности зависит судьба человека. Вот почему Комаров принялся самым тщательным образом всесторонне изучать образ жизни потерпевшего, его окружение. Прежде всего поинтересовался, где и с кем он был в день своего ранения.

Лейтенант побывал на предприятии, где работал Бочков, поговорил с теми, кто его хорошо знает, и сразу же выявилось явное несоответствие показаний потерпевшего действительности. Оказалось, что Бочков в тот день, когда был ранен, вообще не являлся на работу, а с утра до позднего вечера пьянствовал со своим братом, возвратившимся из мест лишения свободы.

Ситуация создавалась довольно загадочная.

— Вы же говорите, что нападение произошло во время возвращения с работы, а сами в тот день совершили прогул, пьянствовали, — уточнял следователь.

— А какое это имеет значение, откуда и куда я возвращался, — нервничал Бочков. — Ваше дело искать преступника. Ну, брата провожал, а сказал, что шел с работы. Это же положение не меняет.

— Нет, меняет, — возразил следователь, — меняет потому, что нападения на вас в том месте, которое вами указано, не было.

— А где же оно, по-вашему, было? — стоял на своем Бочков.

— Пока еще не известно, было ли оно вообще, — усомнился участвующий в допросе инспектор уголовного розыска.

— Выходит, я сам себя ножом пырнул?

— Утверждать это пока нет оснований, хотя и такой вариант не исключается,— охладил его пыл Комаров.

Бочков молчал. По его нервному напряжению было видно, что он лихорадочно подыскивает другие аргументы, которые, по его мнению, помогут убедить следователя в достоверности его показаний, но не находит их.

Дальнейший допрос не прояснил обстоятельств дела.

— Изворотливым оказался этот Бочков,— рассуждал старший оперативной группы,— нужно искать к нему другой подход.

После некоторых сопоставлений Вячеслав Иванович решил поговорить с братом Бочкова. С тем самым, с которым сомнительный потерпевший пьянствовал в день своего ранения. При этом лейтенант строго-настрого предупредил медперсонал больницы, чтобы к Бочкову никого не допускали. В том числе и родственников. Раз получается такая странная ситуация, не мешает принять все меры предосторожности, чтобы исключить возможность любого сговора.

— А тут недавно его брат приходил и так упрашивал свидеться с ним,— сказала няня,— но больной как раз находился на перевязке. Обещал навестить попозже.

— Ни в коем случае,— еще раз наказал Комаров, а сам подумал: «Хорошо, что своевременно предусмотрел».

Брат Бочкова явился в милицию по вызову незамедлительно. Не ожидая вопросов, сам начал разговор:

— Вот, отбыл срок наказания и, как говорят, возвращаюсь к честному труду. Правда, еще нигде не устроился. Подыскиваю подходящую работенку.

По-видимому, он полагал, что пригласили его в милицию по поводу трудоустройства. Коль скоро об этом зашла речь, следователь повел разговор в нужном ему направлении.

— Говорите, о честном труде, а сами пьянствуете.

— Откуда это вы взяли?

— Ну хотя бы в прошлую пятницу.

— А... Это с брательником! Да, было дело, малость выпили и разошлись.

— Как разошлись?

— Вернее, я ушел, а он дома остался.

— Разве вы ушли один? — Поймав разногласия в показаниях братьев, уточнял следователь.

— Ну а с кем же? — удивился тот. — У нас никого больше не было. Выпивали мы вдвоем. Потом я, как уже говорил, ушел, а брательник улегся спать.

— А говорят, вы еще ходили с ним по улице, песни распевали,— схитрил лейтенант.

— И кто вам такое наговорил,— рассмеялся Бочков-старший.— Куда ему было до песен, когда он так захмелел, что как сноп свалился на кровать. Я еще перед уходом курткой его прикрыл.

Поняв, что от Сергея Бочкова он пока больше ничего не узнает, следователь предупредил его:

— Быстрее устраивайтесь на работу. Пока ограничимся этим разговором.

Отпустив Бочкова, Комаров вместе с экспертом-криминалистом и оперативным работником выехал на квартиру потерпевшего, предварительно заручившись санкцией на ее обыск.

— А, милиция! Наконец-то. Можно бы малость и пораньше,— встретил оперативную группу упреками пожилой ворчливый мужчина и стал возмущаться:

— Тут недавно такое было, хоть из дому убегай.

— Вот, пожалуйста, и расскажите, что и как было? — успокоил его Комаров.

— А,— фыркнул старик.— Хулиганили Бочковы. Старший только из колонии пришел. Снова за старое принялся. И младшего спаивает. А в прошлую пятницу драку между собой затеяли. Один из них так кричал, что спасу не было. Все требовал: «Бросай нож!» Выходит, дело до поножовщины дошло. Не зря же наутро младшего в больницу отправили.

«Да, история»,— подумал Вячеслав Иванович и, пригласив понятых, попросил представителя домоуправления открыть квартиру Бочкова-младшего. В комнате был относительный порядок. Только под столом покоились три пустые бутылки из-под спиртного. В ванной на протянутой от стенки к стенке веревке висело старое, какого-то неопределенного цвета мужское белье. На передней части рубахи имелось небольшое резаное отверстие, вокруг которого виднелось плохо застиранное бурое пятно.

— Похоже на кровь,— заметил эксперт и, снимая с веревки рубаху, добавил:— Уточним в лаборатории.

— А вот новая находка,— оживился следователь, извлекающая из-под кровати похожий на финку самодельный нож. Его тщательно осмотрели и у самой рукоятки тоже обнаружили темно-бурые крапинки.

— Берем и это,— заметил эксперт.

Лабораторные исследования показали, что на рубахе и ноже действительно имелись следы крови. Причем группа ее совпадала с группой крови потерпевшего.

Следователь резюмировал:

— Кажется, вышли на правильный путь. Ранил Бочкова, вероятнее всего, его брат.

Снова пригласили в милицию Сергея. Разговор с ним следователь начал с вопроса в лоб:

— Ваш нож? — не то спрашивая, не то утверждая, заявил он и выложил на стол самоделку.

— Откуда вы взяли, что он мой? — сделал удивленный вид Сергей. — Отродясь такими игрушками не баловался.

— Значит, отрицаете? — сдерживая волнение, спросил лейтенант и хотел было сказать: «Напрасные уловки». Но удержался.

— Вот что, Сергей Иванович. В делах этих вы не новичок и хорошо знаете, что чистосердечное признание является смягчающим вину обстоятельством. Сами видите, улики серьезные. Нечего в прятки играть и время тянуть. На рукоятке ножа обнаружены отпечатки ваших пальцев. Поэтому давайте на чистоту. Ну, как было?

Поняв, что дальше запыряться бессмысленно, Бочков после некоторого замешательства, согласился:

— Начистоту, так начистоту. Только в протоколе допроса сделайте пометку о моем чистосердечном признании.

— Пока еще не вижу этого признания, — заметил лейтенант.

Бочков снова задумался, как бы решая, с чего начать. Потом рассказал:

— Выпили мы тогда с Виктором основательно. Заспорили из-за какого-то пустяка. Он стоял на своем, а я на своем. Для трезвого человека дело выеденного яйца не стоило, а для пьяного... Сам толком не помню, как нож в ход пустил.

Когда потерпевшему предъявили эти показания, он признался:

— Не хотел брата подводить. Ведь он только из колонии.

ДЕЛО

О «РАЗУТЫХ» АВТОМОБИЛЯХ

Сколько лет минуло с того времени, но капитан Комаров до сих пор помнит это дело. Служба тогда для него только начиналась. Конечно, некоторую робость в обращении с людьми можно было преодолеть. А как научиться располагать к себе человека, вызывать его на откровенность? Конечно, разговор разговору рознь. Можно, пользуясь данной тебе властью

и служебным положением, требовать, настаивать. А человек молчит. И знает-то он, может, пустяковую деталь, но в напряженной обстановке о ней забыл или не хочет говорить. А можно, что называется, разговорить человека, чтобы он вместе с тобой вспоминал, размышлял, сопоставлял. Так получается, когда он видит в собеседнике не погоны, не форменную одежду, а очень озабоченного государственного человека, которому нужна именно твоя помощь. Для этого, безусловно, необходимы не только определенные юридические познания, но и большой практический опыт. У Комарова его пока не было. Но рядом оказались душевные и терпеливые наставники, умные и доброжелательные товарищи по работе. Они учили, помогали советом и делом. Да и сам новичок был полон энергии. Вскоре ему стали поручать более сложные дела. И Комаров уже в процессе работы познавал, как распутывать самые утонченные преступные ухищрения, точно и безошибочно выводить следствие на верный путь. При этом он усвоил еще одну непреложную истину: без добровольных помощников ему не обойтись. Именно они, внештатные сотрудники, народные дружинники, многое могут подсказать, а в случае необходимости и принять участие в самом деле.

Как-то в райотдел одно за другим поступило несколько заявлений о краже колес с личных автомашин. Ясно, что преступники похищали их не для коллекции, а где-то сбывали, вероятнее всего — на промтоварном рынке или у магазина «Автомобили». Туда и направил своих добровольных помощников следователь. Пока он с оперативными работниками предпринимал другие меры розыска, общественники сообщили, что рано утром недалеко от магазина «Автомобили» двое неизвестных парней предлагали им колесо от «Москвича». При этом внештатники заметили, что цену с них запросили незначительную. По-видимому, продавали не свое.

— Но мы не стали с ними торговаться, — пояснил старший группы общественников Шаров, — а, как и было заранее условлено, договорились встретиться через два дня на том же самом месте. Объяснили это тем, что колесо крайне необходимо, а денег при себе нет.

— А как они выглядят? — поинтересовался Комаров.

Шаров подробно обрисовал их внешность:

— Молодые, лет по двадцать. Оба в болоньевых куртках на молнии. Один в красной, другой в бордовой.

В назначенный день следователь вместе с двумя сотрудниками из уголовного розыска появился в условленном месте. Одетые в штатскую одежду, они ничем не привлекали к себе

внимания. Неторопливо прохаживались, завязывали с автолюбителями разговоры, создавая видимость заинтересованных покупателей. Тут же на небольшом расстоянии находились и внештатники. Мысли работников милиции и общественников сейчас были заняты теми двоими, в красной и бордовой куртках, которые должны с минуты на минуту появиться. Но время шло, а их все не было.

— Обвели они, пожалуй, вас вокруг пальца, — упрекнул Комаров начавшего уже нервничать Шарова.

— Не может быть, — ответил тот, — ведь мы им пообещали, что за ценой не постоим. Видно было, что они в этом заинтересованы.

В душе же Шаров и сам уже начал терять надежду на успех задуманной операции. Вдруг он заметил, как от автобусной остановки прямо к нему направлялся тот, что в красной куртке. Шаров отошел от оперативных работников и поспешил ему навстречу.

— Что же подводите? — недовольно сказал он парню. — Если бы не такая нужда, минуты бы не ждали.

Виновато улыбнувшись, парень стал оправдываться:

— Вчера малость перебрали, а сегодня башка трещит. Еле поднялись.

— Ладно, где колесо? — буркнул Шаров.

— Пройдем, здесь недалеко за углом корешок ждет.

Вместе с парнем в красной куртке Шаров направился в переулок за высокий дом. Там их уже ждал тот, который был в бордовой куртке. Сделка была недолгой. Когда общественники скрупулезно пересчитали запрошенную сумму и передали ее преступникам, тут их с поличным и задержали работники милиции. Дальнейшее расследование показало, что все кражи автомобильных колес были совершены задержанными ворами. Причем о некоторых из этих краж потерпевшие даже не заявляли в милицию.

ЛЕНЯ ДЕЛАЕТ БИЗНЕС И... ТЕРПИТ КРАХ

— Вячеслав Иванович, — пригласил как-то Комарова к себе в кабинет начальник райотдела. — Есть одно весьма интересное дело. Спекуляция в крупных размерах через комиссионный магазин.

— Не уловлю смысла такой спекуляции, — удивился Комаров. — За вещь, пусть даже совершенно новую, тому, кто сдает

ее на комиссию, платят несколько меньше, чем она стоит в магазине.

— Может, и не так,— интриговал полковник.— Условное название дела «Леня делает бизнес» тебе ни о чем не говорит?

— Какой может быть бизнес,— подался вперед Комаров.— У нас, в Горьком?

— Да, в Горьком. Представь себе, горьковчанин, а товары — не местные. Где он их приобретает и по каким ценам, придется тебе выяснить. Изучи дело, вместе с Ершовым составьте план следственных мероприятий, нужна помощь — обращайся.

По собранным инспектором ОБХСС Виктором Анатольевичем Ершовым материалам вырисовывалась такая картина.

Некто Леонид Балыкин, отслужив в армии, вдруг «заболел» морской болезнью. Вынь да положь ему белоснежный пассажирский лайнер, экватор, экзотику дальних походов. Поначалу жалко было матери отпускать своего отпрыска от себя, да еще в море. Море — оно коварное, бывают и штормы, поди, еще укачает.

— Мамочка,— упрашивал сыночек,— отпусти, я все стерплю, знала бы, какие там условия: бесплатное форменное обмундирование, опять же даровое питание, так что зарплата вся остается в целости.— Потом Леонид уже небрежно добавил: — Можно приобрести кое-какое барахло. С этим не считаться тоже нельзя.

Не устояла после этих соблазнительных слов Римма Ивановна. Захотелось ей необыкновенных нарядов. Отпустила сына. Махнул он в солнечную Одессу. Поступил на курсы барменов. Сфера обслуживания влекла его щедрыми чаевыми туристов. Вскоре его направили на туристский теплоход «Украина». Правда, бороздить океаны, смотреть индийских заклинателей змей не пришлось, но кое-где ему удалось побывать. После каждого возвращения из круиза сын слал матери посылки. Мать подолгу вертелась перед зеркалом, примеряя обновки, шила себе платье из моднейшей ткани, из различной пряжи вязала что нужно. Радовалась. А мысль нет-нет да и заворачивалась вокруг однажды возникшей идеи: а ведь эти вещи можно в большие деньги превратить. Товар-то ходовой. Ждала в отпуск сына — посоветоваться. Приехал холеный, раздобревший то ли на флотских борщах, то ли на чаевых.

Когда улеглись первые радости, сказала:

— Ты что-то много мне присылаешь всего.

— Что ты, мамочка,— поспешил успокоить.— Все в порядке. Тут, как говорят, комар носа не подточит.

— Разумный стал,— умилилась мать,— вон какой самостоятельный.

Но тут сын небрежно прервал ее мысли:

— А ты зря все это копишь. Здесь каждая копейка рублем может обернуться,— и небрежно перекатил по столу рулон ткани.

И снова — рейсы по курортным местам Крыма и Кавказа, щедрые посылки из Одессы.

Получив сыновнее благословение, Римма Ивановна обошла несколько комиссионных магазинов. Приценилась, прикинула, как лучше ей поступить. Оказалось, что отрезы берут плохо. Порезала нейлон на платки. Сдала первую партию женских платков яркой расцветки и получила за них чистым без малого девятьсот рублей. Хорошо пошел товар, брали горьковские модницы его, что называется, нарасхват. Процветала фирма «Балыкин и мать».

Уже пошли в оборот десятки метров ходовых тканей, свыше двенадцати килограммов шерсти. Торг радовал спекулянтов...

Вячеслав Иванович еще раз пробегает взглядом колонки цифр: 118, 46, 39, 157... Усердно поработала Римма Ивановна ножницами. Почти семьсот горьковчанок наряжаются летом в платки и шарфы ее фирмы.

— Итак,— перевернул Комаров очередную страницу.— Сколько наторговали наши комиссионки для Балыкиной?

— Наторговали,— в тон ему ответил Ершов.— И, как ты заметил по выручкам за каждую партию, немало. Семь тысяч восемьсот пятьдесят рублей и тридцать одну копейку лично ей вручили через кассу.

Названная сумма пока еще мало о чем говорила. В это время ни Ершов, ни Комаров не знали истинной стоимости пряжи и ткани. По словам Балыкиной, настоящая цена этому товару — копейки. Но на языке махровых спекулянтов и рубли, и даже червонцы — так себе, мелочь.

— Подведем итог,— положил перед собой блокнот Комаров.— Что мы имеем в активе? Не так много. Имеем спекулянтов, которым еще нужно доказать, что они — спекулянты, имеем факты продажи товара и выручку. Вот и все. В то же время — это не так уж и мало, разумеется, для начала.

— Прежде всего,— рассудил Ершов,— начнем со скупки. Без скупки какая спекуляция? Нужно выяснить, где, по какой цене все это барахло добывал спекулянт.

— Действительно, положеньице. Дырявая сеть, а не дело. Скупал бы он товар здесь, в Горьком, все было бы просто: известна цена скупки, известна и цена продажи. Тут мудрости большой не надо. А здесь... не поедешь же по всем курортным городам устанавливать стоимость этих товаров.

До позднего вечера светилось окно в кабинете Комарова. Вместе с Ершовым они обстоятельно обмозговывали каждый пункт плана следственных мероприятий.

Много ездить Комарову, конечно, не пришлось. Пока Ершов производил изъятие квитанций в комиссионных магазинах, по которым Балыкина сдавала на перепродажу спекулятивный товар, он отправился в Одессу.

Ехал Комаров в неважном настроении. Мучили разные мысли, сомнения: не обидит ли он своим визитом моряков? А сошел с поезда, вышел на привокзальную площадь — и будто переменялся, мысли стали светлее, легче дышалось. То ли море навеяло воспоминания о Волге, то ли одесситы, у которых он справлялся, как проехать в порт, покорили своими приветливыми улыбками и меткими, безобидными шутками.

Белоснежный пассажирский лайнер «Украина» стоял у причала. Комаров поднялся на борт, предъявил вахтенному документы.

Его проводили к первому помощнику капитана.

Отрекомендовавшись, Вячеслав Иванович сразу приступил к делу:

— У вас на судне работает барменом Балыкин Леонид Григорьевич.

И сжато изложил причины интереса горьковской милиции к члену экипажа «Украины».

Как всякого честного человека, известие это огорчило помощника капитана.

— Балыкин дома, на берегу. Чем могу быть полезен я? — помощник капитана провел широкой ладонью по лицу сверху вниз, как бы снимая минутное оцепенение.

— Следствию необходимо знать, где, в каких местах, Балыкин скупал спекулятивный товар, по какой цене. В связи с этим я обязан допросить нескольких членов экипажа.

— В таком случае начинайте с меня, — предложил собеседник Комарову, — хоть и неприятна эта процедура, все равно без моих показаний вам не обойтись. Вижу, с таким делом встречаться еще не приходилось.

Комаров поблагодарил и признался, что рассчитывает на помощь помощника капитана. Тот посоветовал, с кем лучше всего следовало бы ему встретиться, назвал некоторых своих

сотрудников, у которых он может получить кое-какие ответы на свои вопросы.

Доброжелательно отнеслись к следователю и члены экипажа судна. Особенно запомнился ему пожилой, с прокуренными усами матрос.

— Такой позор для экипажа! — искренно возмущался он. — Прикидывался тихоней, при случае красивые слова говорил о гражданском долге, матросской чести, а на поверку что вышло? Гнилой человек. Чуть хлебнул морского ветра и сгнил. Из-за легкого рубля себе жизнь поломал.

Своего подследственного Комарову в этот день так и не довелось увидеть. Дома, по всей вероятности, уже кем-то предупрежденная, жена Балыкина заявила, что не знает, где ее муж, куда-то, мол, собирался с друзьями на несколько дней, но куда — ей неизвестно.

Настольная лампа роняла мягкий свет на разложенные на столе бумаги. Комаров сделал несложные расчеты: более пятидесяти копеек чистой наживы принесла Балыкину каждая копейка, потраченная им на скупку ткани и почти сорок — вложенная в шерстяную пряжу. Чистая нажива за минусом комиссионных составила 7689 рублей 81 копейку.

В последующие дни вместе с местными работниками милиции Балыкина удалось разыскать под Одессой. Он отдыхал на даче.

— Ваша дача? — спросили его.

— Теща мне подарила, — расплылся в блаженной улыбке Балыкин.

— И дарственные документы имеются?

Документов, как и следовало ожидать, не оказалось. В действительности Балыкин уплатил за нее 8000 рублей. «Ничего, с размахом живет», — подумал Комаров.

— Откуда у вас такие деньги? — поинтересовался следователь.

— Уж не ворованные, трудовые, — разыграл обиженного Балыкин.

— Спекуляция, по-вашему, тоже честный труд?

— Какая спекуляция? Вы поосторожней с выражениями, — перешел в наступление Балыкин, — мне и пожаловаться куда следует нетрудно.

— Вот что, — прервал его Комаров, — жаловаться вы успеваете, а пока собирайтесь в Горький. Вот постановление.

Теперь следователь располагал всеми необходимыми доказательствами: были скупка, перепродажа, нажива. Он исследовал преступление от начала и до финала. Кроме дорогостоя-

щей дачи, на пяти книжках у ловкача Балыкина имелась сумма вкладов свыше 25 000 рублей, а ему все было мало.

И вот он сидит перед следователем и никак не хочет признать, что на протяжении трех лет систематически совершал уголовное преступление.

— Я никакой спекуляцией не занимался, — упрямо твердил Балыкин, — можете проверить.

Комаров подвигает к себе папку, ищет нужный документ.

— Предлагаемые вами справки, — отвечает он, — смотреть не будем. Я их основательно изучил — там у вас все в порядке. Но к этому мы еще вернемся. Пока почитайте внимательно вот этот документ.

— Что это? — осторожно протянул руку Балыкин.

— Документ, целиком и полностью изобличающий вас в преступных махинациях.

И на этом и на следующих допросах Балыкин упорно отрицал вменяемую ему спекуляцию.

Тем временем Комаров не только допрашивал, но и заручался необходимыми документами, которые, попав в дело, превращались в неопровержимые улики: он изучал различные нормативные документы, беседовал со многими людьми, дотошно выпрашивал обо всем, что касалось махинаций Балыкина. Теперь ему эти знания крайне пригодились. И когда они были предъявлены обвиняемому, тот вдруг заявил:

— Не считайте меня таким наивным. Во-первых, торговал не я. Во-вторых, мать не стояла с платками и мохером на барахолке. Она весь товар на законных основаниях сдавала в комиссионный магазин. Спекуляции, как видите, нет. Так что напрасны были ваши хлопоты. Выписывайте пропуск — и я пошел.

«Да, — подумал Комаров, — неплохо обмозговал свою аферу этот изворотливый делец. Даже нормативные документы досконально изучил, но все же просчитался». Поэтому капитан тут же осадил его пыл:

— Не торопитесь. Закон в определенных случаях усматривает в использовании услуг комиссионного магазина одну из форм спекуляции.

— Вызовите конвой, я устал, — сник Балыкин.

Комаров удовлетворил его просьбу. Собираясь на доклад к начальнику отдела, он чувствовал себя скверно: его подследственный поднаторел в изучении законов и, усмотрев где-то в них пробел, упорствует. Комаров напрягает память, дословно вспоминает нужную статью УК РСФСР. Так вот где пробел!

В статье ни слова не говорится о спекуляции товарами через комиссионный магазин.

— Ну, как твой купец? — шуткой встретил его начальник отдела.

— Плохо, — устало опустился на стул Комаров.

— Что так?

— Есть в нашем уголовном законодательстве существенный пробел. Балыкин о нем, вероятно, знает и уводит следствие в тупик.

— Пробел, говоришь? На, держи, — начальник подал Комарову журнал с закладкой.

Комаров посмотрел на обложку, вслух прочитал название: «Бюллетень Верховного суда СССР». Вопросительно поднял глаза на начальника.

— Открой на закладке, прочитай подчеркнутое, там дается толкование статьи о спекуляции. — Комаров прочитал — и словно гора с плеч свалилась.

На следующий допрос Балыкин напросился сам.

— Покажите мне статью, по которой пытаетесь меня обвинять, — заявил он, едва успев сесть на стул.

— Пожалуйста, — раскрыл Комаров на нужной странице Уголовный Кодекс РСФСР.

Балыкин долго не поднимал головы от книги. Комаров видел, что он уже давно прочитал интересующую его статью и теперь готовит очередной каверзный вопрос, и не мешал ему, не торопил. Теперь любой вопрос Балыкина для Комарова был простым.

— Так как же, гражданин следователь, выпишете пропуск или дадите бумаги? — Балыкин развалился на стуле. — Загостился я у вас. Буду писать жалобу прокурору.

— Вы хорошо обдумали? — как бы между прочим, поинтересовался Комаров.

— А что тут думать? В статье не сказано, что продажа через комиссионку является составной частью такого преступления, как спекуляция. Вот так-то. Пропуск, — протянул он лениво руку.

— Пожалуйста, — вложил Комаров в протянутую руку раскрытый журнал. — Обратите внимание на подчеркнутое.

Комаров ждал, что Балыкин опять будет дерзить, упрямиться, но случилось непонятное. Балыкин громко, на весь кабинет прочитал о том, что скупка гражданами различных товаров и перепродажа их, в том числе и через комиссионные магазины, с целью наживы является спекуляцией. Лишь на последнем слове он осекся.

Разной сложности случаются у следователя дела. Трудно бывает, когда преступник скрылся с места происшествия. У него какая-то одна дорога, а попытайся счесть, сколько их у со-трудников розыска! Но бывает и так, что тот, кто переступил закон, грубо нарушил нашу мораль и правила социалистического общежития, известен, но доказать ему совершенное им правонарушение не менее трудно. Для этого необходимы не только величайшая выдержка, упорство, но и большие юридические познания. Только все эти качества в совокупности и дают возможность следователю в каждом отдельном случае глубоко и всесторонне исследовать обстоятельства дела с тем, чтобы с помощью неопровержимых фактов привести преступника к признанию его виновности.

ИЗ ДИНАСТИИ РАБОЧИХ

Родился и вырос Вячеслав Иванович в большой рабочей семье, где труд и уважение к нему всегда высоко почитались. Об этой семье подробно рассказано в книге, вышедшей в Волго-Вятском издательстве, которая так и называется «Комаровы — династия рабочая». Общий трудовой стаж ее достиг почти четырехсот лет.

Отец Вячеслава, Иван Михайлович Комаров, на девятнадцатом году своей жизни, в день похорон Владимира Ильича Ленина, мысленно прощаясь с вождем, решил пойти туда, где больше всего требовались рабочие руки — на индустриализацию народного хозяйства страны. Поступил на завод «Металлист» — так тогда назывался нынешний металлургический — разнорабочим. И вовремя. По планам первой пятилетки тогда начиналось бурное промышленное строительство под лозунгом: «Превратим страну из аграрной в могучую индустриальную державу!» Комаров работал на совесть. Возводил сталеплавильный, прокатный, инструментальный и другие цеха, с помощью кадровых рабочих осваивал профессию шлифовщика. Рос завод, рос вместе с заводом рабочий Иван Комаров. Не хватало грамоты — учился. Здесь же, на заводе, вступил в партию. Рекомендовали его коммунисты ленинского призыва.

Навсегда связав свою судьбу с партией, Иван Михайлович оказался на самом переднем крае борьбы за претворение в жизнь ее решений. Работал там, где велела партия. От разнорабочего вырос до мастера шихтового цеха, от секретаря бюро небольшой партийной ячейки — до секретаря партийной

организации современного цеха. Коммунисты, оказывая ему большое доверие, неоднократно избирали его в состав парткома завода. Был и на профсоюзной работе. В годы Великой Отечественной войны Иван Михайлович мужественно сражался на подступах к Москве. Там, на Калининском направлении, его ранило, и он опять вернулся на свой завод.

Под стать Ивану Михайловичу была и его жена, Прасковья Ивановна. Уже имея шестерых детей, она не порывала с молодежью, продолжала работать в комсомольской бригаде. Уволилась, лишь когда ее место в рабочем строю занял старший сын Василий. За ним все дети Комаровых пошли на родной завод. Трудовые биографии детей как две капли воды похожи на родительские. Те же упорство и старание, та же жажда сделать больше и лучше, та же верность гражданскому и партийному долгу. А главное — у детей такие же крепкие характеры, как и у родителей.

Когда Вячеслав окончил десятилетку и встал вопрос: кем быть? — отец сказал:

— Добрые нынче времена настали для молодежи. Все пути-дороги перед тобой, Слава, открыты. Но я так мыслю: по какой бы из них ты ни пошел, кем бы ты ни стал, главное — люби труд. В нем весь смысл жизни. У нас на заводе тоже дело для тебя найдется.

Вячеслав и пошел на «отцовский» завод фрезеровщиком. Старательный и смысленный, он вскоре по мастерству поднялся вровень с опытными производственниками. Отслужив воинскую службу, Вячеслав работал на далеких Курильских островах.

Приехал в отпуск к родителям, думал — в гости, а прошелся по заводу и не смог уйти от раскаленных добела полос металла. Так и остался в прокатном цехе. Как-то неловко стало сходиться с отцовской тропки. Стал подумывать о поступлении в политехнический институт, на факультет, связанный с металлургическим производством. Но тут его пригласили в райком партии.

— В милицию пойдете? — спросили. — Там нужны люди твердые, настойчивые и старательные. А главное, справедливые и безусловно честные.

Правда, сразу же предупредили:

— Нелегкое это дело. Тревоги там не объявляются, но в готовности всегда быть обязан.

Сначала Вячеслава даже как-то смутило это предложение со столь высокими требованиями. Потом поразмыслил: трудится он с отдачей всех сил, в армии был отличником, на по-

следнем году службы стал спортсменом-разрядником. Ни в чем поблажек себе не давал, свою ношу на чужие плечи не перекладывал. Так что трудности его не страшат. Сoglасился.

— Начнем с учебы,— сказали Вячеславу Ивановичу в областном управлении внутренних дел.— Как раз комплектуем слушателей для Волгоградской высшей следственной школы.

Лекции, классные занятия, лабораторные работы захватили бывшего прокатчика. Они требовали полной отдачи сил, неукротимой энергии и особой прилежности. Так изо дня в день, из месяца в месяц, от семестра к семестру в течение четырех лет. Весь этот трудный путь Комаров прошел успешно и с аттестатом специалиста высшей квалификации вернулся в Горький следователем.

Хулиганства, кражи, грабежи, замаскированные хищения государственных средств, спекуляция... Каких только дел не доводилось распутывать Вячеславу Ивановичу. Были дела и попроще, когда подозреваемый, чтобы облегчить свою участь на суде, чистосердечно признавал свою вину на первом же допросе; но больше — такие, когда приходилось изрядно поломать голову. Ведь не всегда следователь уже на первом допросе располагает неопровержимыми уликами. Заметив брешь в предъявленных ему доказательствах, подозреваемый пускается на самые неожиданные ухищрения. Но такие дела не пугают Вячеслава Ивановича. Он любит задачи со многими неизвестными. Они импонируют его беспокойному характеру, аналитическому складу его ума. И когда в органах внутренних дел встал вопрос о специализации следователей, первым для работы над делами по линии ВХСС было названо имя Комарова. И вот уже несколько лет он ведет непримиримую и бескомпромиссную борьбу с теми, кто запускает свои грязные руки в государственный карман, кто ловчит и, пользуясь повышенным спросом на отдельные виды товаров, набивает собственный карман нетрудовыми доходами. Залогом его успехов является то, что трудится он всегда с истинным увлечением, отдавая все силы и знания своему делу, не считаясь с рабочим временем и выходными днями. Не зря же в отделе говорят:

— Работает он без права на покой.

ПОДШИПНИКОВЫЙ КОРОЛЬ

За долгие годы работы старший следователь Комаров уже привык к тому, что, когда начальник отдела начинал с ним деловой разговор с шуточки, почти всегда речь сводилась к како-

му-нибудь сложному и запутанному делу. Так было и на этот раз. Не успел капитан переступить порог кабинета полковника, как тот с улыбкой спросил:

— Ты знаешь, какие бывают короли?

Вячеслав Иванович несколько растерялся:

— История знает немало королей: и французских, и шведских, и польских, и литовских.

— Ну это ты вспомнил уроки из средней школы,— уже серьезно сказал полковник и снова назидательно спросил:— А о подшипниковом короле тебе ничего не известно?

А между тем такой «король» был. Встретились с ним и скрупулезно описали его походжения работники отдела внутренних дел. В семи томах.

Пришел однажды в ОБХСС гражданин.

— Не знаю с чего и начать,— проговорил он, присаживаясь на предложенный ему стул.

— А вы — с начала,— посоветовали ему.

— Тут, видите, какое дело,— он достал из кармана и положил на край стола вырванный из блокнота листок,— времени прошло много, не опоздал ли я...

Несколько месяцев назад был он в деревне Большая Ельня и видел, как в огород одного из местных жителей сгружали с машины какие-то ящики. Один ящик разбился, и посыпались из него подшипники. «С чего бы это вдруг их привезли сюда»,— подумал он и записал номер машины и адрес хозяина, в чей огород сгружали этот необычный груз, чтобы сообщить в милицию. Но вовремя выполнить свое намерение не сумел: на следующее утро его из дома увезла «скорая помощь» — открылись фронтовые раны. На днях вот выписался.

— А почему вы к нам пришли? — поинтересовались работники милиции.— Деревня Большая Ельня вон где...

— Сормович я,— ответил гражданин,— недалеко отсюда живу.

В отделе поблагодарили ветерана войны за сообщение и, когда он ушел, доложили своему начальнику.

Сообщение, безусловно, было интересным. Любая организация имеет складские помещения, и вдруг подшипники складывают в огороде где-то в Большой Ельне. Не исключено, что какой-нибудь кладовщик-комбинатор создал у себя на складе излишки и, воспользовавшись ротозейством руководителей предприятия, вывез детали, чтобы потом их реализовать. По существу, работники милиции пока располагали малым. Им известны были лишь номер машины, дата и адрес, куда отвезли подшипники. Кто отвез, откуда, нужно было установить.

Хорошо, если шофер или хозяин знают того, кто устроил склад в Большой Ельне.

После совещания Комаров и был включен в оперативную группу по делу о подшипниках.

В Большой Ельне хозяин огорода, где, по сообщению, якобы сгружались подшипники, подтвердил, что все было именно так.

— А где сейчас ящики? — спросил следователь. — Можете их показать?

К сожалению, ящики уже были увезены. Ему и в голову не приходило, что здесь что-то неладно. Но мужчину, привозившего ящики, он хорошо запомнил и опознает.

Тем временем был установлен шофер. Да, он привозил ящики в Большую Ельню. Действительно, в них были подшипники, причем дефицитные, к ступицам передних колес «Жигулей». Сколько было ящиков, он не помнит, да и не считал, но, что в них были подшипники, точно знает. На всех ящиках была одинаковая маркировка. Кроме того, он держал даже в руках эти подшипники, когда один ящик разбился. Даже хотел попросить парочку, да постеснялся.

— Знаете ли вы того, кому перевозили ящики? — спросили шофера. Тот не раздумывая ответил:

— Не знаю. Он остановил меня на дороге и попросил перевезти несколько ящиков с Афонинского кирпичного завода. Правда, за это хорошо заплатил. А кто откажется подзаработать лишний рубль?

Подшипники к «Жигулям» на кирпичном заводе? Что-то тут не то. Не иначе материальный склад завода ловкач использовал как перевалочную базу. Побеседовали с кладовщицей. Версия подтвердилась. Рассказ женщины звучал настолько убедительно, что даже сама мысль о ее причастности к хищению исключалась. Она пояснила, что как-то вечером к воротам завода подъехала машина, из которой вышел представительный мужчина и попросил принять на временное хранение какие-то ящики. У него, сказал, недалеко отсюда изломалась машина, отвалилось колесо. Еле упросил шофера попутной машины подбросить груз до завода. Сам он из Мордовии, и если ему откажут в помощи, то он даже не знает, как быть. А в ящиках очень ценный груз, на тысячи рублей. Не оставлять же его на дороге. Пока он созвонится с Мордовией, пока оттуда придет другая машина, от груза и след простынет. Свое слово мужчина сдержал. Через несколько дней приехал за ящиками.

В рассказе кладовщицы, следователя и других оперативных сотрудников настораживало одно обстоятельство: и на заводе,

и в Большой Ельне неизвестный говорил, что он из Мордовии, что недалеко отсюда изломалась его машина, и он с трудом упросил шофера попутного автомобиля подбросить груз. Таким образом, показания кладовщицы и хозяина огорода из Большой Ельни свидетельствовали о том, что работники милиции напали на след крупного и опытного преступника. Но тут же потеряли этот след. Несколько раз они возвращались к кладовщице с кирпичного завода, надеясь, что та все-таки вспомнит номер машины, на которой привозили ящики на завод — бесполезно. Да и то сказать, слишком много времени прошло с тех пор, где уж тут упомянуть номер какой-то случайной машины?

Так, в бесплодных поисках прошло несколько дней. Но Комаров считал, что группа стоит на правильном пути, нужно искать новые зацепки. План намеченных мероприятий был довольно обширный. Решили еще раз поговорить с шофером, отвозившим подшипники в Большую Ельню. Тот сообщил, что как-то месяца два назад у проходной одной из сормовских баз он видел того мужчину, которому тогда оказывал услугу. Таким образом, родившаяся еще в начала розыска версия о том, что подшипники могли быть похищены где-то в другом месте, а кирпичный завод использован преступником для ухищренной маскировки, подтверждалась. Но это всего лишь версия, предположение, которое может и не подтвердиться. Вполне возможно, преступник орудует в другом районе города, а у этой базы оказался случайно. Так или иначе, версию нужно проверять, важно попытаться по приметам установить неизвестного транспортировщика ящиков с подшипниками, а заодно проверить на базах, предприятиях, не поступали ли куда-либо подшипники к ступицам передних колес «Жигулей», по документам проследить их движение. Дело это, конечно, кропотливое, но без него не обойтись.

Знакомясь на одном из предприятий с бухгалтерской учетностью, Комаров и работающие с ним сотрудники ОБХСС обратили внимание на страничный документ. Внешне он ничем не отличался от других бумаг. Такой же стандартный бланк, на своих местах нужные подписи. И все-таки он настораживал. В один из дней несколькими мудреными завитушками подписей было списано на ремонт мостового крана 1100 подшипников. Да каких! Тех самых, за которыми так настойчиво охотятся автолюбители, чтобы поставить их в ступицы передних колес «Жигулей». Уж не отсюда ли они перекочевали сначала на склад Афонинского кирпичного завода, затем в Большую Ельню, а оттуда исчезли?

— Не многовато ли подшипников поставили механики на кран? — поинтересовался Комаров у работников бухгалтерии.

— Сколько нужно, столько и поставили, — ответили те. — Мы в технике люди не сведущие.

— А у вас еще есть такие подшипники? — спросил капитан и передал бухгалтеру материальной группы накладную.

— Больше нет, — полистав документы, ответила та. — Как получили у четыреста тринадцатого специализированного строительно-монтажного поезда тысячу сто штук, так все и пошли на мостовой кран. Это, знаете, какая машина?

— Спасибо, — поблагодарил следователь и, полистав для видимости еще некоторые бумаги, ушел, пообещав направить руководству предприятия представление о запутанной учетности товарно-материальных ценностей.

На следующий день все, чьи подписи стояли в накладной на списание 1100 подшипников на ремонт мостового крана, побывали у Комарова. Задерживался почему-то лишь главный механик. В его ожидании Вячеслав Иванович зашел к начальнику ОБХСС.

— Ну как? — встретил тот его вопросом. — Что-нибудь прояснилось?

— Не знаю, прольет ли свет на это темное дело главный механик, но остальные здесь ни при чем. Думаю, и главный механик вряд ли к нему причастен. — На минутку задумавшись, Комаров хлопнул замками ледериновой папки, достал из нее небольшую, уже изрядно потертую накладную, подал ее майору и раздумчиво спросил: — Не кажется ли вам, что списано всего десять подшипников, первая единица и последний нуль приписаны позже?

— Да, пожалуй, ты прав, — согласился тот. И добавил: — Направим криминалистам.

Дальнейшие события развернулись таким образом, что накладную отдавать криминалистам надобность отпала.

Увидев ее, главный механик вскочил со стула, схватился за голову и забегал по кабинету.

— Нет. Не может быть! Неужели? Какой подлец! Нет, не поверю! — бессвязно выкрикивал он. — Но откуда он их взял?

Комаров не прерывал. Дав ему успокоиться, спросил:

— Вы кого-то имеете в виду?

— Боюсь наговорить напраслину на человека, но думаю, что сделать это мог Степанов. Вы уж, пожалуйста, не спешите принимать мои слова всерьез. Я сейчас в таком состоянии, что мог и лишнее подумать.

— Не беспокойтесь, зря человека не обидим,— заверил его Комаров.— Кто такой Степанов?

— Есть у нас такой снабженец. Человек вроде неплохой, ничего за ним раньше подобного не замечалось.

— Вы не смогли бы сказать, почему именно на Степанова думаете, а не на кого-либо другого?

Главный механик ступешался.

— Понимаете, тут произошла одна деликатная история, и я к ней...— главный механик замаялся. Комаров видел, как трудно было ему произнести следующую часть фразы. Потом главный механик махнул рукой и горячо продолжил:— Эх, семь бед — один ответ. Я к этой истории тоже руку приложил.

Комаров изучающе посмотрел на собеседника. А тот продолжал:

— Подходит ко мне однажды этот самый Степанов, такой удрученный, что смотреть жалко, просит списать десять подшипников, прошляпил, мол, а теперь они на нем висят. Ну я и списал их на ремонт мостового крана. Виноват, пожалел человека, наказывайте меня.

Наступила пауза. Механик переживал свою неприятность, а Комаров думал, как повести дело дальше, как уличить Степанова, если это он превратил «10» в «1100». Остался невыясненным еще один вопрос: знал ли главный механик, где хранилась подписанная им накладная?

— Как где? — удивился тот. — Там, где и положено, в бухгалтерии.

Комаров попросил его посидеть в соседнем кабинете — вдруг Степанов будет отрицать факт списания десяти подшипников; а сам дал задание работникам ОБХСС пригласить в райотдел Степанова.

— Что же это вы меня позорите, товарищ следователь? — не поздоровавшись, прямо с порога начал ворчать Степанов. — Прислали за мной милицейскую машину... Вот у вас на столе телефон есть. Позвонили — я и приехал бы. А так, что обо мне люди подумают?

— Виноват,— извинился Комаров,— в следующий раз учту ваше замечание. У меня к вам небольшой вопрос.

Степанов приготовился слушать.

— Вам не знакома вот эта бумажка? — Комаров поднял над столом накладную.

Ни один мускул не дрогнул на лице Степанова. Он спокойно протянул руку, взял документ, еще раз вблизи посмотрел на него и так же спокойно вернул.

— Нет, впервые вижу.

— А вы посмотрите внимательней, может, что и вспомните.

— Было бы что, вспомнил бы. Ведь через меня таких бумажек проходят десятки, а то и сотни. Где уж все упомянуть.

— И все на списание запчастей? — наступал Комаров.

— При чем здесь списание? — не сдавался Степанов. — Это не по моей части. Мое дело достать, а кто и как расходует — не моя забота.

«Крепкий орешек, — подумал Комаров, снимая трубку с аппарата и набирая номер. — Посмотрим, что ты скажешь через минуту». Интуиция, а может, и не интуиция, а опыт подсказывали Комарову, что над накладной потрудился именно Степанов.

— Это я, Комаров, — проговорил он кому-то в трубку. — Пусть зайдет.

Как ни держался Степанов, а при этих словах вздрогнул, взгляд его остановился на двери. Раздались неторопливые шаги, и в кабинет вошел главный механик завода. Сначала Степанов выпрямился, затем сник, согнулся, рассматривая что-то на полу.

— Гражданин Степанов! — окликнул его Комаров. — Вы и теперь будете настаивать, что видите эту накладную впервые, что никаких подшипников не просили списать на ремонт мостового крана?

— Просил, — почти шепотом, не поднимая головы, проговорил Степанов.

— Вы можете быть свободны, — обратился Комаров к стоящему посреди кабинета главному механику, не спускавшему полных обиды и презрения глаз со Степанова. — Спасибо.

— Теперь, — когда за главным механиком закрылась дверь, — продолжал Комаров, — поговорим о том, как превратилось число десять в тысячу сто. Запомните, если это превращение — дело ваших рук, отрицать, тянуть время не советую. Рано или поздно все станет ясным. Человек вы грамотный, законы знаете. Пока у вас есть шансы на смягчение наказания, но через полчаса их уже не будет. Подумайте, прежде чем отвечать.

Степанов сидел не шелохнувшись. Комаров тоже молчал, давая ему возможность обдумать ситуацию. Он смотрел на этого согнувшегося под тяжестью мыслей человека, и ему не верилось, что эта безвольная личность способна на самостоятельность. Наверняка он — орудие в чьих-то руках. Комаров еще и еще раз восстанавливал в памяти все подробности поведения Степанова в кабинете. Зашел с обидой. При ознакомле-

нии с накладной держался уверенно. А стоило только услышать два коротких слова, сказанные в телефонную трубку, как его будто подменили. Нет, он не способен самостоятельно совершить преступление. Но в том, что Степанов поработал над накладной, следователь больше не сомневался. Однако это требовалось еще доказать.

Наконец Степанов поднял голову, тяжело, как перед трудной работой, вздохнул и заговорил. Говорил долго, по нескольку раз повторяя отдельные эпизоды преступления.

Приехал как-то к нему на завод начальник отдела материально-технического снабжения специализированного строительного-монтажного поезда 413 Самохин, отвел в сторонку, и между ними произошел следующий разговор:

— Я — подшипниковый король, ты меня знаешь. Слышал, тебе нужны подшипники, — без обиняков заявил Самохин.

— До зарезу.

— Помогу, только выручи меня. Я прошляпил. Недостача.

— Большая?

— Тысяча сто штук.

— Что ты? — замахал руками Степанов. — Куда я их спешу?

— Найдешь, — настоятельным тоном ответил Самохин. — Научу, не волнуйся.

Договорились быстро. Тут же оформили бестоварную накладную о поступлении на завод 1100 подшипников, в конторе на имя Степанова выписали доверенность на их получение. Несуществующие подшипники оприходовали, бухгалтерия перечислила деньги. Больше недели сам не свой ходил Степанов, проклинал тот день и час, когда связался с Самохиным, боялся ревизии, ловил главного механика, чтобы через него, как учил Самохин, списать эти окаянные подшипники. Наконец подвернулся подходящий момент. Главный механик не заставил долго себя уговаривать, подмахнул десяток на ремонт мостового крана. Накладная осталась на складе. Воспользовавшись бесконтрольностью в учете, Степанов приписал впереди единицу, а в конце ноль, и 10 превратилась в 1100.

«Уж не тот ли это Самохин?» — услышав знакомую фамилию, подумал Комаров, но внешне своей заинтересованности не проявил. Когда Степанов выговорился, он попросить вспомнить, как звать Самохина.

— А что тут вспоминать? — ответил Степанов. — Алексей Борисович. Он еще работал начальником подшипникового отдела объединения Волговятмашэнергоснабсбыт. Тогда его и прозвали подшипниковым королем.

Итак, Самохин опять появился на горизонте. И опять принялся за старое. Лет пять назад, когда он работал начальником подшипникового отдела объединения Волговятмашэнерго-снаббт, против него было возбуждено уголовное дело. Вину ему вменялся бесфондовый отпуск материалов по подложным документам на крупную сумму. Сделка явно не обошлась без солидной взятки. Факт взятки доказать не удалось. Отвергнуть версию Самохина, что его «обвели вокруг пальца, как мальчишку», тоже не смогли. Получатели материалов надежно выгораживали своего «благодетеля», всю вину брали на себя. Уголовного наказания Самохин тогда избежал, но впредь доверять ему материальные ценности не рискнули и с «королевской» должности уволили.

Комаров задумался. А не оговаривает ли Степанов Самохина, зная его подмоченную репутацию, чтобы направить следствие по ложному пути и выиграть время? В следственной практике такие случаи тоже известны.

Вызванный на допрос Самохин вел себя уверенно, держался с достоинством. Да, он отпускал Степанову подшипники. Тысячу сто штук. Только не он, Самохин, ездил на завод, а Степанов приезжал к нему, в 413-й специализированный строительно-монтажный поезд, говорил, что подшипники нужны для монтажа автоматической линии. Невозмутимо держался он и на очной ставке, на вопросы следователя отвечал четко, без запинок. Зато Степанов вел себя странно, перед Самохиным заискивал, на вопросы отвечал путанно. В итоге трудно было разобраться, кто к кому ездил: то ли Самохин к Степанову, то ли Степанов к Самохину.

В то время, когда Комаров допрашивал Самохина, проводил между ним и Степановым очную ставку, работники ОБХСС по его заданию проверяли документацию в 413-м специализированном строительно-монтажном поезде. Оказалось, что для непонятных целей на материально-технический склад из конторы материально-технического снабжения объединения Волговятмашэнерго-снаббт было завезено 3300 подшипников, и в настоящее время их уже нет на складе. 1100 штук отправлено на предприятие к Степанову, более 1000 на другое, остальные списаны на ремонт служебного автомобиля. Среди путевых листов работники ОБХСС обнаружили и путевой лист на поездку Самохина на завод к Степанову. Шофер подтвердил, что действительно он возил Самохина на завод.

Комаров попросил инспектора ОБХСС проследить судьбу подшипников, отправленных на другое предприятие, а сам снова вызвал Самохина.

— Так вы продолжаете настаивать, что на завод к Степанову не ездили? — обратился он к нему.

— Думаю, бесполезный вопрос, — не моргнув глазом ответил Самохин. — Я вам на него довольно ясно ответил на очной ставке. И вообще не понимаю, для чего вам нужно впутывать меня в это дело со Степановым. Степанов накуролесил, пусть и отвечает перед законом, а я тут при чем?

— Значит, к Степанову не ездили? — повторил вопрос следователь.

— Нет.

— В таком случае, может, освежит вашу память вот этот документ, — и Комаров положил перед Самохиным путевой лист.

Самохин долго изучал документ, над чем-то задумался. Наконец, возвращая его, подобострастно заявил:

— Спасибо, Вячеслав Иванович, напомнили. Ведь мне уже пятьдесят — проклятый склероз...

— Таким образом, — подводил итог следователь, — мы с вами один вопрос выяснили. Перейдем к другому.

Самохин выжидательно посмотрел на Комарова.

— Куда вы девали подшипники?

— Какие?

— Те самые, которые Степанов списал на ремонт мостового крана.

— Напрасно стараетесь приписать мне эти подшипники. Их получил Степанов. Кроме его росписи в документах, у меня есть свидетель — кладовщица, которая ему их отпускала.

«Так кто же все-таки приложил руку к подшипникам? — рассуждал, отпустив Самохина, Комаров. — Самохин или Степанов?» На этот вопрос могло ответить опознание. Опознает кладовщица Степанова — к Самохину у следователя претензий не будет. В то же время Комаров уже располагал информацией, добытой работниками ОБХСС, что подшипники, 1090 штук, отправленные на другой завод, туда не поступили. Отпускал их сам Самохин, а получал человек далекий от техники и не обратил внимания, что вместо нужных подшипников ему подсунули другие. На складе поезда их тоже не оказалось. Все вело к тому, что если Самохин и не причастен к истории со степановскими подшипниками, то приложил руку к другим.

Кладовщица не опознала Степанова.

— Присмотритесь внимательно к сидящим перед вами, — еще раз попросил следователь.

— Нет тут того, который приезжал вместе с Самохиным за подшипниками. Я его бы среди тысячи узнала.

— У меня к вам вопрос,— обратился Комаров к кладовщице, когда была закончена процедура опознания.— Вы у того человека, который приезжал с Самохиным за подшипниками, документы проверяли?

— Виновата, каюсь,— развела руками кладовщица,— понимаете, его привез начальник, а при начальнике как-то неудобно было спрашивать документы. Да и обращались они между собой, как давние знакомые. Кто мог подумать что-нибудь плохое?

Подшипники снова возвращались к Самохину. Однако он твердо все отрицал. Кладовщица не опознала Степанова? И что из этого следует? Слишком много времени прошло, мог человек и ошибиться. Нельзя же на ошибке строить обвинение. Посоветовавшись с начальником следственного отделения, Комаров отправился к прокурору за санкцией на обыск в квартире Самохина. Не найдется ли там чего-либо, что прольет свет на загадочную историю с исчезновением со склада строительного-монтажного поезда 3300 подшипников.

При обыске на квартире Самохина в одной из книг, между листов, работники милиции обнаружили 4075 рублей денег, на 2780 рублей облигаций 3-процентного займа, в спальне на столе обрывки непонятного письма на подшипниковый завод в город Волжский Волгоградской области, чистый фирменный бланк объединения Волговятмашэнергоснаббыт и справочник «Применение подшипников в автомобилях и автобусах». Среди документов домашнего архива оказались справки на владение дачей. Жена о деньгах ничего не знала, а Самохин на вопрос, зачем ему понадобился справочник «Применение подшипников в автомобилях и автобусах», ответил:

— Я обязан это знать. Во всяком случае, был обязан. Вы разве запомнили, что я раньше работал начальником подшипникового отдела?

Пояснение звучало убедительно.

Работников милиции насторожили три находки: обрывки черновика письма в Волжский, фирменный бланк организации, где Самохин ранее работал начальником подшипникового отдела, спрятанные в книгу деньги, о которых не знала жена. На оперативном совещании, где обсуждались результаты обыска, пришли к выводу, что Самохиным нужно заняться серьезно, но мотивов дальнейшего его содержания под стражей нет.

Случилось так, что Комарову срочно пришлось заняться другим, не менее серьезным делом, а это поручили молодому следователю, не имеющему опыта в раскрытии замаскированных хищений, и он сразу же допустил ряд серьезных упущений.

ний. Этим и воспользовался Самохин. Находясь на свободе, он договорился с женой, тещей, как вести себя на допросах, уговорил неких Скворцовых, чтобы те подтвердили, что дача якобы уже давно ими куплена у Самохина и что тот к ней не имеет никакого отношения, обзванивал свидетелей, предупреждал и угрожал им, чтобы они ни в чем не сознавались, иначе и их посадят. Короче говоря, склонял их к даче ложных показаний. Следствие начало заходить в тупик.

Чтобы сдвинуть его с мертвой точки и дать ему надлежащий ход, в отделе создали специальную следственно-оперативную группу. В нее снова вошел следователь Комаров и старший инспектор ОБХСС Миронов. При необходимости они привлекали к работе и других сотрудников милиции. Все пришлось начинать сначала, на ходу исправляя ошибки, допущенные неопытным следователем. По крупинкам Комаров и Миронов собирали доказательства виновности Самохина в скрытом хищении государственных средств в крупных размерах. Прежде всего они произвели выемку всех документов, касающихся движения подшипников в конторе материально-технического снабжения объединения Волговятмашэнергоснаббыт, на предприятиях, куда якобы отправлял подшипники Самохин. Ездили даже в Волжский на подшипниковый завод. Были назначены документальная ревизия, которую проводили несколько опытных ревизоров, почерковедческая экспертиза. А чтобы Самохин не мешал следствию, его взяли под стражу.

Напряженные это были дни. Каждый вечер следователь и инспектор подводили итоги проделанной работы, составляли план на завтра. Две недели потратили они только на то, чтобы собрать доказательства, опровергавшие версию Самохина о продаже дачи, чтобы изобличить лжепокупателей Скворцовых в даче ложных показаний. Уличена была и теща, которая долгое время утверждала, что подарила деньги зятю. Немалую услугу оказал следствию и справочник «Применение подшипников в автомобилях и автобусах». В нем подшипники, которые сбывал подследственный, были подчеркнуты красным карандашом.

Тем временем почерковедческая экспертиза дала заключение, что Самохин имеет самое прямое отношение к письму на подшипниковый завод в Волжский, в котором он от имени руководства конторы материально-технического снабжения объединения Волговятмашэнергоснаббыт просил отгрузить 6000 подшипников.

Допросы многочисленных свидетелей изобличали в Самохине ловкого дельца, разбазаривающего направо и налево ради

корыстной наживы государственные ценности. Но он продолжал всё отрицать: никакого письма на подшипниковый завод в Волжском он не писал, ничьи подписи не подделывал, никаких дел со Степановым не имел...

И опять Комарову командировка в Волгоградскую область, допросы новых свидетелей, очные ставки. Пришло время опознания человека, привозившего подшипники на Афонинский кирпичный завод и в Большую Ельню. Кладовщица кирпичного завода опознала в Самохине мордовского снабженца, на очной ставке подтвердила показания, данные на первом допросе. Опознал Самохина и шофер, оказавший ему тогда услугу.

— Куда вы девали подшипники, когда забрали с кирпичного завода? — поставил перед Самохиным вопрос Комаров.

— Как куда? — разыграл удивление подследственный. — Разумеется, отвез на склад поезда. Мы тогда переезжали на новое место.

— Юрий Николаевич, — обратился следователь к находящемуся в кабинете инспектору ОБХСС Трошину, — пригласи.

В кабинет вошли несколько человек, сходных по возрасту и комплекции с Самохиным. Они сели в ряд у стены. Самохину предложили занять любое место среди них. Когда все уселись, Трошин пригласил из соседнего кабинета пожилого мужчину.

— Вы кого-либо из сидящих здесь знаете? — обратился Комаров к вошедшему, закончив заполнение реквизитов протокола опознания.

Тот показал на Самохина.

— Где и при каких обстоятельствах вы с ним встречались?

— Привозил ко мне подшипники, просил похранить, у него тогда машина изломалась.

— Кем он себя называл?

— Говорил, что он из Мордовии.

— Гражданин Самохин, — повернул голову Комаров к подследственному, — а вы этого человека знаете?

— Спасибо, Вячеслав Иванович, напомнили, как и прошлый раз, — натянуто улыбнулся Самохин. — Склероз у меня

Постепенно, по крупицам собирая доказательства, от допроса к допросу восстанавливал следователь Комаров картину преступления, в результате которого Самохин похитил подшипников на сумму 9804 рубля 12 копеек.

Уходя с прежнего места работы, Самохин прихватил с собой несколько фирменных бланков. Так, на всякий случай,

мол, каждая мелочь в хозяйстве может пригодиться. Бланки понадобились очень скоро. Узнав из газет, что подшипниковый завод в Волжском отпускает предприятиям и организациям в неограниченном количестве без фондов подшипники, он стал прикидывать, нельзя ли извлечь из этого выгоду. Приобрел справочник «Применение подшипников в автомобилях и автобусах». Оказалось, что завод предлагает те самые подшипники, которые стоят в ступицах передних колес автомобиля «Жигули», те самые, в которых так нуждаются автолюбители. Остальное, как говорят, было делом техники.

Для начала позвонил в Волжский. Дескать, контора материально-технического снабжения областного управления лесного хозяйства монтирует автоматическую линию, ей нужно 6000 этих самых подшипников. Напомнил, что дело не терпит отлагательств и договорился об отправке деталей самолетом. Хорошо, ответили, присылайте письмо. Начало было прекрасным. Самохин садится за стол и на похищенном на прежней работе бланке пишет письмо, указывает в нем адрес предприятия и расчетный счет, подделывает подпись руководителя и отправляет заявку в Волжский. Прошло немного времени. Обещанных подшипников нет. Самохин опять звонит в Волжский.

— Почему не отгружаете подшипники? Задыхаемся, — бьет он тревогу.

Минуло еще несколько дней. Наконец его знакомый работник конторы материально-технического снабжения некто Кузьмин доложил:

— Подшипники прибыли. Самолетом.

И доверительно добавил:

— Начальство переполошилось. Не знает, что с ними делать. Звонили на завод.

— Ну и что им ответили? — заинтересовался Самохин.

— Просили, а теперь куда хотите, туда и давайте.

Такой ответ Самохина вполне устраивал. Теперь перед ним встал вопрос: как пришедшие подшипники получить, как их реализовать, превратить негабаритный металл в компактные денежные купюры? Но Самохин не был бы подшипниковым королем, если бы не сумел его разрешить. Знакомств и связей у него в избытке. Самой тихой гаванью оказался специализированный строительно-монтажный поезд 413. Он туда.

— Я подшипниковый король, то бишь Самохин. Пришел устраиваться к вам на работу. Слышал, вам нужен начальник отдела снабжения.

Оформили, даже не вспомнив, что у него недавно был серьезный конфликт с милицией. Да оно и понятно — подшипни-

ковые короли на дороге не валяются. Через несколько дней Самохин без доклада зашел к начальнику поезда. Так, мол, и так, плохо у нас с запчастями. Есть возможность запастись дефицитными подшипниками. Потом, по мере надобности, будем обменивать их на нужные материалы.

— Составляй письмо,— не колеблясь, ответил начальник, подпишу.

И вот с письмом в кармане Самохин едет в контору материально-технического снабжения областного управления лесного хозяйства.

— Говорят, к вам ненужные подшипники прибыли и вы не знаете, что с ними делать? — явился он в бухгалтерию. — Отдайте нам три тысячи штук.

Предложение Самохина приняли с распростертыми объятиями. Кому нужны неликвиды! А тут сама судьба посылает случай избавиться от них, хотя бы частично.

Первая часть дела была сделана. Подшипники на складе поезда. Но как их взять? Они оприходованы. Подлом? Много шума. Грубо. Не годится. Вспомнил давние жалобы работника снабжения одного из заводов Степанова, что его подшипники буквально «за горло берут». Съездил, договорился, научил Степанова, как бестоварные документы превратить в товарные. Следующую партию «сэкономили» на ротозействе снабженца с другого предприятия, отпустив ему под видом нужных тому подшипников совсем другие. На заводе обман был обнаружен. Приехали к Самохину.

— Ошибка получилась,— говорят,— вы нам не те подшипники отгрузили.

— Нужно было смотреть вовремя. Ничего не знаю. Этак, задним числом вы мне и не таких претензий напредъявляете.

Почесали на заводе затылки и смирились. Решили сор из избы не выносить. Самохин только руки потирал и ждал подходящего случая, чтобы сплавить «сэкономленные» детали. Такой случай вскоре наступил — переезжал на новое место склад. Под шумок Самохин погрузил ящики на машину и отвез в Афонино, а оттуда — в Большую Ельню.

Однако, хотя жулику и удалось реализовать ворованное, поживиться он не успел. Немало труда и бессонных ночей потратил следователь Комаров и его коллеги по службе, чтобы раскрыть эту кражу без взлома.

Г. Фокин

ПРИЗВАНИЕ

В тот день мы с Николаем Ивановичем Сергеевым допоздна засиделись в его кабинете — просторном, не очень светлом, с небольшим письменным столом у окна. На столе — ничего лишнего: календарь с какими-то пометками, нехитрая пластмассовая подставка для авторучек да телефонный аппарат, время от времени дающий о себе знать резкими звонками. Николай Иванович поднимает трубку, терпеливо и вежливо отвечает, объясняет, советует. Рабочий день у него давно кончился, но ведь звонить по телефону никому не закажешь.

Звонки мешают, прерывают беседу. А разговор у нас идет серьезный — о постановлении Центрального Комитета КПСС «Об улучшении работы по охране правопорядка и усилении борьбы с правонарушениями». И хотя наша встреча проходит в день публикации этого важного документа, Сергеев уже успел дважды с карандашом в руках прочитать его и сделать для себя некоторые выводы.

Он считает, что изложенные в постановлении указания Центрального Комитета нашей партии являются программой действия на длительный срок, особенно для работников милиции. В постановлении подчеркивается, что за последние годы у нас осуществлены важные меры по совершенствованию законодательства. Улучшилась деятельность правоохранительных органов, повысилась активность общественности, возросла ее роль в охране правопорядка.

— Это можно подтвердить и на примере работы уголовного розыска и следствия нашего райотдела, — говорит Николай Иванович. — Теперь у нас не стало нераскрытых преступлений. Кадры выросли, стали квалифицированнее.

Сам Николай Иванович — один из лучших работников отдела, опытный специалист, кавалер ордена Ленина — высшей награды Родины. До личного знакомства с ним я почему-то представлял его человеком суровым, недюжинной физической силы, с пронзительным взглядом. Передо мной же сидит обаятельный человек лет сорока, среднего роста, с мягкими прият-

ными чертами лица, с добрыми серыми глазами. Единственное, что все же как-то роднит моего реального героя с тем, воображаемым,— небольшой шрам у правого виска. Я гляжу на него и невольно предаюсь фантазиям о схватках с опасными преступниками. Расспросить бы, да жаль прерывать начатый разговор. И я продолжаю допытываться у Николая Ивановича:

— Ну а в чем конкретно проявляется ваше мастерство?

— Да хотя бы во времени, которое мы затрачиваем на раскрытие преступлений. Если раньше мы месяцами разыскивали преступников, то теперь справляемся с подобными делами в считанные дни, а порой и за несколько часов.

— Говорят, что лично вам здорово помогает в работе интуиция. Так ли это?

— Тут все дело в том, что подразумевать под интуицией. Некоторые связывают ее с чем-то сверхъестественным, мистическим. Для меня же это обычный, закономерный путь докопаться до истины. Не угадывание «по наитию», а проникновение в суть дела. Если внимательнее присмотреться, то всегда окажется, что прежде чем «случайно» раскрыть какое-нибудь преступление, надо сперва собрать определенную информацию, призвать на помощь накопленный опыт, знания, которые ты приобрел. Не так давно был у нас такой случай...

ПЛАТЬЕ С ОБОРКАМИ

В гастрономе на проспекте Ленина Николай Иванович услышал разговор двух женщин.

— Видала,— говорила одна,— Любка наша какое себе платье отхватила? Длинное, с оборками.

— Любка — платье? Да она два года нигде не работает.

— Сама видела. С таким шиком позавчера вечером к ресторану гостиницы «Заречная» подходила.

Казалось бы — чего особенного? Ну захотелось молодой женщине принарядиться, в ресторан сходить... Однако услышанный разговор заинтересовал Сергеева. «Вот оно, звенюшко,— почувствовал он.— Ухватишься — сможешь, пожалуй, всю цепь вытащить».

На первый взгляд, тут все случайно, подсознательно. Так казалось и самому Сергееву. Позже он начал анализировать свои действия, спрашивать себя: стал бы он вслушиваться в разговор о какой-то женщине, подходившей к ресторану, если бы не знал, что как раз в ту ночь и в том самом районе было совершено тяжкое преступление? Могло ли его заинтересо-

вать длинное платье с оборками, если бы он не слышал от товарищей (самого его в первый день к участию в раскрытии этого преступления не привлекали), что в тот вечер пострадавшего видели в ресторане с женщиной, которая была примерно в таком же наряде? Возникли десятки вопросов, и на все он отвечал отрицательно: «Не стал бы, не могло...»

Установить, кто такая Любка, для него не составляло большого труда. И это только подтвердило его догадку. Он тут же высказал свои соображения начальнику уголовного розыска капитану Владимиру Анатольевичу Евстигнееву, затем вместе с ним — начальнику районного отдела полковнику Ивану Степановичу Блохину.

— Выходит, появилась еще одна версия, — сказал полковник. — Что ж, вот вы сами и займитесь ею.

Выдвинутая Сергеевым версия действительно была не первой. Одни не без основания полагали, что преступление совершено случайными встречными на почве обычного пьяного скандала. При этом они руководствовались данными медицинских экспертов, установивших, что потерпевший находился в состоянии сильного опьянения.

Еще более убедительными казались доводы другой оперативной группы, полагавшей, что преступление совершено одним из бывших заключенных. Улики против него были основательны. Уже при первом осмотре места происшествия выяснилось, что редкие пятна крови вели прямо к подъезду дома, в котором проживал подозреваемый.

Иначе думал Сергеев. Он верил «в свою интуицию», и она его не подвела.

...Кокарева «Любкой» стала не сразу. Было время — соседи называли ее Любой, потом Любовью Романовной. Но пять лет назад, когда ее мать уехала в деревню, к молодой женщине стали заходить любители выпивок. Ночные оргии не давали соседям покоя. И она стала Любкой.

В канун того рокового дня, когда было совершено преступление, к Кокаревой приехал ее земляк Саша Скворцов, учащийся Лысковского ПТУ. По этому случаю у нее собрались Назаров, бездельник и пьяница, как и она сама, шофер метростроя Букин и слесарь одного из жилищно-коммунальных отделов Улитин. Началась очередная пьянка. Пили много, рисуясь друг перед другом. Сашу тоже не обносили. В комнате было дымно и душно. Все покраснелись, одурели от водки.

— Ба-а-шли, что башли — пустяки! — бахвалился Букин. — Вы держитесь меня, я калач тертый, две судимости имею. Со мной всегда при деньгах будете.

Потом, уже на следствии, выяснилось, что шофер оговаривал себя: под судом он пока еще ни разу не был, решил прихвастнуть (нашел чем!). Другие тоже не отставали, похвальнось своей «удалью», распаляли друг друга. Александру, попавшему в эту компанию как кур во щи, и опьяневшему больше других, казалось, что трое его собутыльников не обнижаются, а хватают друг друга за шиворот, толкают в какую-то пропасть. В какую — он еще не знал, но уже страшился ее темной бездны. Ему хотелось бежать, но его тоже держали за шиворот.

А когда спиртные и денежные ресурсы иссякли, Назаров сказал Кокаревой:

— Ну, Любка, готовься, тебе начинать. Надо закадрить одного-двух денежных мужиков... Только вот платице у тебя неважное.

— Ладно, будет платье — закачаешься.

Скворцов безмятежно спал прямо за столом, подложив под щеку сложенные ладони. Он не слышал, как обговаривалось, расписывалось по часам время, определялось, где, кто и что должен был делать, не знал, что ему тоже отводилось свое место: «Салажонок... Поставим на стреме».

И опять слышалось пьяное бахвальство, стремление порисоваться перед дружками. Тут бы самое время встать кому-нибудь и спросить: «А куда это мы толкаем друг друга, братцы? Не пора ли остановиться? Потом поздно будет». Но отравленный алкоголем мозг был способен «переварить» только одну пакостную, преступную мыслишку: любыми путями добыть деньги, чтобы опять напиться.

Вечером Любка, как ей поручалось, одолжив у снохи платье, пошла в ресторан. Часов в одиннадцать ночи разошлись по своим местам и остальные. А через несколько минут Кокарева вышла в сопровождении двух молодых мужчин. Это были, как потом установило следствие, Кокиашвили и Бечвая.

— Дворами ближе, — сказала она, увлекая их на территорию интерната и дальше, к детсаду.

В том почти неосвещенном, густо заросшем деревьями и кустарником месте им навстречу вышел Назаров.

— Ах вот ты где, милая женушка! С приезжими путаешься, по ресторанам шляешься!

«Семейный скандал» был разыгран натурально, по всем правилам. Из-за деревьев показались Букин с Улитиним.

— Что, от живого мужа жену уведят?

Послышался хряск удар. Бечвая свалился с ног, а Кокиашвили метнулся в сторону и, проскочив мимо Назарова, побегал во двор детского сада.

— Врешь, не уйдешь! — зарычал Назаров и бросился следом.

Годерзи Кокиашвили выхватил складной нож, щелкнул лезвием и попятился к зданию детского сада, где на фасаде тускло светилась электрическая лампочка. У Назарова тоже был в руках нож. Кокиашвили размахнулся. Назаров ощутил острую боль в руке. Дико взыв, он прыгнул вперед. Нож вошел во что-то мягкое, податливое. Кокиашвили вскрикнул, осел на асфальт.

«Зарезал!» — вспыхнуло в сознании Назарова, и он отшатнулся от того темного, скрючившегося, что секунду назад было живым человеком, и побегал к друзьям. А те были заняты своим делом: шарили по карманам потерявшего сознание Бечвая, снимали с него часы.

— Б-р-осьте, — остановил их Назаров. — Я ч-человека убил! — Голос его дрожал.

Друзьки выпрямились, замерли. Букин переспросил:

— Убил? — Не дождавшись ответа, решил: — Проверить надо.

Он подошел к лежащему без движения Кокиашвили, склонился, долго возился, шепча:

— Верно, не дышит. Ладно, у этого хоть бумажник потуже, а у того — шесть рублей. Любка тоже хороша, закадрила, называется...

Назаров не подходил к убитому, держался поодаль, все дрожал, подгонял Букина:

— Д-да кончай ты...

Улитин беспокойно топтался рядом и тоже торопил:

— Верно, Никола. Надо быстрее...

А тот, рассовав по карманам награбленное, подошел к газону, стал вытирать подошвы.

— Сейчас... Кровища! Ногой попал.

— Т-теперь не ототрем-мсь, — безнадежно махнул рукой Назаров и вскрикнул от боли.

— Ты чего? — спросил Букин.

— Рука... Он меня тоже ножом пырнул.

— Кровь течет?

— Остановилась было, а теперь опять потекла.

Говорили они шепотом, шли не спеша, с оглядкой, несколько раз останавливались. У слабо освещенного подъезда жилого

дома помогли Назарову перевязать руку носовым платком. На площадке образовалась алая лужица. Потом все трое скрылись в темноте. К ним присоединились Кокарева со Скворцовым. Они долго плутали по ночным улицам, потом возвратились на квартиру делить и пропивать награбленное. Пили молча, старались залить вином чувство неоправимости содеянного и не могли.

...На третьи сутки оперативная группа Сергеева задержала преступников. Пьяный бесшабашный разгул кончился. Наступило тяжелое похмелье.

«...С УЧЕТОМ ОБЩЕСТВЕННЫХ ПОТРЕБНОСТЕЙ»

— Скажите, вот вам часто приходится иметь дело с такими... Не гадко, не противно ли это? — спрашиваю я.

Николай Иванович отвечает не сразу, подходит к стене, щелкает выключателем. По кабинету разливается мягкий электрический свет.

— Это уже иной разговор, разговор о профессии.— Он садится за стол, молчит некоторое время, потом спрашивает:

— Вы помните статью сороковую нашей новой Конституции?

— О праве советских граждан на труд?

— Да, включая право на выбор профессии. А вы обратили внимание, что в конце там добавлено: «в соответствии с учетом общественных потребностей». Про это добавление у нас, к сожалению, иногда забывают. А напрасно. Ведь обществу нельзя обойтись без того, чтобы кто-то выполнял и менее приятную работу. Кому-то же надо и ее делать, раз она людям необходима?

Он опять умолкает ненадолго. Потом, после некоторого раздумья, продолжает:

— К сожалению, нам действительно еще приходится сталкиваться с отвратительными типами. Возишься с ними, будто в грязи копаешься. Взять бы и бросить все, уйти, очиститься, отгородиться от всей этой мерзости, встать рядом с хорошими, честными людьми, дышать одним с ними чистым воздухом...

И звучит это у него так искренне, так доверительно, что я явственно вижу миллионы людей, которые спокойно трудятся, дружно вершат добрые дела, украшая радостями свою советскую землю. И его рядом, в общем строю. Можно ли желать человеку большего счастья?

Но есть еще, берутся откуда-то, ползут из каких-то темных щелей чуждые нашему обществу типы. И пока они есть — ему нельзя уходить. Он должен оставаться на посту.

Некоторое время мы оба молчим. В его серых глазах вспыхивает металлический блеск.

— Знаете, когда я прочитал постановление Центрального Комитета, я понял, — говорит он, — как много еще нам предстоит сделать, чтобы искоренить всякие нарушения правопорядка, ликвидировать преступность, устранить причины, ее порождающие. Вам не приходилось слышать о деле Евгения Малеева? Этому преступнику двадцать восемь лет, а он уже дважды был судим. Первый раз пятнадцатилетним мальчишкой. Его приговорили к шести годам, потом еще к шести. После отбытия наказания он дал слово покончить с прошлым. Ему поверили, приняли на курсы водителей трамваев. Только не надолго его хватило. Зимой прошлого года он совершил третье — особенно тяжкое и безрассудное преступление.

...Январской ночью курсанты Горьковского речного училища Леднев и Халюзов, проводив на поезд своего товарища, возвращались с вокзала пешком — свободного такси не попало. На проспекте Ленина им повстречались трое: парень и две девушки. Леднев пошутил, что-де есть счастливики, у которых по две девушки, да еще таких красивых, а у других — ни одной. Но встречный — это был Малеев — не принял шутки, окинул курсанта злобным взглядом и прошел мимо.

Они были тезки — Леднева тоже звали Евгением. Раньше им встречаться не доводилось, так что каких-либо старых претензий друг к другу они не могли иметь. Да и вообще у Жени Леднева не было недругов. Спросите у его сокурсников — он учился на третьем курсе радиотехнического отделения, — в комитете комсомола, в учебной части, и вам всюду скажут, что он был дисциплинирован, вежлив, хорошо учился и вообще был отличным душевным парнем.

А вот Малееву он чем-то не приглянулся. Чем? Поди разберись в черной преступной душе!.. Казалось бы, все еще могло обойтись: ну встретились, посмотрели один на другого, пусть даже с неприязнью, и пошли дальше, каждый своей дорогой. Только нет, беду отвратить уже было нельзя. Не с Женей Ледневым, так с кем-нибудь другим, а несчастье должно было произойти. Не сегодня, так завтра. Иначе зачем было Малееву припасать обрез, прятать его под полый палец и ходить с ним по городу, будто по дикой лесной чащобе?

Трагедия случилась с Ледневым. Только они разошлись — трое в одну сторону, двое в другую, — как показалась легковая

машина. Леднев поднял руку. Малеев — тоже. Такси остановилось возле курсантов. Малеев подбежал к ним.

— Ты что, шибко деловой? — со злой иронией спросил он Леднева. — Почему таксист остановился возле тебя?

— Не знаю, — ответил Женя, пожимая плечами.

Если бы Малеев попросил Леднева уступить машину, он бы наверняка это сделал, ведь с тем были женщины. Но тот, не говоря ни слова, выхватил обрез и выстрелил в упор, прямо в голову...

— Больше двух десятков лет я работаю в милиции, — взволнованно говорит Николай Иванович, — из рядовых до майора вырос, но и я не могу объяснить этого отвратительного поступка. Патологический случай? Нет, по заключению врачей, преступник психическими заболеваниями не страдал.

Нет, такое не поддается здравому рассудку! И оно должно пресекаться так, как требует закон — бескомпромиссно и решительно.

И ОН, И Я, И ТЫ — ВСЕ ВМЕСТЕ

— Следует ли понимать сказанное вами так, что в милицию вы пришли не по призванию, а по долгу? — спрашиваю я.

— Вовсе нет, — возражает Николай Иванович. — Я только хотел подчеркнуть, что при выборе профессии, рода занятий, работы у каждого человека чувство долга, интересы народа, с одной стороны, и личные интересы — с другой, — должны всегда стоять рядом, как они рядом стоят в нашем Основном Законе.

— Конечно, сознание долга, — продолжает он, — чаще и заметнее всего проявляется в минуты опасности, когда человек вынужден идти на риск. Однако меня, например, оно не раз выручало и в обыденных, будничных делах. Убежденность в том, что и ты сам, и твоя работа нужны людям, очень помогает...

Мне хорошо известна вся жизнь Сергеева, его семья: жена Татьяна Михайловна — машинист крана прессового корпуса автозавода, хорошая работница и умная заботливая мать; сын Женя и дочурка Света. Родом Николай Иванович из села Шутилово Первомайского района Горьковской области. К труду он приобщился рано. В апреле 1945 года погиб его отец. Дрался с врагом под Москвой, на Курской дуге сбивал «фоккевульфов» и «хейнкелей», а за месяц до конца войны подстрегла солдата вражеская пуля.

Коле в ту пору и семи лет не было, сестренке Маше — десять, а брату Володе — двенадцать. Нелегко пришлось матери. Хорошо еще, дети выручали — даже зимой после школьных занятий чем могли помогали ей, а уж про лето и говорить нечего.

Так в труде да заботах и не заметила Настасья Степановна, как поднялись все трое: Владимир стал лесником, Мария пошла работать в школу, Николая призвали в армию, в зенитные войска, как просился, — по отцовской военной специальности.

Службу нес честно. Командир батареи не раз отмечал его, ставя в пример другим.

Когда вышел срок службы, Сергеев пошел служить в милицию.

Не сразу далась бывшему воину новая специальность. Первое время не обошлось без ошибок. Однажды, сопровождая опасного преступника, он беспечно вышел вперед, а тот сзади набросился на него.

Спасибо, выручил внештатный помощник Владимир Родин. Скрутил руки преступнику.

Другой раз у него не оказалось при себе пистолета, а надо было задержать пьяного хулигана.

— Не подходи, — кричал тот.

Сергеев сунул руку в карман, будто там у него оружие, и решительно двинулся вперед.

Его уверенные и смелые действия мгновенно отрезвили хулигана.

С годами промашек становилось меньше, накапливался опыт. Многие давали ему различные курсы, на которые его посылали неоднократно, но, пожалуй, основным его «университетом» была практическая помощь старших товарищей. В ту пору наставничество еще не имело такого широкого распространения, как теперь, но и тогда партбюро отдела проявляло большую заботу о новичках.

У старшины Лаврентия Максимовича Пятанова, с которым Сергееву довелось работать на одной из патрульных машин, он перенимал приемы и способы задержания нарушителей. Позднее, будучи участковым, многому он научился у своего коллеги, тоже участкового, Михаила Павловича Глазунова. Заметив, что тот часто ходит по участку один, Сергеев как-то спросил его:

— А не опасно, Михаил Павлович?

— Одному-то? Так ведь я не один. У меня десятки помощников. Вон видишь того, рыжеватого, в рубашке с короткими

рукавами? Это Иванов, токарь с «Двигателя революции», активный дружинник.

Мужчина, которого он назвал Ивановым, поравнявшись, пожал Глазунову руку.

— А ты говоришь — один. Дело-то у нас общее, и вершить мы должны его сообща: и он, и я, и ты...

О необходимости самой тесной связи с народом настойчиво и неоднократно напоминали Сергею инспекторы уголовного розыска Николай Михайлович Тиняев и Федор Иванович Сорокин. Вместе они выполняли не одно задание и всегда щедро делились с ним своим богатым опытом, обучали разным приемам и тонкостям нелегкого ремесла.

То время давно прошло. Теперь Сергеев старший инспектор уголовного розыска, сам помогает молодым. Хорошую школу прошли у него Александр Васильевич Заверняхин и Вадим Васильевич Глухов. Сейчас оба они работают в аппарате областного управления внутренних дел.

Трудно перечислить всех, у кого он сам учился и кому, как эстафету, передавал потом и передает сейчас приобретенные знания, опыт.

НЕ ПРОЗЕВАЙТЕ ЖИЗНЬ

У Сергеева своя манера рассказывать. Когда слушаешь его, то кажется, будто интересную книгу листаешь, причем непременно с картинками: пробежишь страницу, поглядишь иллюстрацию и продолжаешь дальше читать. Мысли свои он обязательно подкрепляет примерами из личной практики, а их у него бесчисленное множество.

— Особенно хорошо запомнилось мне то место в постановлении ЦК КПСС, где говорится об улучшении индивидуальной работы с подростками, — говорит он. — Есть у меня один знакомый. Фамилии его называть не стану — не всякому приятно, когда начинают ворошить его прошлое; к тому же сейчас у него семья, дети... Назовем его, скажем, Антиповым Иваном Михайловичем.

...Познакомился с ним Николай Иванович, когда еще работал участковым в Молитовке. Теперь трудно узнать этот бывший его участок — везде добротные каменные строения, зелень. А тогда это был, пожалуй, один из самых отсталых углов города, типичное нижегородское захолустье. Новое строительство еще только начиналось. Высоких кирпичных домов насчитывалось единицы.

В одном из них и жил с матерью Ваня Антипов — озорник и первый заводила. Вокруг него собирались все ребяташки двора. Звали они его почему-то Шурупом. Наверное, потому, что шурупить, как они понимали, значит соображать, смекать. А уж в чем в чем, а в смекалке Ване отказать было трудно. Жаль только, нацелена она чаще всего была на всякие неблагоприятные поступки и даже хулиганство: то драку затеят — мелюзга, подростки, а кучей навалятся, так и взрослому не устоять; то садовые скамейки поломают; то урны перевернут или разобьют. Случалось, что и велосипеды из сараев угоняли, клетки с кроликами уносили.

Шуруп и еще кое-кто из его приятелей стали выходить на улицу с ножами в карманах.

Так вот и бывает — начинают с простого озорства, а там уж и нож в кармане, еще шаг — и человек, только вступающий в жизнь, летит в пропасть.

— Словом, оснований для встречи с Шурупом у меня было больше, чем достаточно, — вспоминает Сергеев. — И она состоялась прямо в отделе. Было ему в ту пору чуть больше четырнадцати, а выглядел он на все семнадцать: высокий, крепкий, с темным пушком на верхней губе. Гляжу я на него и думаю: «Парень как парень, а ведь катится черт знает куда. Попробую-ка потолковать с ним по душам». И начинаю: говорю спокойно, показываю, к чему приведет его тот порочный путь, на который встали он и его дружки. Но вижу: не доходят мои слова до его сознания, чувствую: между нами стена, а как разрушить ее — не знаю. Словом, не склеился у нас тогда разговор.

После первой встречи Николай Иванович понял, что с этим пареньком придется повозиться. Для начала решил побывать у него на квартире.

Встретила его Ванюшина мать. Засуетилась сразу, встретила:

— Поди, опять мой что-нибудь натворил?

— Да нет, — успокоил ее Сергеев. — Я так просто. Шел мимо — дай, думаю, зайду.

— И хорошо сделали. Проходите, чайку попьем.

За чаем очокая на слова женщина выложила свою жизнь как на блюде. Светлым праздником вспоминались ей молодые годы, комсомол, первые пятилетки.

— Трудно было, а весело, — рассказывала она. — На «Красной Этне» новый цех строили. Там и с Михаилом познакомились. Только расписались — война, дитем даже обзавестись не успели. Ваня-то родился у нас уже потом, после победы, и то

не сразу. Михаила еще год по госпиталям возили, раны заживали. Вернулся инвалидом, но крепился, на работу пошел. Одинадцать лет слесарил, а на двенадцатом...

Женщина достала платок, вытерла глаза, немного успокоившись, продолжала:

— При жизни, правду сказать, отец баловал Ванюшу — один ведь! И рос он у нас озорным. А не стало хозяина — вовсе задурил. Я-то, пока он поменьше был, отцовским ремнем пугала, а теперь — куда мне...

— Бить нельзя. В народе как говорят: побои не учат, а мучат.

— Но надо же как-то приструнить? Вот бы вы, что ли, подсобили.

— Поможем, непременно поможем, — пообещал Сергеев, прощаясь с гостеприимной хозяйкой.

Вскоре Сергеев второй раз встретился с Антиповым и его друзьями. Произошло это в сквере. Николай Иванович шел один. Эту привычку он перенял у своего бывшего учителя Глазунова. И не без пользы. В одиночку как-то легче сходитьсь с людьми, разговор получается и доверительнее и откровеннее.

Шуруповскую компанию он сразу заметил. Подростки держались нагло, дерзили прохожим, сидели развалясь на двух сдвинутых садовых скамейках. Сергеев был в гражданском — время неслужебное, но Антипов узнал его и, видимо, подал приятелям сигнал. Те притихли, настороженно поглядывая на приближавшегося к ним участкового. Тот подошел, поздоровался.

Ребята ответили вразнобой, неуверенно. Кто-то подвинулся, освобождая для него место:

— Садитесь.

Сергеев не сел, спросил, зачем им понадобилось перетаскивать скамейки.

— Так на одной мы не помещаемся, — ответил за всех Антипов.

— А вон же рядом беседка, идите и сидите там.

— За круглым столом, как на международных встречах? — спросил Антипов.

— Точно, — ответил Сергеев. — Там и я могу с вами посидеть. Только сперва надо скамейки поставить на место.

В беседке Николай Иванович сразу как-то сблизился с ребятами. Он не читал им нравоучений, не журил; просто рассказывал о своей работе, о раскрытых преступлениях и преступниках, о наказаниях, которые они понесли. Это увлекло

слушателей, и они просили его рассказать еще что-нибудь интересное для них.

— Сегодня уже поздно, пора по домам.

— А когда?

— Послезавтра в восемнадцать ноль-ноль, в этой же беседе. Идет?

С тех пор такие беседы «за круглым столом» стали проводиться чуть ли не регулярно. Сергеев знакомил ребят с советскими законами, с правопорядком и с удовлетворением наблюдал, как у его подшефных постепенно возрастал интерес к юридическим знаниям, к вопросам, которые неизбежно встают перед каждым юношей, вступающим в жизнь.

— Наверное, главное всего все-таки труд. От него даже сама жизнь зависит, — сказал как-то Антипов. — А мы? Что мы делаем? Сидим у других на шее.

Кто-то возразил:

— Успеем. Еще надоест вкалывать.

— Человеком становятся смолodu, — ответил на это Сергеев. — Главное — не прооткладываете на потом, не прозевайте жизнь.

У него была с собой небольшая книжка Аркадия Гайдара — сыну купил, а в ней автобиография автора. Сергеев полистал ее, нашел нужное место.

— Вот послушайте: «В конце концов вышло так, что четырнадцати с половиной лет я уже командовал 6-й ротой 2-го полка... А в семнадцать лет был командиром 58-го отдельного полка...»

— Четырнадцати с половиной лет ротой командовал! Моложе тебя, Шуруп. Вот это да! Вы дайте нам дня на два эту книжку.

Пришлось уступить. Некоторое время он подбирал им из своей библиотеки подходящую, на его взгляд, литературу, потом свел их в библиотеку, вместе с ними обсуждал прочитанное.

Иной раз они уже начинали ставить его в тупик своими вопросами, и он чувствовал: надо держаться, самому больше читать, думать, учиться.

Прошел год, и на участке Сергеева не стало хулиганской шайки Шурупа. Участковый помог Антипову поступить на стройку.

Другие тоже были определены, кто на работу, кто в профтехучилище.

Я решил, что на этом кончился рассказ Николая Ивановича, и поднялся из-за стола.

— Думаете, все? — задерживает меня Сергеев. — Я тоже так полагал, да поспешил. Минуло три года. Я уже работал в уголовном розыске. Вдруг слышу: какой-то Антипов напился, учинил скандал на стройке. Неужели, думаю, мой подопечный? Проверяю — точно, он самый. Тут же спешу к нему на квартиру. Застаю дома. Встречает пьяненькой ехидной ухмылкой:

— А, Николай Иванович... Пр-рашу!

Опять появилась в нем прежняя развязность, наглость. Спрашиваю как можно спокойнее:

— Чем порадуешь? С работы, говорят, выгнали?

— Извините, — отвечает, — по собственному желанию ушел. Не пожелал больше на бригадира да на кладовщика вкалывать.

— Не на бригадира, — говорю, — на себя, на народ работал.

Он выпылил, ударил кулаком об стол:

— Народ, говорите? Видал я этот народ! Каждый норовит, как бы урвать побольше, а работать поменьше. Подите посмотрите наряды. А плитки сколько уплыло?

Тут, признаться, я тоже не смог себя сдержать:

— Народ хайшь? А что ты знаешь о народе? Отец твой, что принял на себя вражеский свинец и умер, не дожив до твоего совершеннолетия; мать, что, ломая до крови ногти и обжигая на морозе ладони, возводила заводские корпуса; сверстники твои, что поднимают целину, на комсомольских ударных стройках трудятся; миллионы честных граждан — вот что такое народ! Прохвосты? Что ж, и такие еще встречаются. А что ты сделал, чтобы избавиться от них? По зубам кладовщика смазал и думаешь — все?

Впервые за все время работы в милиции так распалился. Думал, обидится парень, но нет, притих, куда и хмель девался. Стал советоваться, как изловить воров, орудовавших на их стройке.

Антипова восстановили на работе.

Его судил товарищеский суд, а шайка преступников, раскрытая с его помощью, понесла наказание по всей строгости советских законов.

Прощаясь с Сергеевым, я опять взглянул на его шрам у виска и все-таки спросил:

— Простите, Николай Иванович, вот этот ваш шрам — видно, след ножа какого-нибудь преступника?

Он засмеялся:

— Хочется вам, журналистам, видеть в нашей работе

сплошную героику, непрерывные схватки с опасными злодеями. Но ведь есть у нас и простые, будничные дела. И возвращение на правильный путь, к здоровой жизни пусть даже одного такого вот Шурупа мне доставляет не меньше радости, чем победа в схватке с самым закоренелым преступником. А шрам... Это мы еще мальчишками колхозную силосную яму заполняли. Было тесно. Вот один приятель и задел нечаянно лопатой...

Н. Шевченко

НАЙТИ СЕБЯ

Как и каждый новичок, с большим волнением выезжал Анатолий Мухин на первое происшествие. К сожалению, оно не оставило заметного следа в его профессиональной биографии, по-видимому, потому, что было слишком очевидным: водитель-лихач сбил прохожего и пытался скрыться, но тут же был задержан. Эксперту вместе с работниками госавтоинспекции потребовалось лишь зафиксировать тормозной путь грузовика с тем, чтобы закрепить показания самого обвиняемого.

— Чуть было не разочаровался в избранной специальности, — вспоминает старший лейтенант. В школе экспертов, которую он тогда только что закончил, много и увлекательно рассказывали о его будущей профессии, порой романтической, но всегда очень сложной, требующей не только предельного напряжения физических и моральных сил, но и большой эрудиции во многих науках, казалось бы, очень далеких от криминалистики. А на поверку что же получается? Ему просто пришлось «при сем присутствовать». К счастью, вскоре от сомнений и разочарований Анатолия не осталось и следа.

На этот раз тоже было дорожное происшествие. В дежурную часть сообщили, что на проспекте Гагарина неизвестной машиной сбита женщина и в тяжелом состоянии отправлена в больницу. Преступник скрылся. И хотя эксперт в составе оперативной группы немедленно прибыл к месту аварии, там, по существу, было уже трудно обнаружить какие-либо следы. За короткое время по трассе успели пройти сотни автомобилей различных марок. Тем не менее эксперт решил тщательно исследовать дорогу и прилегающую к ней территорию. На обочине шоссе он обратил внимание на небольшую свежую рытвину, по-видимому оставленную задним колесом занесенной на быстром ходу автомашины. К тому времени следователь путем опроса установил, что именно здесь недавно на недозволенной скорости промчался крытый фургон; лавируя между попутными машинами, он резко вырвался вперед и понесся в направлении Щербинок.

— Пожалуй, мысль твоя правильная, — сказал госавтоинспектор, когда эксперт изложил свое предположение. Вот почему Мухин с исключительной тщательностью изъясил следы в рытвине, обратив особое внимание на еле заметные продолговатые углубления, похожие на отпечатки протектора автомобильного колеса.

— Скудноватые улики, — с разочарованием резюмировал следователь и предложил: — Что же, давайте искать фургон.

Сотрудники милиции обследовали десятки гаражей города — и все безрезультатно. Оставалось еще заглянуть в несколько автохозяйств, а время уже клонилося к ночи.

Участники оперативной группы хорошо понимали, что действовать нужно по горячим следам, до утра дело оставлять нельзя, — как бы не потерять и ту слабую ниточку, за которую они ухватились. Обменявшись мнениями, настойчиво продолжали поиск. В одном из очередных гаражей на эстакаде стоял до блеска вымытый автобус ЛИАЗ. Дежурный слесарь заявил, что в их автохозяйстве фургонов вообще нет.

— Да, Федот — да не тот, — недовольно пробурчал следователь.

— А может, и тот, — парировал эксперт. — Ведь в таком потоке транспорта те, кто видел нарушителя, могли толком и не рассмотреть марку автомобиля. Так что давайте все же осмотрим и этот автобус.

Пока следователь заглядывал в салон, окидывал взором внешний вид автобуса, старший лейтенант прежде всего обратил внимание на состояние ската заднего правого колеса. Внешне он находился, как говорят, в нормальном техническом состоянии. Но когда Мухин начал его разглядывать с помощью лупы, то заметил в одном месте на самом борту ската небольшие заусенцы резины, по-видимому образовавшиеся от резкого удара колеса об обочину дороги. При тщательном предварительном сопоставлении этих следов с теми, что были взяты на месте происшествия, выяснилось, что они имели много общего.

— Это уже что-то значит, — удовлетворенно отметил эксперт и предложил: нужно побеседовать с шофером, проверить его путевой лист. Важно установить, проезжал ли он в том месте, где совершена авария.

Водителя долго ждать не пришлось. Он в этот день работал в первую смену, которая начиналась с трех часов утра, но пришел значительно раньше обычного. Это тоже настораживало сотрудников милиции. Вел он себя сдержанно, был немногословен, на вопросы отвечал уклончиво. Предъявив путевой лист, не отрицал, что вчера во второй половине дня дей-

ствительно проезжал то место, которое ему называют, но о каком-либо происшествии и понятия не имеет.

— Повреждения на заднем скате? Ну и что ж с того? Мало ли какое препятствие могло встретиться на пути. Может быть, кто неумело обгонял и я вынужден был прижаться к правому кювету дороги.

Одним словом, невинен. Всякие претензии работников милиции — не по его адресу.

— Конечно, зацепка важная, но ее недостаточно, — согласился эксперт, — когда участники оперативной группы стали обмениваться мнениями. Было решено искать дополнительные улики.

Анатолий Тихонович облачился в темный халат слесаря и, пользуясь тем, что автобус стоял на эстакаде, полез под него, чтобы тщательно осмотреть всю ходовую часть.

Вот уже детально обследованы задний и передний мост, рычаги управления, амортизаторы. И нигде, как говорят, ни сучка, ни задоринки. После вчерашней мойки все чисто, убрано, только кое-где видны еще невысохшие подтеки.

Выйдя из-под автобуса, чтобы растереть затекшие ноги, старший лейтенант спросил следователя:

— Ты не поинтересовался у дежурного гаража, каков тут порядок мойки автобусов? Проводится эта процедура после каждого последнего рейса или по необходимости?

— Спрашивал.

— Ну и что же он говорит?

— Сказал, что все зависит от аккуратности шофера, чем водитель ЛИАЗа не отличается.

— Почему же вдруг такое старание?

— Вот и у меня это укрепляет подозрение, — стал вслух размышлять старший лейтенант. — Значит, нужно продолжать поиск.

И хотя на улице уже был ясный солнечный день, эксперт с зажженной переноской в руках снова забрался под автобус. От неимоверного напряжения он уже и не помнит, сколько времени прошло, когда на левом подressорнике обнаружил несколько еле заметных волосков, а неподалеку от них — две тоненькие желтые ниточки.

— Быстрее давай на помощь! — радостно вскрикнул Анатолий следователю и попросил его подержать переноску. Сам же тем временем осторожно изъял пинцетом обнаруженные предметы и аккуратно поместил их в небольшую стеклянную пробирку.

Облегченно вздохнув, Мухин предложил:

— Теперь поехали в оперативно-технический отдел. Пусть свое слово скажут химики и биологи.

Их заключение было кратким: состав ниток, изъятых с подрессорника автобуса, однороден с пряжей кофты потерпевшей. Ей же принадлежат и представленные на экспертизу волосы.

Когда подозреваемому предъявили эти неопровержимые доказательства, он не стал дальше запыряться.

Это лишь один из примеров того, как эксперт помог раскрыть опасное преступление. А сколько их на его счету за время работы экспертом! Самых разнообразных по злому умыслу и изощренности преступных хитросплетений. Но долгие годы работы в криминалистике убедили Анатолия Тихоновича в непреложном законе: как бы ни прятались концы преступления, как бы ни отшлифовывался его замысел, что-то неучтенное непременно выползет в период следствия, какая-то неожиданная, самая малая улика да обнаружится и уличит того, кто преступил закон, кто пренебрег правилами нашего социалистического общежития, кто ловчит и посягает на неприкосновенную государственную или личную собственность. Ведь как бы преступник ни храбрился, его всегда лихорадят кошмары, он трусит, спешит, а стало быть, и не в состоянии все предусмотреть.

Так было и на этот раз. Ночной звонок: срочный вызов на происшествие. Совершена кража крупной суммы денег из бухгалтерии завода коробок скоростей. Привычка быстро одеваться осталась у Мухина еще со службы в армии.

Буквально через несколько минут Мухин, подтянутый, предельно собранный, со своим неизменным чемоданчиком криминалиста, где постоянно, как у боевого командира, находится необходимый набор инструментов, входит в помещение бухгалтерии. Небольшая, строго по-канцелярски обставленная комната. Старшему лейтенанту сразу бросился в глаза массивный, свежевыкрашенный в коричневый цвет сейф. Дверца настежь распахнута, но на нем нигде ни малейшей царапины. По-видимому, преступник воспользовался подбором ключей. Способ не столь уж оригинальный, довольно распространенный. Конечно, преступник был уверен в том, что здесь он чисто сработал, но эксперт на этот счет придерживался другого мнения. Он рассуждал так: грабитель действовал в полупотемках, о чем свидетельствовали разбросанные на полу обгоревшие спички,— по-видимому, боялся зажигать электроосвещение, поскольку окна помещения выходили на улицу и это грозило опасностью быть застигнутым на месте преступления. Стало

быть, орудия наощупь и второпях, взломщик не мог не оставить в замке каких-либо царапин или других повреждений. Но это потом покажет тщательная экспертиза, проведенная в криминалистической лаборатории, а пока Мухин попросил вызванного по его просьбе слесаря аккуратно изъять из сейфа замок и осторожно упаковал его в специально подготовленную картонную коробку.

— Ну, с одним объектом наконец покончил, — вздохнул Анатолий Тихонович и, как бы размышляя, добавил: — Теперь займемся столом.

Стоявший в правом углу комнаты простой канцелярский стол для неискушенного в криминалистике человека никакого интереса не представлял. Стол как стол, накрытый органическим стеклом, под которым виднелись какие-то таблицы, графики и другие документы повседневного пользования. Но эксперт обратил внимание вот на что; два верхних ящика стола были наполовину выдвинуты, а находящиеся в них бумаги все перерыты. Что в них пытался найти непрошенный ночной гость, старшего лейтенанта тоже не слишком интересовало. Он пытался мысленно вообразить, что и как здесь происходило: открывая ящики и роясь в них одной рукой, преступник скорее всего второй опирался о стол. Стало быть, на нем нужно искать отпечатки пальцев. Так и есть, в темноте и спешке вор изрядно здесь наследил.

Казалось, дело не хитрое — сфотографировать след на предмете. Но на это порой уходят часы. Ведь следы бывают разными — стертыми, как бы смазанными, микроскопически малыми, жирными... А так как они зачастую — единственная улика, от которой зависит раскрытие преступления, вечно боишься их упустить, навсегда утерять. Если, скажем, след жирный, порошком можно его забить. Если слабый, от порошка он сотрется. Кисть для нежного следа — грубое орудие. Ищешь, ищешь... Здесь же следователю удалось обнаружить не только отпечатки пальцев, а оттиск всей ладони левой руки. Удача! Мухин тут же тщательно отработал обнаруженный след специальным порошком, а затем для дальнейшего исследования в лабораторных условиях перенес его на пленку. Конечно, эти следы могли принадлежать кому-либо из работников бухгалтерии. Но в результате их опроса было установлено, что в конце рабочего дня, убирая помещение, уборщица, как она заявила, старательно протерла все столы и окна, а после нее в комнату больше никто не заходил. Да и расположены были эти следы каким-то странным образом, что еще больше укрепляло убеждение в принадлежности их постороннему челове-

ку. Но кому? Чтобы это определить, еще предстояла большая и кропотливая работа.

Не впервые, исследуя тот или иной предмет, старший лейтенант сначала долго смотрел на него, просто смотрел, решая, какой прием или средство применить, чтобы установить тождество или различие вещественных доказательств. Пристрастно, будто выверяя четкость своей линии поведения, спрашивал себя, какие познания из аналитической химии, физики, биологии, научной фотографии или техники сейчас нужнее? В данном случае решающую роль должны сыграть дактилоскопия и трассология. Именно по этим узеньким, едва уловимым тропкам шел он к изобличению преступников. Но добытые с таким трудом зацепки тут же обрывались. Их не с чем было сличать, сопоставлять. Стало быть, они могут крайне пригодиться лишь в будущем. И такой случай подвернулся.

Спустя несколько дней неизвестные взломали продовольственный ларек и похитили там разменную монету, вино, папиросы и некоторые кондитерские изделия. На место происшествия немедленно выехала оперативная группа, в которую вошел и старший лейтенант Мухин. Пока сотрудники уголовного розыска и следствия осматривали место взлома и прилегающую к ларьку территорию, эксперт отыскал три пустые бутылки из-под вина. По-видимому, грабителям было невтерпех и они для храбрости тут же обмыли свое мерзкое дело. Причем, как свидетельствовала обстановка, пили прямо из бутылок. Так что отпечатков пальцев на бутылках осталось изрядно. Когда Анатолий Тихонович изъясил их и сличил с теми, которые были обнаружены на столе в бухгалтерии, они оказались идентичными.

— Значит, обе кражи — дело одних рук, — заявил старший оперативной группы, когда ее участники собрались на очередное совещание. Такой вывод подстегнул оперативников: преступники-то действуют!

— Надо тщательно прочесать все близлежащие дворы и переулки, — предложил прибывший несколько позже на место происшествия начальник райотдела. — Раз преступники проявили такую нетерпимость с распитием спиртного, скорее всего они и с остальным наворованным далеко не прятались.

— Начнем с рядом стоящего дома, — предложил следователь.

Осмотрели подъезды, спустились в полуподвальное помещение. Нигде — ничего, что могло бы привлечь внимание работников милиции. Во втором, третьем, четвертом домах поиски тоже оказались безрезультатными. Зато в пятом — прямо

у входа в полуподвальное помещение все ступеньки оказались усеяны бледно-голубыми фантиками от конфет.

— Смотри, такая же как раз карамель похищена из киоска, — оживился инспектор уголовного розыска.

— Мало ли здесь бегают ребят, любителей сладостей, — умерил его пыл следователь. Однако предложил:

— Конечно, такой деталью нельзя пренебрегать. Давайте посмотреть дальше да повнимательнее.

Спустились вглубь. Фантики тянулись в дальний угол и там в темноте терялись.

Кто-то включил электрофонарик, и луч света, пошарив по стенам, остановился на куче мусора, набросанного за одной из кирпичных стоек.

— Будьте настороже. Смотрите по сторонам, чтобы не напороться на неприятности, а я обследую, что это может быть. Следователь подошел и осторожно стал разгребать старые опилки, перемешанные со шлаком и стекловатой, оставшимися здесь еще со времени строительства дома. И вот то, что искали — большой полиэтиленовый мешок, под завязку набитый бутылками с вином, плитками шоколада, папиросами и карамелью в бледно-голубых обертках.

— Клад ценный, кто же его здесь спрятал? — не то шутя, не то рассуждая, нарушил наступившую тишину молчавший до сих пор участковый.

После короткого обмена мнениями было решено спросить жителей дома, не известно ли им, кто последнее время посещал подвал их дома. На этот вопрос в первой же квартире, куда зашли работники милиции, встретивший их шустрый старичок бойко ответил:

— Видел намердн: какие-то ребята вон с той стройки туда заходили.

— Ну, а не заметил, какие они из себя? — поинтересовались у словоохотливого старика.

— Шут их знает, не приглядывался. — Потом, немного подумав, как бы припоминая, не совсем уверенно добавил: — Один высокий, кажется, в стеганой куртке и красной каске был.

Работники милиции пошли на расположенную рядом стройку. Высокого в стеганой куртке и красной каске там искать долго не пришлось. Он стоял на верхнем этаже возводимого здания и, как в порту, властно командовал крановщиком, подающим монтажникам огромные стеновые панели:

— Майна, вира!

Им оказался некий Федька Брагин. Его не стали сразу

трогать потому, что он был известен в милиции. Был судим за кражу, но последнее время как будто вел себя нормально. Решили еще раз проверить возникшую версию. Путем опроса многих свидетелей удалось точно установить, где находился Брагин в течение всего дня, когда произошла кража из киоска, за исключением времени, в которое было совершено преступление. Выяснилось, что подозреваемый, будучи как-то во хмелю, хвастался большой связкой ключей, которую он всегда носил с собой. Когда его спросили, зачем они ему, Брагин двусмысленно заявил:

— Для дела.— Для какого дела, он не стал распространяться, но такой туманный ответ вызвал у присутствующих при этом разговоре неприятный осадок. Однако тогда никто этому не придавал особого значения.

К тому времени старший лейтенант скрупулезно сличил отпечатки пальцев Брагина с теми, которые были изъяты на столе в бухгалтерии и на бутылках из-под вина, оставленных у киоска. Все они точно совпали.

— Теперь, пожалуй, сомнений нет, нужно начинать с Брагина,— предложил старший оперативной группы.

Брагина пригласили на беседу неожиданно для него. Просто прибыли на стройку и предложили:

— Поедем, Федор, в милицию. Нужно выяснить некоторые обстоятельства.

— Зачем ехать в милицию, можно поговорить и здесь,— стараясь не выдать внутреннего волнения, заявил Брагин.

Ему объяснили, что тут, мол, не подходящая обстановка и нет необходимости привлекать внимание посторонних. Брагин, застигнутый врасплох, попросил разрешения хотя бы забежать в диспетчерскую стройки переодеться и передать ребятам ключи от склада.

— Ключи давайте сюда, они нам еще пригодятся,— ответил ему следователь.

В милиции Брагин пытался держаться независимо.

— Какое может быть подозрение? Давно с прошлым покончил. Тружусь на стройке не хуже других. Можете характеристику запросить.

— По работе к тебе, парень,— переходя на ты, ответил ему следователь,— действительно никаких претензий. Нам это хорошо известно. Но и о другом не менее известно.

— О чем? — не сдержался Брагин.

— Ну, хотя бы о том, что ты участвовал в краже денег из сейфа на заводе коробок скоростей и продуктов из продовольственного ларька.

Брагин на мгновение растерялся, но тут же пришел в себя:

— А какие доказательства?

— Доказательств много. Причем неопровержимых,— продолжал следователь.— А вот каких — об этом скажет криминалист.

Старший лейтенант разложил на столе три небольших листа бумаги с оттисками пальцев Брагина и тех, что изъяты на местах происшествий. Потом спросил:

— Как думаешь, этого достаточно? — И, помолчав, добавил: — Можно еще сопоставить следы ключа, который оказался у тебя в кармане, с царапинами, оставленными им в замке сейфа бухгалтерии.

Старший лейтенант тут же показал, насколько велико это сходство.

Поняв неопровержимость улик, преступник, сбросив с себя маску невинности, пробурчал:

— Да, петля затянута намертво. Пишите протокол.

Вскоре стали известны и его сообщники по преступлениям.

Не раз эксперт выводил следствие на единственно правильный путь, давая в руки оперативным работникам те порой еле ощутимые нити, ухватившись за которые, они распутывали самые изощренные хитросплетения.

В милицию Анатолий Тихонович, можно сказать, пришел неожиданно. После окончания десятилетки он отслужил положенный срок в армии. В конце его службы в часть пришел представитель отдела кадров управления внутренних дел и предложил:

— Давай, парень, к нам в милицию. Там нужны такие смелые, отважные, а главное, трудолюбивые и дисциплинированные.

Кадровик уже заранее познакомился с личным делом солдата, поговорил с его командованием и поэтому имел основание так характеризовать Мухина. За два года службы он имел свыше десяти поощрений, награжден медалью «За воинскую доблесть», был группкомсоргом роты, отличным спортсменом. Понравилось кадровику и то, что Мухин не претендовал сразу на высокую должность, а скромно заявил:

— Поработаю сначала рядовым. Присмотрюсь, а там будет видно.

Так в Балахнинском отделе внутренних дел появился новый постовой. Он старательно нес службу на вверенном ему участке, безупречно выполнял любые поручаемые ему задания. Его все чаще стали включать в оперативную группу, выезжающую на места происшествия. Анатолий всегда любил

рисовать. Теперь ему это пригодилось. Он быстро и четко мог сделать любой набросок места происшествия, зафиксировать наиболее важные моменты. Вот почему вскоре начальник гор-отдела предложил ему:

— Есть вакансия эксперта. Пойдешь на эту должность?

— А справлюсь? — усомнился Мухин.

— Подучим, поможем, — пообещал подполковник.

В том же году Анатолий успешно окончил школу экспертов и получил допуск к самостоятельному проведению экспертиз по трассологии и дактилоскопии. Потом ему дополнительно разрешили делать заключения по холодному оружию. И вот уже почти шесть лет старший лейтенант Мухин занимается этим сложным и беспокойным делом. Трудолюбивый и настойчивый, он стал специалистом высокого класса. За отличную работу его не раз поощряли местные партийные и советские органы, руководство управления внутренних дел и райотдела. В одной из служебных характеристик подчеркивается, что его большая заслуга в том, что на протяжении ряда лет отдел внутренних дел имеет высокие стабильные результаты в раскрытии преступлений. Не зря же Анатолию Тихоновичу присвоено почетное звание «Лучший эксперт области». Несмотря на свою предельную загруженность по службе, Анатолий Тихонович ведет большую общественную работу. Коллеги отдела вот уже в который раз избирают его своим вожаком. И молодой коммунист славно оправдывает это высокое доверие.

Спрашиваю:

— Не жалеешь, старший лейтенант, что пошел в милицию? Ведь при твоих настойчивости и прилежности мог бы и поспокойнее найти работу. Да и повыгоднее.

Он улыбается:

— Нет, не жалею. Главное — это найти себя, не выбирая для этого легких путей.

Г. Фокин

ОПАСНАЯ СИТУАЦИЯ

Потом, когда пострадавший поправился, переломы срослись, материнские страхи, хлопоты врачей и разные следственные и судебные процедуры остались позади, он признался наконец друзьям, что заставило его очертя голову выскочить в тот день на проезжую часть улицы.

Накануне, в пятницу, он после смены зашел в «Уралочку», отметил квартальную премию и, как говорится, перебрал. Наутро, хоть и встал поздно, уже в десятом часу, сильно болела голова, хотелось пива. Но, как на зло, ни в ларьке около виадука, ни в «Уралочке» его не оказалось. Магазин «Вино» был еще закрыт. Досадуя, прошелся до магазина «Мужская одежда», что в центре Сормова, хотел было зайти в него и посмотреть рубашки с коротким рукавом (мать давно наказывала купить), но тут вдруг вспомнил, что пиво сейчас вполне может быть на Калининском поселке. И как только подумал об этом — так ясно представилась ему кружка с прохладным янтарным пивом, что про рубашку сразу забыл. Посмотрел на противоположную сторону улицы. Там от остановки только что один за другим отошли три автобуса. «Значит, других теперь долго не будет», — мелькнула мысль. А троллейбус должен был, судя по входившему в кабину водителю, вот-вот тронуться. «Может, успею?» И, чтобы привлечь к себе внимание водителя, побежал наперерез троллейбусу...

На этом, собственно, и кончаются его воспоминания о том дне. Что произошло дальше, он узнал только после операции, лежа в бинтах, как грудной ребенок в пеленках...

Иначе запомнилось то утро водителю КамАЗа, пожилому, полному и флегматичному на вид человеку. Накануне в местном окончательного решил вопрос с путевками в пансионат и с понедельника ему подписали отпуск. Это был его последний, предпенсионный отпуск, но в то утро о предстоящем скоро расставании с баранкой, за которой прошла, можно считать, вся его сознательная жизнь, он не думал. За завтраком обсуждали с женой, что надо будет взять с собой. Места, куда

они собирались, грибные, и жена беспокоилась о посуде для солений, а он прикидывал, что потребуется для рыбалки. Гостивший у них и рано проснувшийся внучонок, услышав разговор про грибы и рыбалку, тут же притапал на кухню своими белевскими босыми ножками: «Деда, а ты меня возьмешь?»

Разве мог он предполагать, что случится через каких-нибудь два-три часа?..

В тот момент, когда заскрежетали тормоза и этот кудлатый парень, только на миг появившийся перед ветровым стеклом, отлетел в сторону и безжизненно распластался на асфальте, водитель внезапно замершего грузовика больно ударился грудью о баранку и тут же резко откатнулся назад, глубоко вдавливаясь в сиденье. «Все!» — сказал он себе, как только в ушах оборвался скрип тормозов и мотор утих. И это «все» означало для него конец всему: и этому вот привычному ощущению баранки в руках (вряд ли теперь он к ней вернется), и вкусным домашним завтракам вдвоем с женой, и ежегодным предпусковым хлопотам, и тихим вечерам у телевизора. Что будет вместо всего этого, он еще не представлял себе, да и не хотел думать об этом, чувствовал только опустошенность и боль в груди. Нет, он не испытывал вражды к человеку, по чьей вине всего лишился и чей, вероятно, труп лежал теперь на асфальте, но и жалости к нему не было. Одно только недоумение, один вопрос «за что?», словно человек этот нарочно, чтобы досадить ему, водителю, бросился под машину.

С чувством отрешенности, невидящими глазами смотрел он на все, что происходило вокруг. На то, как подъехала машина «скорой помощи» и увезла пострадавшего, как появились с рулеткой сотрудники милиции; машинально отвечал на задаваемые вопросы; как-то со стороны, словно речь шла не о нем, воспринимал доносившиеся из толпы голоса: «Ездят как бешеные...», «Каждый день кого-нибудь давят...»

Только на другой день после разговоров в гараже с товарищами появился у него интерес к тому, как шло расследование. Шоферы, которым он без утайки рассказал все как было, искренне сочувствовали ему и уверяли, что все обойдется, потому как он правил дорожного движения не нарушал. Но начальник колонны, которому не раз доводилось участвовать в судебных разбирательствах подобных дел, на предложение высказать свое мнение скептически пожал плечами и спросил:

— Ты когда начал тормозить?

— А что? — насторожился ободрившийся было водитель. — Сразу, как только он выскочил на проезжую часть.

— Но ты же говоришь, что увидел его раньше, еще на тротуаре.

— Заметил. Когда он рванулся, как сумасшедший.

— Вот тогда и надо было тебе нажимать на тормоза.

Водитель некоторое время смотрел на собеседника молча.

— Ты считаешь, что...

— Я ничего не считаю. Считать будет следователь со своими экспертами. Все до сантиметра высчитают и скажут, имел ты возможность предотвратить наезд или не имел. Если имел и не воспользовался...

Водители подавленно молчали.

Заместитель начальника следственного отделения Николай Чих разговаривал с кем-то по телефону, когда приоткрылась дверь и в комнату заглянула женщина. Не отрывая трубку от уха, Николай жестом пригласил посетительницу входить и садиться.

Из телефонной трубки доносился искаженный мужской голос. Слов нельзя было разобрать, но, судя по ответным репликам этого симпатичного молодого человека в гражданском костюме, нетрудно было догадаться, что речь шла о какой-то аварии, наехал кто-то на пешехода.

Женщина не предполагала, что работник милиции, к которому ей порекомендовали обратиться, уверяя, что он не останется равнодушным к ее жалобе, окажется совсем молодым. По ее представлениям, такому начальнику полагалось быть постарше и посolidнее. А этот ей чуть ли не в сыновья годится, совсем, пожалуй, еще неопытный.

Не нравилось ей и то, что очень долго выслушивает он кого-то на том конце провода, всякие подробности выпрашивает. Чего тут выпрашивать? Если задавил человека — отвечай по всей строгости.

— Обзор водителю ничто не ограничивало? — спрашивал Николай в трубку. — Так, понял. Видел бегущего на тротуаре? Сам признался? Да, конечно. И траекторию движения пешехода... Понятно... Да, с момента возникновения опасной ситуации... Нет, сам я этим делом не смогу заняться... Да, поручу Володе. На дорожно-транспортных он у нас теперь специализируется.

А женщина думала: «И дело-то не сам будет расследовать, а сколько времени разговаривает». Откуда ей было знать, что Николай Чих стал заместителем начальника отделения совсем недавно, а до этого был следователем по дорожно-транспорт-

ным происшествиям. Потому-то и звонят ему и советуются с ним. Да он и сам пока не отвык еще считать эти дела своими и невольно уделял им чуточку больше внимания, чем некоторым другим.

— Я слушаю вас,— обратился он к женщине, положив наконец трубку.

— А я хочу вас послушать,— не скрывая своего недовольства, начала женщина.— До каких пор это будет продолжаться? Какой-то хулиган, пьянчужка, тунеядец держит в страхе весь поселок, и никто с ним ничего не может поделать.

Николай улыбнулся:

— Ну-ну, так уж никто и ничего... Недооцениваете вы нас. Ну, а если спокойненько и все по порядку?

И по тому, как сказал он это, по внимательности и серьезности, с какими приготовился ее слушать, придвинувшись к столу и удобно положив на него руки, женщина поняла вдруг, что не зря ей его рекомендовали: «грозе поселка» от него, пожалуй, и в самом деле не поздоровится.

И она начала рассказывать.

В этот день один из жителей окраинного поселка в Сорковском районе после удачной рыбалки вышел на площадь около магазина продать несколько окунишек. Но тут к нему подошел некто, кого мы назовем здесь Терешкиным, развязный и нахальный парень, нигде не работающий, побывавший уже, как говорится, в меестах не столь отдаленных.

— Торгуешь? А кто тебе разрешил открывать тут базар? — он забрал рыбу и приказал: — А ну, быстро чеши отсюда!

Незадачливый рыбак, человек уже немолодой, хлипкого сложения, пытался было протестовать, но тщетно. («Открытое похищение личного имущества граждан (грабеж), — мысленно отметил Николай, слушая женщину.— Преступление, предусмотренное статьей 145 УК РСФСР»). Продав рыбу, Терешкин послал одного из своих дружков — добровольных прихвостней за вином, а когда подвыпил, зашел в магазин покуражиться. Увидав на прилавке щербет, бесцеремонно грязными руками отломил кусок и стал есть. На замечание продавщицы, ухмыляясь, наклонился к ней и похлопал ее по щеке. Потом демонстративно взял еще один кусок и, кривляясь, высоко задрал голову, бросил его в рот.

— Вкуснятина!

Одна из покупательниц возмутилась:

— Безобразие! Вытворяет что хочет, словно никакой управы на него нет.

Терешкин обернулся.

— Это кто там квакает? — Он подошел к женщине вплотную и схватил ее за подбородок. — Ты?.. — И по всему магазину разнеслась грязная брань.

Тем временем продавщица вызвала заведующую (именно она сидела сейчас перед работником милиции). Та стала сначала по-хорошему увещевать Терешкина, но он и ее начал ругать и оскорблять. Вертел кулаками перед лицом, схватил за золотую цепочку, что была на шее женщины.

— Богато живешь, заведующая, — насмеялся он над ней. — Недостача будет — пригласи меня, я небольшой грабешник для маскировки организую...

— Два часа издевался он над нами, — жаловалась заведующая.

«А это уже, — думал Николай, — подпадает под статью 206 УК РСФСР — злостное хулиганство». Вслух спросил:

— И что же, никто не мог его остановить?

— А кто остановит? В магазине одни женщины. А мужчины, которые заглядывали, тут же исчезали. С ним все бояться связываться...

Пока посетительница рассказывала, Николая несколько раз отвлекали — то телефон звонил, то кто-нибудь из сотрудников заходил, — но он не упустил ни одной детали, расспросил у нее все, что она знала о Терешкине.

— Я почему к вам пришла, — объяснила в заключение заведующая магазином. — Участковый уже привлекал его. Пятнадцать суток дали — и все. А что ему пятнадцать суток? Он и сейчас говорит, что ему ничего не будет, поскольку он никого не ударил и ничего не разбил. А издевательство над людьми — это разве не преступление?

— Все правильно, преступление. И на этот раз Терешкин ошибся. Будем привлекать к судебной ответственности.

Среди тех, кто несколько раз заглядывал в комнату, был и новый следователь по дорожно-транспортным происшествиям Владимир Белов. Когда женщина ушла, Николай позволил ему:

— Заходи, Володя.

Белов занимался делом водителя «Москвича», который сбил на перекрестке велосипедиста. К счастью, тот отделался легкими ушибами, а правила дорожного движения они нарушили оба. Но владелец «Москвича» оказался пьяненьким, и это заставляло отнестись к делу с особой серьезностью. Кто-

кто, а Николай Чих хорошо знал, сколько жертв, травм и разбитых машин на счету у «зеленого змия».

Он вообще убежден, что дисциплинированность водителей — залог безопасности движения.

— Вы посмотрите, что делается на улицах города, — говорил он не раз, беседуя с работниками автохозяйств. — Ведь подавляющее большинство шоферов попросту игнорирует целый ряд правил дорожного движения. Они зачастую не выполняют требования пропускать пешеходов при поворотах, при переходе проезжей части улицы по разрешающему сигналу или по дороге, на которую поворачивает водитель. Не уступают им на нерегулируемых обозначенных пешеходных переходах, не всегда останавливаются при проезде мимо трамвая, из которого выходят люди... Ведь в правилах дорожного движения ясно указано: «Водитель транспортного средства должен пропускать пешеходов».

— Но пешеходы тоже часто нарушают правила, — возражали ему.

— Верно, — соглашался. — Только нельзя забывать о разнице последствий для тех и других, когда они попадают в дорожно-транспортные происшествия. Если водитель рискует повредить машину или, на худой конец, окажется на какой-то срок в исправительно-трудовой колонии, то пешеход за допущенную оплошность расплачивается своим здоровьем, а то и жизнью. По данным статистики, от шестидесяти до восьмидесяти процентов погибших в дорожно-транспортных происшествиях — пешеходы.

Да, Николай убежден! надо укреплять дисциплину среди водителей, строже спрашивать с них за нарушение правил дорожного движения. И уж ни в коем случае не должен остаться безнаказанным ни один водитель, севший за руль в нетрезвом состоянии.

Заслуживал наказания и владелец «Москвича», сбивший велосипедиста. Правда, он утверждает, что спиртных напитков не употреблял, но они все в таких случаях твердят одно и то же: «Не пил», «Не употреблял», «Капли во рту не было». Пока не увидят результатов медицинского освидетельствования.

Вот и сейчас Николай ждал такого результата. Без документа, подписанного врачом, нарушителя не привлечешь к ответственности по всей строгости закона.

— Ну, что там у тебя, Володя? — спросил он входящего следователя. — Медицина не подвела?

— Непонятное что-то: владелец «Москвича», оказывается, трезв.

— То есть как трезв? Ты что — своим глазам не веришь? Да и мои пока не подводили. Мы же оба сразу заметили, что он пьян. Да разве только мы? А работники ГАИ?

— И все-таки... вот, почитай.

Николай взял акт медицинского освидетельствования и привычно бросил взгляд на тринадцатый пункт. «Запах алкоголя нет... Проба Раппопорта — отрицательная... Заключение: трезв...»

— И ты на этом успокоился?

— Нет. Послал на вторичное освидетельствование. Но результат тот же. Вот второй акт.

— Что думаешь по этому поводу?

— Не знаю... С одной стороны, медицине не могу не верить, а с другой...

— А ты забыл, что сразу после столкновения водителя «Москвича» на месте происшествия не оказалось. Убегал он куда-то ненадолго, потом явился.

— Ты думаешь, выпил что-нибудь?

— Похоже на то. Не знаю, какую дрянь они глотают, чтобы вот так вводить в заблуждение врачей, но что-то глотают. Только этот ловкач ошибся. Не так-то просто нас провести. Направь его в судебно-медицинскую экспертизу облздравотдела. На разрешение экспертизы надо поставить такие вопросы: во-первых, имеется ли у освидетельствуемого в крови алкоголь; во-вторых, если имеется, то в каком количестве, какой степени опьянения соответствует; в-третьих, соответствует ли этим данным вывод врача поликлиники о том, что нарушитель трезв...

— Еще одно дело поступило, — сказал Володя, когда они закончили разговор о водителе «Москвича». — Наезд КамАЗа.

— Знаю. Не справлялся о пострадавшем? Жив?

— Пока под вопросом. Водителя задержать?

— Я думаю, достаточно подписки о невыезде.

Каждый вечер после ужина, поиграв с Алешкой, Николай спешил к своему письменному столу: учебникам, инструкциям и нужным для работы копиям обвинительных заключений. И сегодня он не изменил своему правилу.

— Ты опять за свою писанину? — принимая от него сынишку, не без огорчения спросила жена.

Он пошутил:

— Еще одно последнее сказанье...

А про себя подумал: «Кто бы из наших заводских мог

предположить, что Колька Чих таким заядлым писакой заделается!»

Он и сам от себя такого не ожидал. После школы решил, как и старшие братья, идти на производство. Работал слесарем, ходил с ребятами в комсомольские кружки, патрулировал улицы с красной повязкой на рукаве, дежурил в штабе ДНД. Там-то и заметили его работники милиции. В общем, обычная в наши дни история и издавна сложившаяся традиция — пополнять милицейские кадры представителями из числа лучших молодых рабочих.

Новая работа пришлась парню по душе, возможно, даже оказалась его призванием. Не случайно и среди рядовых милиционеров, и среди работников патрульных служб, среди участковых инспекторов, а потом и следователей (это его послужной список) Николай Владимирович Чих всегда значился в числе лучших.

И когда в заочный юридический институт поступил, преподаватели тоже отличали его — по окончании института ему предложили поступить в аспирантуру.

Кое-кто из друзей говорил: так и молодость пройдет — не заметишь. Но он решил: пока молод, пока есть силы, пока втянулся в повседневные занятия, нельзя останавливаться, надо идти вперед.

Именно осознание необходимости идти вперед и заставило его взять на себя еще одну добровольную нагрузку — писать вот эту монографию. Он помнит, как нелегко ему было в первые дни работы следователем. Что знал он тогда о специфике расследования дорожно-транспортных происшествий?

Будучи дружинником и даже милиционером, он вообще о них не сталкивался. Конечно, видеть разбитые машины, следы наездов на пешеходов приходилось не раз, но все это, так сказать, со стороны. Как и многим непосвященным, ему раньше казалось, что в расследовании дорожно-транспортных происшествий ничего сложного нет. Само их название говорило об этом. Иное дело: загадочное убийство, таинственная кража, дерзкое нападение...

А тут — просто происшествие. Да если водитель не сбежал, если есть свидетели, какие могут быть загадки для следователя?

И только когда ему самому, под личную ответственность пришлось заниматься таким «просто происшествием», он понял, как ошибался. Понял, что в таких делах, особенно при наездах на пешеходов, многое кажущееся на первый взгляд бесспорным (то, что утверждают водитель, пострадавший, если

он остался жив, и даже свидетели) для следователя, как непроявленная фотопленка. Нужен еще следственный эксперимент, и порой не один, нужен анализ, чтобы увидеть подлинную картину события и правильно определить меру ответственности перед законом каждого его участника. А следственный эксперимент требует математической точности и, как говорят научные работники, чистоты опыта. Без специальных познаний, умения оценивать обстановку, понимать психологическое состояние людей в разных обстоятельствах его не провести успешно.

Все это далось Николаю не сразу. Пришлось много читать, думать, изучать опыт старших товарищей. Ездил и на консультации к важняку, как называют они в своем кругу следователя по особо важным делам. Зато теперь, накопив большой личный опыт, он может и других кое-чему поучить, хотя бы методике проведения следственных экспериментов.

Николай открыл папку с рукописью. Написано было уже много. Осталось закончить главу о способах определения скорости движения транспорта перед наездом и написать небольшую заключительную главку. Но он не сразу взялся за работу. Из головы не выходил давешний спор сотрудников отделения по делу водителя КамАЗа.

Перелистывая страницу за страницей, он стал перечитывать кое-какие места, имевшие отношение к теме спора.

«...Если определение точки наезда на практике обычно не вызывает особых затруднений (ее можно установить при осмотре места происшествия, путем допроса водителя, свидетелей, потерпевшего непосредственно на месте наезда), то дело о определении момента возникновения опасной ситуации обстоит по некоторым причинам гораздо сложнее. Вот почему, прежде чем перейти к изложению методики следственного эксперимента по определению скорости движения пешехода, нам нельзя обойти проблемный вопрос опасной ситуации».

Он пробежал глазами еще несколько абзацев и остановился на определении самого понятия опасной ситуации.

«Момент, когда водитель в соответствии с требованиями ч. II п. 73 Правил дорожного движения должен принять меры с целью предотвращения опасных последствий (в нашем случае наезда), называется опасной ситуацией. Эта ситуация должна рассматриваться водителем как сигнал о том, что в сложившейся дорожной обстановке промедление с его стороны с принятием мер, направленных на предупреждение автотранспортного происшествия, может привести к аварийным последствиям».

Дальше шли страницы, где подробно перечислялся чуть ли не десяток конкретных примеров возникновения обстановки, чреватой аварийными последствиями. Он бегло пробежал по ним глазами и, откинувшись на спинку стула, задумался, мысленно возвращаясь к спору следователей.

...Первым, кого увидел Николай, войдя в кабинет Белова, был капитан Павел Мясников. Вокруг него стояли такие же разгоряченные спором молодые люди — сотрудники отделения. Одни в форме, с погонами лейтенантов и старших лейтенантов, другие в гражданском. Володя за своим столом тоже стоял — так, видимо, ему удобнее было спорить.

— Ты очень кстати, Николай! — воскликнул Павел и, повернувшись к одному из лейтенантов, продолжал: — Вот, если я тебя не убедил, спроси у заместителя начальника. Он на этом деле собаку съел. Монографию пишет.

— О чем речь?

— Об опасной ситуации. Сбивают Володю с толку тут некоторые.

— Считают, что я необъективен к водителю.

— Уж не к владельцу ли «Москвича», что пытался нас обмануть? Кстати, что показала экспертиза?

— Легкое опьянение. Но речь не о нем, а о водителе КамАЗа.

— Необъективен, значит. Серьезное обвинение. Для нашего брата малейшая необъективность — и по отношению к водителю и по отношению к пешеходу — грозит опасностью погрешить против закона и справедливости. Тут тоже, — он улыбнулся, — возникает, так сказать, опасная ситуация, опасная для хода следствия. Ну, рассказывай, в чем твоя необъективность?

— Говорят, что излишне доброжелателен к водителю. Нельзя, дескать, его оправдывать — мог он предотвратить наезд, если бы раньше принял меры к снижению скорости.

— А ты разве в этом сомневаешься?

— Вот видишь! — обрадовался лейтенант, затеявший спор. — И человек остался бы жив.

— К счастью, человек остался жив. Я звонил в больницу. Спасли врачи парня. А вот жива ли останется справедливость, если мы так будем решать дела, — большой вопрос.

— Почему? — насторожился лейтенант.

— Потому что правила дорожного движения обязательны не только для водителя.

— Поясни!

— В части второй параграфа 73 Правил дорожного движе-

ния говорится: «Водитель должен принять меры к снижению скорости или остановке перед любым препятствием, которое он должен был и мог предвидеть». Так?

— Так.

— А когда пешеход становится препятствием для автомобиля или, говоря другими словами, создает опасную ситуацию на дороге? Только тогда, когда выходит на проезжую часть. Так?

— Нет, не только.

— Когда же еще?

— Когда бежит по тротуару с явным намерением выскочить на дорогу. Ведь водитель видел бегущего, он «должен был и мог предвидеть», как говорится в Правилах, что произойдет, когда пешеход выбежит на проезжую часть.

— Это было бы верно, если бы в Правилах не было и других слов: «...Пешеходы могут переходить проезжую часть только после того, как они оценят расстояние до приближающихся транспортных средств и их скорость и убедятся, что не создадут помех движению». Разве не вправе водитель думать, что пешеход знает и выполнит это требование, а значит, остановится перед проезжей частью и посмотрит налево?

— Ну, если так рассуждать...

— А как же иначе? Мы не можем становиться на точку зрения той части недисциплинированных пешеходов, которые считают, что только водители обязаны полностью и целиком беспокоиться о безопасности движения.

— Да, пожалуй, верно.

— Вот если бы по тротуару к дороге бежал не взрослый человек, а ребенок,— дело другое,— продолжал Николай.— В случае с детьми опасная ситуация для водителя наступает сразу же с момента появления детей в поле его зрения.

— Сдаюсь! — согласился спорщик.

А Белов добавил:

— Учти еще, что пострадавший перебежал улицу с регулируемым движением, в непопозволенном месте!

— Выходит, водитель КамАЗа ни в чем не виноват?

— Выходит. Но окончательное слово, разумеется, скажет суд.

Мы беседовали с Николаем Владимировичем спустя много дней после описанных выше событий. Он был уже не заместителем, а начальником следственного отделения Сормовского РОВД. Завершил работу над монографией. В 1979 году она

издана как методические указания. Пользуется популярностью у работников милиции.

Нарушители порядка — и «гроза поселка», названный здесь Терешкиным, и не названный по имени владелец «Москвича», и еще кое-кто из пренебрегающих требованиями социалистической законности — давно получили заслуженное наказание.

А водитель КамАЗа в том же году, только с опозданием на несколько дней, отгулял свой отпуск, хорошо, говорит, отдохнул с семьей, набрал много грибов. Он и теперь время от времени встречается с Николаем Владимировичем, рассказывает ему о своей работе, о домашних делах.

А. Тищенко

Первая половина дня прошла спокойно. Сотрудники отделения розыска изучали ориентировки на скрывшихся преступников. Ломтев, начальник отделения, что-то писал.

Внезапно зазвонил прямой телефон. Инспекторы Соколов и Исаков насторожились. Прямой телефон звонит редко. Но уж если он зазвонил — где-то что-то случилось: совершено преступление, скрылся преступник — значит, собирайся в командировку.

Ломтев снял трубку.

— Слушаю. Есть!

Выходя из кабинета, он внимательно посмотрел на инспекторов. По его озабоченному виду они поняли: командировки не миновать. Ни Соколову, ни Исакову на выходной глядя ехать в командировку не хотелось. Один ждал гостей, другой сам в гости собирался.

Ломтев вернулся в кабинет стремительно, плотно закрыл за собой двери — явный признак, что разговор предстоит особый.

— В Сеченовском районе, в селе Болтинка, — начал он, — скрывается опасный преступник, местный житель, некто Вавилин.

Инспекторы отложили в сторону бумаги. Ломтев еще раз прошелся по кабинету, оценивающе поглядывая на своих сотрудников. Оба в отделение розыска пришли недавно, у него на практике учились методам и тактике розыскной работы. Толковые ребята, надежные, на любого можно положиться. Но кого послать в Болтинку? Можно бы Соколова. Умеет работать с людьми, да и опыта поднакопил. С задачей справится. Не век и Исакову в «запасных» ходить, играть второстепенные роли. Пора и ему браться за настоящее дело.

«На ком остановит свой выбор начальник?» — думали инспекторы. У Исакова теплилась надежда, что в Сеченовский район, как более опытный, поедет Соколов, на счету которого уже не одна успешно проведенная операция. Соколов по часто

останавливающимся взглядам начальника на молодом сотруднике строил догадки, что на этот раз дело поручат Исакову.

— В Сеченовский район... — Ломтев помедлил, — поедет Павел Иванович.

— Есть! — поднялся Исаков.

— Да ты сиди, — Ломтев тоже сел. — Не ждал? Мы все когда-то начинали. К тебе у меня единственный наказ: прежде чем принять решение, хорошенько подумай. В общем, думай, больше думай. На месте действуй по обстановке, в контакте с сеченовскими товарищами, ищи себе помощников среди жителей села. Без людей трудно будет справиться с задачей. Обо всем докладывай.

...В автобус Исаков вошел перед самым его отправлением. Пассажиры уже сидели на своих местах, свободным было только одно, в дальнем углу.

— Что, сынок, на выходной в гости? — потеснилась пожилая женщина.

— Да, в гости.

— А что же без гостинцев? — посмотрела на тощую папку.

— Спешил...

— Далеко ли едешь-то?

— В Болтинку, — ответил после короткой паузы. Не было смысла скрывать пункт назначения. Окажись женщина жительницей Болтинки, встречи с ней не избежать. Так уж лучше сказать правду.

— В Болтинку, говоришь? — повернулась всем корпусом к нему соседка. — К кому же?

Складывалась интересная ситуация. Нельзя ли ею воспользоваться? Исаков наклонился к ботинку, выигрывая время. Пожалуй, женщина может что-нибудь полезное для дела сообщить, если навести ее на разговор о Вавилиных. Виктор Алексеевич Ломтев приводил немало примеров, когда дорожные знакомства служили немалую службу в розыске преступника.

— Так к кому же? — не отставала женщина.

— К Вавилиным, — как бы нехотя ответил Исаков.

Женщина подозрительно на него покосилась, отодвинулась, насколько было возможно. Но не удержалась, задала вопрос:

— А ты кто ему будешь?

— Знал его когда-то.

Женщина еще раз опасливо покосилась на Исакова, вцепилась обеими руками в сумку и демонстративно уставилась в окно. Там, за окном, мелькали серые коробки домов, вереницы пешеходов, мчались машины — привычная для город-

ского жителя картинка. Исаков отвернулся от окна. Задумался. Откровенного разговора не получилось.

...В книгах, которые он читал раньше, было все захватывающе интересно, хотя и не всегда понятно, как удавалось работнику милиции по отдельным, казалось бы, не связанным между собой признакам определить не только внешность преступника, но и его возраст, привычки, склонности. Сыщик представлялся ему какой-то необычной личностью, человеком особого склада ума, обладающим особым чувством — интуицией. Павел вспомнил, как после окончания Елабужской средней школы МВД начальник областного управления уголовного розыска В. П. Епифанов ввел его в кабинет Ломтева.

— Вот вам, Виктор Алексеевич, новый работник.

Здесь же был и инспектор Алимпий Гаврилович Соколов. Познакомились. Перед Павлом сидели не книжные герои, а люди, с которыми ему предстояло отныне вместе работать. Оказалось, что Ломтев с одними преподавателями Павла знаком лично, о других наслышан, что он такой же завзятый книголюб, как и Павел, что этот человек, посвятивший свою жизнь суровой борьбе с преступным миром, не очерствел, любит и ценит тонкую шутку. Незаметно за беседой на столе Павла появилось несколько объемистых папок.

— Вот тебе для 'начала, — положил Ломтев руку на папки. Павел опешил: прямо с корабля на бал?

— Да ты не пугайся, — успокоил Виктор Алексеевич. — Это старые дела. Мои, Соколова. Изучай. Что не ясно, спрашивай.

Павел взял верхнюю папку. На обложке значилось: «1953 год». Раскрыл.

СТАРОЕ ДЕЛО

К дежурному районного отдела внутренних дел пришли две девушки.

— Нас вчера ограбили в парке Ленинского комсомола, раздели...

— Почему же вы сразу не сообщили об этом? — спросил дежурный.

Девушки смутились. Дежурный понял: действительно, не могли же они в таком виде, в каком оставили их преступники, идти по городу, искать милицию. Он уточнил время и место совершения преступления, приметы грабителей.

Вечером на розыск неизвестных преступников, хотя приметы были скудными и противоречивыми, был ориентирован весь

личный состав отдела. В парке усилили наряд патрульных. Прошло несколько дней. Проверки лиц, склонных к совершению подобных преступлений, не дали положительных результатов.

И вот новое преступление. В отдел явился парень: без пиджака, в мятых, явно не по росту брюках, босиком — несколько часов назад его ограбили в том же парке.

Ограбления следовали одно за другим. Преступники действовали дерзко. Внезапно появившись из-за кустов, они под угрозой то холодного, то огнестрельного оружия раздевали очередную жертву и так же молниеносно скрывались. Розыск преступников осложнялся тем, что потерпевшие обращались в милицию спустя несколько часов, а то и на следующий день. И никто из них не мог точно обрисовать приметы грабителей.

На оперативном совещании начальник отдела принял решение устроить в парке засаду. Несколько дней было тихо.

Как-то вечером, когда в парке были танцы, один из оперативных сотрудников на какие-то десять минут покинул место засады, и именно в этот момент на том самом месте на проходившую по аллее парочку набросились грабители и под угрозой ножа раздели. Об этом стало известно на другой день. Работник, проявивший недисциплинированность, понес серьезное наказание, а на срочно созванном совещании разработали новый план розыскных мероприятий. Парк разделили на зоны и секторы, тщательно продумали места засад.

Оперуполномоченным Виктору Алексеевичу Ломтеву и Александру Филипповичу Матвееву достался пост в районе лестницы, ведущей в Парковый поселок, что на берегу Оки. Замаскировались ветками, бурьяном. Позиция была очень удобной: просматривались дорога, ведущая к откосу, и спуск к Оке.

Минуты кажутся часами. Близится полночь. В парке все меньше людей. Вдруг по дорожке со стороны города послышались шаги, приглушенный говор. Ломтев и Матвеев присмотрелись: в слабом свете редких фонарей смутно вырисовывались пять силуэтов. Трое среднего роста, почти одинаковые, четвертый на голову выше, пятый — приземистый, широкий в плечах. Именно такими представляли себе работники милиции преступников по скудным приметам, сообщенным потерпевшими.

Все ближе преступники. По обрывкам фраз Ломтев понял, что они не мызинские. Во-первых, они не знали, что в этот вечер в парке не было танцев, во-вторых, в их разговоре назывались улицы Канавина.

Вот преступники поравнялись с местом засады. Прошли еще несколько шагов. Ломтев с Матвеевым начали тихонько выполнять из укрытия.

(У Павла перехватило дыхание, будто он сам был на месте Ломтева или Матвеева. Сейчас оперативные работники воспользуются внезапностью, прозвучит повелительный окрик: «Руки вверх!» Павел перевернул страницу.)

Ломтев и Матвеев притаились в кустах у самой тропинки, они приняли решение выследить преступников и задержать их с поличным, при попытке ограбления. Неожиданно из-за поворота выскочил Виктор.

— Руки вверх! — направил он на прохожих пистолет.

Увидев перед собой только одного работника милиции, преступники быстро оценили преимущества своего положения. В руках одного блеснул длинным широким лезвием нож, у другого появился пистолет.

(Вот тут Павел и понял, что не всегда внезапность — сестра победы).

Кто знает, чем бы все это кончилось, если бы Ломтев и Матвеев опоздали хоть на миг. Сзади, чуть справа от преступников, прогремел предупредительный выстрел, а вслед за ним повелительное:

— Брось оружие!

Почти одновременно слева прозвучал тот же приказ:

— Брось оружие!

Преступники поняли, что они окружены и сопротивление бессмысленно. Глухо стукнул об асфальт пистолет, а следом за ним — нож.

На выстрел прибежали с ближайших постов Иван Михайлович Шалин, Александр Иванович Соловьев, Михаил Дементьевич Плещенко и другие.

Кто-то посмотрел на часы: 23.40.

Для Ломтева это была вторая бессонная ночь. В прошлую ночь он тоже сидел в засаде. А впереди — длинный, трудный разговор с задержанными. Собственно, за что их задержали? За то, что они ночью оказались в парке? Так это их право гулять где хотят и когда хотят. За то, что у одного оказалось холодное, а у другого огнестрельное оружие? Тогда причём здесь остальные? Их милиция обязана отпустить. Свою причастность к грабёжам все пятеро, как и следовало ожидать, отрицали.

Никто из оперативных уполномоченных в ту ночь глаз не сомкнул. Утром, усталые, получив санкцию прокурора на обыск, они поехали в Канавинский район. Найденными на

квартирах вещественными доказательствами преступников изобличили.

Что-то мягкое свалилось на ногу Павлу. Посмотрел: сумка попутчицы. Наклонился поднять, но соседка опередила. Она поспешно схватила свою поклажу и как-то зло посмотрела на Павла. Павел невольно проникся симпатией к этой пожилой женщине. Как ему хотелось успокоить ее: «Не коситесь, пожалуйста, на меня, никакой я не дружок Вавилину». Но он не имел права на такую откровенность.

За окнами мелькали голые деревья, жухлая трава — скучный пейзаж поздней осени.

В Сеченове Исаков пожелал попутчице всего доброго и направился в отдел милиции.

— Прощай,— буркнула она в ответ, даже не взглянув в его сторону.

НЕЗРИМЫЙ ПОЕДИНОК

Несмотря на позднее время, начальник райотдела Николай Андреевич Моисеев был у себя. И не один. За приставным столом сидели сотрудники, кто в форме, кто в штатском. Исаков представился.

— От Виктора Алексеевича?—первым подал руку начальник отдела. — Это хорошо. Звонил, предупреждал, что приедешь.

Исаков еще раз окинул взглядом сидящих за столом работников милиции. В основном здесь были люди в годах, умудренные опытом. Каждый, здороваясь, на миг задерживал его руку в своей, как бы испытывая, а на что, мол, ты, парень, сгодишься. В глазах их светилась доброжелательность. В эту минуту он почувствовал, какая большая ответственность возложена на него Ломтевым перед этими людьми. На короткий миг мелькнула мысль: «А справлюсь ли, не подведу ли Виктора Алексеевича?» Но он тут же прогнал ее. Обязан справиться!

— Пойми нас правильно, — подождав, пока Исаков познакомится с офицерами, как бы оправдываясь, продолжал Моисеев, — нам здесь все примелькалось, нужен свежий глаз. Вот смотри, какая ситуация, — он подошел к приставному столу, на котором лежала аккуратно вычерченная карта села Болтинка.

Павла поразили не столько размеры села, сколько обилие домов, помеченных красным цветом.

— И это все родственники Вавилина? Так много?

— К сожалению, — ответил Моисеев. — Конечно, в данной обстановке. А так мы не против большой родни. Даже по-хорошему завидуем.

Ситуация действительно была не из легких. Разыскать в таком огромном селе при таком обилии родственников одного человека, который отнюдь в этом не заинтересован, — все равно, что иголку в стоге сена. Павел внимательно рассматривал на карте прилегающие к селу поля и перелески.

— А может, его уже нет в селе? — подумал вслух.

— Такую версию в запасе держим, — ответил Моисеев, — но мы располагаем надежными данными, что преступник здесь.

В пользу этой версии свидетельствовало необычное поведение некоторых родственников разыскиваемого. В беседах с оперативными работниками они чего-то не договаривали, не могли объяснить некоторых своих поступков. Преступник крепко держал село в руках. Он пригрозил даже своим родственникам расправой, если те сообщат о нем в милицию.

«Как бы поступил на моем месте Виктор Алексеевич? — думал Павел, склонившись над картой. — С чего бы начал он?» И будто отвечая ему, зазвонил телефон. Начальник райотдела снял трубку.

— Моисеев слушает. Здравия желаю, Виктор Алексеевич. — Моисеев подтянулся, стал шире в плечах и, кажется, выше ростом, пробежался пальцами свободной руки по пуговицам пиджака. — Да, прибыл. Ввожу в курс дела... Чувствуем, что преступник рядом, но пока еще не видим. Есть!

— Тебя, — передал трубку Исакову.

Исаков, волнуясь, прижал трубку к уху.

— Здра...

— Отставить, сегодня только виделись, — улышал он голос Ломтева. — Как добрался?

— Отлично, Виктор Алексеевич.

— Ты вот что, — тоном приказа заговорил Ломтев, — иди сейчас же в гостиницу и постарайся крепко уснуть, хорошенько отдохни.

— Я не устал.

— Отставить разговоры! — слегка повысил голос Ломтев. — Утром на свежую голову лучше думать будет. А потом познакомься с материалами, прикинь, что и как, посоветуйся с местными товарищами. Они знают людей да и опера-

тивную обстановку не по записям. А пока не задерживай их, им тоже домой хочется.

— Приказывает отдыхать? — поинтересовался Моисеев, когда Исаков положил трубку. — Узнаю заботливость Виктора Алексеевича.

И ко всем:

— Что ж, товарищи, приказ начальника — закон для подчиненного, и поскольку мы с вами — блюстители закона, то не будем и сами его нарушать. На свежую голову думаться лучше будет.

Утром Исаков изучал пухлую папку дела, выписывал в блокнот родственников Вавилина и фамилии тех, с кем они были в приятельских отношениях. Все это могло пригодиться. Хорошо поработали сотрудники отделения уголовного розыска райотдела. Побеседовали с десятками людей, тщательно проверили и перепроверили каждую версию, каждое сообщение. Разыскиваемый действительно казался рядом, протяни руку — прикоснешься...

Шуршат листы. Исаков вновь и вновь вчитывается в документы. Может, и в самом деле не ускользнет от свежего глаза хотя бы маленькая зацепочка. Мысленно обращается за советом к своему наставнику. Вспоминает, что аналогичный случай был и у Ломтева. Тогда из поля зрения милиции выпала дальняя родственница разыскиваемого преступника. Не побеседовать ли со старожилами села? Пожалуй, не лишним будет, если бабушки и дедушки покопаются в памяти. Они это любят. Исаков уже собрался было идти к Моисееву, как вдруг, будто наяву, услышал голос Виктора Алексеевича Ломтева: «Думай!»

— Больше думай, — не раз твердил начальник отделения розыска, — меньше бегать будешь.

Молодому инспектору было над чем думать. Вступив в незримый поединок с хитрым и пока недостижимым преступником, он по долгу службы обязан был выйти из него победителем. Допуская мысль, что в версии со старожилами он на верном пути, Исаков не представлял себе четко, как он пойдет к людям, как расположит их к себе, завоеует их симпатии, сделает их своими единомышленниками. И опять на помощь пришел наставник.

— По тем или иным причинам человек не всегда может ответить на твой прямой вопрос, — говорил Виктор Алексеевич, — и он ждет твоей помощи. Иной раз достаточно одного слова — и человек разговорится. Он ждет от тебя этого слова. Найди его, помоги собеседнику.

Время близилось к обеду, когда Исаков открыл дверь кабинета начальника райотдела.

— Разрешите, Николай Андреевич?

— Входи, входи, — поднялся навстречу Моисеев. — Только что звонил Виктор Алексеевич, интересовался, как ты тут вживаешься в обстановку.

— Плохо вживаюсь, — вздохнул Исаков.

— Не прибедряйся. Вижу по глазам, есть мыслишка, да высказать не репшаешься. По себе знаю. Бывал в твоём положении. Присаживайся и рассказывай.

Исаков сел. Сначала несмело, потом все больше увлекаясь, он изложил свой план дальнейших розысков Вавилина. Моисеев не перебивал.

— В этом что-то есть, — после небольшой паузы подытожил рассказ Исакова Моисеев. — В понедельник будем мозговать, как реализовать твой план.

Исаков вопросительно посмотрел на начальника райотдела.

— Хочешь спросить, почему не сегодня? Сегодня у одного из родственников Вавилина свадьба, и, возможно, он придет.

Исаков почувствовал себя обиженным. От него утаили важное сообщение. Моисеев понял состояние молодого инспектора и поспешил развеять недоразумение.

— Ты уж извини, что так получилось, вроде мы тебе не доверяем. Мы по совету Виктора Алексеевича не стали перегружать тебя информацией. И получилось неплохо.

— Да где уж там, — махнул безнадежно рукой Исаков.

— А ты не спеши хоронить свой план. Всякое может случиться. Возможно, наш подопечный и не пожалует на свадьбу. Вот тут-то твой план и пригодится.

Версия «Свадьба» не сработала. Напрасно работники милиции весь вечер коченели на пронизывающем ветру — «дорогой гость» так и не пожаловал.

Не отдохнув как следует, весь личный состав отделения уголовного розыска райотдела собрался на очередное совещание. К этому времени сотрудники паспортного отдела подготовили список самых древних стариков Болтинки. Изучив список и договорившись о связи, Исаков на попутном транспорте отправился в село.

Старики действительно оказались словоохотливыми. Любопытный «турист» узнал столько прекрасного о селе, о его жителях — и тех, кто создал колхоз, и тех, кто с оружием в руках защищал Родину от фашистских захватчиков, и тех, кто в послевоенные годы прославлял село самоотверженным трудом, — что хоть книгу пиши.

Один седовласый старец, посмотрев, как показалось Исакову, с хитринкой на «туриста», начал пространно рассказывать, какую дружбу он водил с семьей Вавилиных, особенно с их дальним родичем. Он назвал фамилию.

— Погиб в последние дни войны, царство ему небесное, — старик истово перекрестился, — доброй души был человек, справедливый. Жена одна осталась. Так и доживает свой век.

Выйдя из домика старика, Исаков в переулке встретился с той самой женщиной, с которой ехал в автобусе. Поздоровался.

— Повидал дружка? — вместо приветствия спросила она, установившись.

— Простите, — извинился Исаков, — вы меня не за того принимаете. Никакой не дружок мне Вавилин.

— Чтой-то не пойму я тебя, — с нескрываемым недоверием рассматривала она Исакова. — Кто же ты?

— Я инспектор уголовного розыска из Горького, — не стал больше таиться Исаков.

— Покажи документ, — приказала коротко.

Исаков предъявил удостоверение личности.

— Теперь понимаю, — проговорила женщина, возвращая документ. — Ищете, значит, — перешла на уважительное «вы». — Обижаетесь на людей, мол, таят мерзавца. Войдите в их положение. Пригрозил же окаянный пустить по ветру все село.

Женщина оглянулась. В переулке никого не было видно.

— Поинтересуйтесь... — Исаков опять услышал знакомую фамилию (старик называл). — Или ее троюродной сестрой... — и опять фамилия. — У той наверняка. А на людей не обижайтесь.

И ушла, пожелав Исакову удачи.

Через час оба адреса были под пристальным наблюдением работников милиции. Самым тщательным образом анализировалось каждое сообщение о поведении старых женщин. Одно из сообщений склонило чашу весов в пользу версии «Троюродная тетка». Люди видели, как бабка Дарья в субботу везла из Сергача бутылку водки. Для кого? Живет, отгородясь от мира, а всякие дела по хозяйству, где нужна мужская рука, переделаны, дрова зимы на две запасены и полено к полону уложены под навесом у дома. Были и другие признаки, подтверждающие предположения попутчицы Исакова.

Операцию возглавлял начальник райотдела Н. А. Моисеев. Он же руководил и группой захвата.

Вавилин лежал на кровати одетый, в обуви.

— Успели... — лениво подымаясь, буркнул он.

На следующий день Исаков докладывал своему начальнику в Горьком подробности выхода на след Вавилина. Потом сел за рапорт. Он уже ставил подпись, когда в кабинет вошел начальник управления уголовного розыска Епифанов. Все встали.

— Молодец, — крепко пожал он руку Исакову, — с поставленной задачей справился. Впредь не имеешь права считать себя новичком в службе сыска.

Затем подошел к Ломтеву.

— Спасибо, Виктор Алексеевич, за питомца. От лица службы объявляю благодарности.

— Служу Советскому Союзу! — ответил, став по стойке «смирно», майор Ломтев.

ПРЕСТУПНИК ОБЕЗВРЕЖЕН

Служба розыска. Это особая служба, незаметная для постороннего глаза. Порой даже близкие не подозревают, какого напряжения моральных и физических сил требует она от человека, посвятившего себя борьбе за спокойствие и мирный сон трудового народа. Сотрудника розыска могут ночью поднять с постели, вызвать с семейного торжества и даже...

Виктор Алексеевич пришел проводить в последний путь своего сослуживца. Жил человек, ходил по улицам, работал с ним плечо к плечу. Не раз рисковал своей жизнью в жестоких поединках с преступниками.

— Виктор Алексеевич, вас просят на улицу, — кто-то тихонько тронул его за плечо. Ломтев вышел.

В группе людей, пришедших отдать последний долг товарищу, соратнику, стоял начальник управления уголовного розыска. Ломтев подошел к нему.

— В селе Мотызлей Вознесенского района совершено два убийства и была попытка еще к одному. Преступник скрылся. Немедленно выезжай в район. Ознакомься на месте с оперативной обстановкой, организуй розыск. Имей в виду: убийца пригрозил расправой еще несколькими своим землякам.

Шофер выжимал из машины все, на что она была способна, а Ломтеву казалось, что они едут чересчур медленно. Дорог был не только каждый час, но и каждая минута. Наконец доехали. Виктор Алексеевич выяснил конкретно, что и как произошло, какие меры предпринимались и предпринимаются для поимки преступника, его характеристику, повадки.

Мрачная личность — неоднократно судим за грабежи, кражи, хулиганство, умышленные поджоги. От такого чего угодно можно ожидать.

— Товарищи, — обратился Ломтев к собравшимся сотрудникам отдела, — скоро должно прибыть подкрепление — оперативная группа из Горького. Давайте, не теряя времени, подумаем, где лучше выставить посты, организовать засады.

Один за другим поднимались работники уголовного розыска, участковые инспекторы. Говорили коротко, придерживаясь тона, заданного Ломтевым.

Вошел дежурный по отделу.

— Товарищ майор, разрешите обратиться! Только что сообщили, что убийца на лесном кордоне похитил охотничье ружье.

— Кто сообщил?

— Один из жителей села Мотызлей. В селе паника. Женщины ушли с покосов.

Обстановка накалялась.

Солнце клонилось к закату. Одна оперативная группа выехала на кордон, вторая — в село Мотызлей. Ломтев остался в отделе в ожидании прибытия оперативной группы из Горького. Встретил. Посмотрел на приехавших. В основном молодые ребята, спортсмены. Огромная ответственность ложилась на него: надо задержать вооруженного убийцу и при этом в схватке не потерять ни одного из своих ребят. Но осторожность в сложившейся ситуации не исключала и решительности. Обстановка требовала задержать преступника в самое короткое время, не допустить расправы с местными жителями, которым он, покидая село, угрожал:

— Вы меня попомните!

Все планы розыскных мероприятий, разработанные по прибытии Ломтева в райотдел, нужно было пересматривать, вносить в них существенные коррективы.

Ломтев разрешил ребятам отдохнуть, но никуда не отлучаться. В любую минуту мог поступить тревожный сигнал, и под рукой нужно иметь свежие силы.

С кордона вернулась оперативная группа. Вести принесла неутешительные. Выследив, когда лесник отправился в обход своих владений, преступник ворвался в дом. За столом сидели двое ребят-подростков. Сорвав со стены ружье и патронташ, преступник скрылся.

Летом темнеет поздно. Многие в селе ложатся спать, так и не зажигая огня. Срочно отправив в Мотызлей еще нескольких работников милиции, чтобы обезопасить село и его жите-

лей, Ломтев открыл уже второе в этот день совещание. Далеко за полночь поставили последнюю точку в плане розыскных мероприятий. Одним из них предусматривалась организация засад. В местах возможного появления преступника ночью появились палатки рыбаков, туристов.

Вторым мероприятием предусматривалось прочесывание лесных массивов. Однако преступник прекрасно знал местность, и это позволяло ему бесследно исчезать, почувствовав малейшую опасность. Несколько раз собака брала след, но то у ручья, то у озера теряла его.

Минула неделя. Как-то под вечер одна из розыскных групп заметила на другом берегу озера дымок костра. Стараясь не нарушать тишины, обошли озеро и с разных сторон стали подходить к месту, откуда тянулся дымок. Опоздали. Возле кострища лежала банка с недоеденными консервами, разломанная буханка хлеба. Преступник, а это, несомненно, был он, успел скрыться.

Из УВД звонили по несколько раз в день. Интересовались, какие Ломтев предпринимает меры по задержанию преступника. Тем временем в штаб розыска, который обосновался в райотделе милиции, то и дело поступали сообщения: убийцу видели то в одной деревне, то в другой, то в лесу. Однажды в штаб прибежала взволнованная женщина и прямо с порога:

— Товарищи милиционеры, ограбили стариков!

«Этого еще не хватало! — в сердцах подумал Ломтев. — В районе, где каждый метр просматривается... — и поправился: — правда, теоретически».

На место происшествия выехала оперативная группа. Большого труда стоило восстановить картину случившегося.

Преступник вел себя очень дерзко, щелкал курками ружья, грозил пристрелить стариков.

— Когда это было? — спросил Ломтев.

— Сегодня у нас какой день? — начал вспоминать старик.

— Четверг, — ответил кто-то из присутствующих.

— Четверг, говоришь? — Старик начал загибать пальцы. — Выходит, в понедельник, — наконец проговорил он.

— Мы приняли все меры, — докладывал в райкоме партии Ломтев. — Но ни засады, ни прочесывание леса ничего не дали. Преступник действует очень осмотрительно. Не исключено, что кто-то его предупреждает.

— Как это?

— Из-за трусости, малодушия. Мало ли может быть причин. Поэтому, я считаю, нужно обратиться за помощью к людям, разъяснить им опасность ситуации.

Тут же наметили план, в каком селе кому беседовать с людьми. Ломтев возглавил группу, выехавшую в Мотызлей. Ходил из дома в дом, не раз побывал на животноводческих фермах. И не зря.

Накануне выходного дня одна из жительниц села Мотызлей решила истопить баню. Подошла к ней и остановилась в нерешительности. Что такое? Три дня назад она баню закрывала и больше сюда не приходила — и вдруг двери открыты. «Уж не он ли тут побывал?» — забеспокоилась женщина и несмело подошла к бане.

Осторожно заглянула внутрь: на полке никого, посмотрела на лаз чердака: над ним, согнувшись в три погибели, сидя дремал убийца. Два черных зева ружейных стволов смотрели вниз, прямо на нее.

На какую-то долю секунды она оторопела, потом, пятась, отошла от дверей и — бегом к соседу.

— Там, в бане, — он, — показав рукой в конец огорода, выпалила одним духом.

— Кто? — спросил сосед, настораживаясь.

— Тот, которого ищут.

Взревел на полных оборотах мотоцикл и, распугивая кур, понесся к сельсовету. Оттуда позвонили в райотдел, где постоянно дежурила группа захвата. Получив сообщение, она в считанные минуты оказалась у села. Работники милиции, на ходу выпрыгивая из машины, оцепили усадьбу, где в бане скрывался преступник.

— Сдавайся! — прозвучал усиленный электромегафоном голос одного из работников милиции.

В несколько прыжков преступник метнулся к дому, забил ся под крыльцо.

И снова окрик:

— Бросай оружие!

Нервы у всех напряжены до предела. Чем ответит преступник?

И вдруг тревожную тишину разорвал глухой выстрел.

Почти месяц терроризировавший население села и его окрестностей преступник струсил перед законом, побоялся справедливого возмездия и выстрелил в себя.

Впервые почти за месяц оперативно-розыскная группа человечески отдохнула, а утром, распрощавшись с вознесенскими коллегами, горьковчане уехали. Они возвращались со спокойной совестью: преступник обезврежен, в селе Мотызлей и его окрестностях люди могут спокойно спать, им больше ничто не угрожает.

ПОГОНЯ

Второй день идут по следу особо опасного преступника работники Богородского райотдела милиции. Порой кажется, что он уже в их руках, но в самый последний момент вдруг ускользает.

...Ломтеву доложили обстановку по телефону утром. Собственно, ему и без доклада было ясно, что положение с каждым часом становится тревожней. Но работнику милиции нервничать не положено. Он должен в любой ситуации, выгодной и невыгодной, спокойно оценить положение. Пока разыскиваемый вне пределов досягаемости, идет борьба умов. И в этой схватке побеждает сильнейший. Преступник слаб уже тем, что он оторван от общества, своими действиями поставил себя вне закона. На стороне работника милиции — люди, которых он оберегает, закон, на страже которого он стоит. Работник милиции знает, что в его благородном деле ему всегда придут на помощь все те, чьи интересы он охраняет. И в этом его сила.

Слушая доклад богородских коллег, Виктор Алексеевич перевернул несколько страниц плана розыскных мероприятий, который незадолго перед этим принесли ему с машинки, сделал пометку. Затем дал богородчанам несколько практических советов.

— Главное, — сказал он, — не дайте ему совершить новое преступление. Вам на помощь выедет инспектор Соколов. — И положил трубку.

Соколов сидел за столом напротив, углубившись в бумаги. Он недавно пришел в уголовный розыск. Но за это короткое время показал себя учеником, достойным своего учителя. Ломтев с удовлетворением отмечал, что его подшефный все делает на совесть.

Инструктаж был коротким, так как Ломтев накануне вместе с Соколовым разрабатывал план розыскных мероприятий.

Из Богородска Соколов сообщил о принятых им дополнительных розыскных мерах, о работе, проделанной местными сотрудниками милиции. Преступник пока на территории района. В одном месте в лесу он пытался развести костер, видимо, после перехода через болото хотел обсушить обувь, но ему помешали. Здесь он оставил окурки папиросы «Беломор-канал» с характерно изжеванным мундштуком. Такой же окурки был обнаружен накануне в доме его родственников. В другом месте колхозники видели его на опушке леса. Следы то уходят в лес, то возвращаются к Богородску. Не иначе, он что-то замышляет.

— Допустим, особых планов у него нет, — ответил Ломтев, — он скорее всего старается до поры до времени продержаться в «мертвой зоне». Воробей он стрелянный и хорошо знает, что все выходы из района перекрыты.

Коротки летние ночи. Не успеет потухнуть закат — уже алеет небо на востоке. Заря с зарею сходится, говорят об этой поре. Еще не взошло солнце, а Соколов уже на ногах. В лесные чащи вышли десятки людей — добровольные народные дружинники. Приехал в Богородск и Ломтев. Он возглавил операцию.

Группы розыска квартал за кварталом прочесывали богородские леса, постепенно сужая зону поиска. В середине зоны работала группа Соколова. Обнаружив след, он выходил в эфир, докладывая по рации Ломтеву координаты. Преступник то шел широким шагом по росной траве, то бежал. На широкой луговине он остановился, сделал несколько шагов в сторону леса, затем круто повернул к болоту.

— Товарищ подполковник, — докладывал Соколов, — преступник вышел из зоны розыска, последовал в сторону Оки, через болото.

— Не теряйтесь, — подбадривал Ломтев ребят, — высылаю в помощь проводника со служебно-розыскной собакой.

Разделившись на две группы, работники милиции пошли в обход болота, внимательно, до рези в глазах всматриваясь в искрящиеся на солнце бусинки росы. Трава усыпана ими так густо, что кажется, кто-то щедрой рукой разбросал бриллианты. Наконец, вот он, след! Но вышел он из болота не там, где его надеялись обнаружить, не по прямой линии на виднеющийся вдаль лес, а в сторону, к избегающему на пригорке кустарнику.

Соколов нажал на кнопку вызова.

— Есть след! — не сдержав радости, прокричал в микрофон.

— А собака?

— Пока... — Соколов осмотрелся. — Едет!

Из-за перелеса появилась оранжевая милицейская машина. Петляя и подпрыгивая на ухабах, она приближалась к группе Соколова.

Получив сообщение о том, что преступник вышел из зоны оцепления, и отправив к Соколову проводника с собакой, Ломтев не спешил давать отбой остальным группам. Всякое могло случиться. Следы, которые обнаружила группа Соколова, могли принадлежать другому человеку, у которого нелады с законом, например, браконьеру. Ломтев внимательно изучал карту.

района поиска. Что потянуло преступника к Оке, если это был именно он? Водная преграда, за которой его не достанет собака? Бряд ли. Сейчас на реке полно рыбаков, а свидетели ему не нужны. И тем не менее преступник рвался в Дзержинск. Там у него родственники, друзья. Они-то наверняка укроют, хотя бы на первое время. Через минуту Виктор Алексеевич уже разговаривал с дежурным Дзержинского горотдела. Только он успел дать указание, чтобы взяли под наблюдение несколько адресов, как запищала рация. Докладывал Соколов: собака шла по следу уверенно, в кустах нашли пиджак.

— Опишите приметы. — Ломтев открыл папку, хотя и без того помнил одежду преступника.

И вдруг голос Соколова изменился:

— Товарищ подполковник, собака след потеряла.

— Не дергайте ее, найдет.

Роса! Ох уж эта роса! Сколько раз она выручала работников милиции и, наверняка, не меньше причиняла им неприятностей. Ребята измучились, устали, шли вперед на одной надежде, и вот — на тебе, надежда испарялась вместе с росой.

— Уточните координаты, — прозвучал в динамике голос Ломтева, — вышлю замену.

Там, в надокских кустарниках, работники милиции переглянулись. Соколов уточнил координаты, но от замены отказался.

— Тогда желаю удачи, — и Ломтев выключил рацию. Он знал, что Соколов не отступится, пока не настигнет преступника. Этому он учил своего подчиненного. Так поступал сам.

Теперь, когда Ломтев убедился, что группа Соколова шла по верному следу, он вызвал на связь оставшиеся в лесу розыскные группы, поблагодарил добровольных народных дружинников за помощь и объявил для них отбой.

Изрядно попетляв по лугам и перелескам, группа Соколова в полукилометре от Оки вышла на чуть приметную тропинку. Собака насторожилась, жаднохватила носом воздух, потянулась к недавно перевернутому побуревшему листку, вздыбиззагрибок, рванула поводок. Сразу у всех поднялось настроение. Вызвав Ломтева, Соколов доложил, что группа опять вышла на след. С реки тянуло прохладой, хотя саму реку еще не было видно. Соколов поделился с Ломтевым опасениями, что преступник уже, возможно, на другом берегу.

— Не исключено, — согласился Ломтев. — Поговори с рыбаками, покажи фотографию. Может, кто его видел или перевозил на тот берег.

Один из рыбаков, старик, что-то припоминал.

— Примерно час назад вон с того места, — показал он вдаль, где в полукилометре выбежала к берегу одинокая березка, — отчалила лодка.

Доложив по радиции Ломтеву обстановку и получив нужные указания, группа переправилась на другой берег. И тут попозвело: они встретились с рыбаком, о котором говорил старик.

— Да, был такой, — посмотрел он на фотографию, — перевозил я его. За рубль.

— Куда он пошел?

— Вон в те кусты подался.

Собака снова взяла след. Тропинка, извиваясь меж кустов, выбежала на лужайки, чтобы опять нырнуть в кустарник или в лесную тень. Вскоре встретили парнишку. Группа, не задерживаясь, проследовала дальше, а Соколов остановился, расспросил. Парень видел подозрительного мужчину. Километрах в пяти отсюда тот отобрал у него велосипед. Соколов показал фотографию.

— Да, это он, — подтвердил парень.

«Куда понесет его лихая? — рассуждал Соколов. — Прямо в Дзержинск или уйдет в лес и будет там отсиживаться до ночи? Возможен и третий вариант: выберется на дорогу и махнет на попутном транспорте куда глаза глядят».

— Местность хорошо знаешь? — спросил парня.

— Я здешний.

— До какой-нибудь дороги далеко?

— Километрах в двух тут проходит проселок, но по этой тропинке на него не попадешь.

— А куда ведет тропинка?

— К лодочной станции. Она отсюда километрах в семи.

Парень предложил свои услуги. Минут через десять он свернул с хорошо ухоженной тропинки на чуть приметную.

— Так ближе, — пояснил.

Сторож лодочной станции по фотографии сразу опознал того, кого перевозил через залив в Дзержинск и от кого вместо благодарности получил удар веслом. Через минуту две лодки пересекали залив. Ребята гребут из последних сил, а лодки словно прикипели к водной глади. Наконец берег. Сторож показал, в каком направлении побежал преступник. Велосипед он почему-то бросил на лодочной станции. Срезая извилины тропы, оперативная группа побежала к окраине города. Вот и первые дома.

На улице тихо. Ни одного прохожего. Соколов взглянул на часы: стрелки показывали третий час. Связался с Ломтевым.

— Проверьте ближайшие магазины, железнодорожный и автовокзал. Родственники и знакомые преступника пусть вас не беспокоят: их дома под наблюдением.

— ...Был. Минут двадцать назад, — внимательно рассматривала фотографию продавщица небольшого магазинчика, стоящего на отшибе. — Забрал, паразит, мелочь. Бумажные я держу в другом месте, и литр водки.

Соколов опять вызвал Ломтева.

— «Наследил», говоришь, и тут? — переспросил Виктор Алексеевич, обдумывая создавшуюся ситуацию. Его настораживала такая наглость преступника. Вероятно, он не собирался долго задерживаться в городе, а мелким грабежом пытался сбить со следа работников милиции. Хитер. — По-видимому, рассчитывает отсидеться до ночи в лесу или в лугах. В городе не ищите.

До позднего вечера на моторках и катерах бороздила группа Соколова просторы Оки. Близилась полночь, когда она высадилась на берег.

Лишь во втором часу ночи с помощью рыбаков удалось наконец настичь и задержать опасного преступника.

Погоня завершилась успешно.

Вот уже четвертый десяток разменял подполковник Ломтев на службе в органах внутренних дел. Всякое случалось за эти годы. Не всегда радовал его успех. Были и неудачи. А каждая неудача — это лишний день пребывания преступника на свободе, это под угрозой чье-то благополучие, чей-то покой. Но как бы ни переживал Виктор Алексеевич ошибку, он не опускал руки, не пасовал перед трудностями, но еще напористее брался за дело. Не хватало знаний — учился. Не хватало опыта — обращался к старшим товарищам. Самым мудрым учителем стала жизнь. Ломтев принадлежит к тому поколению советских людей, которое рано познало тяготы войны, которое мужало раньше времени, заменяя отцов и старших братьев, ушедших на фронт защищать Родину. Отец Виктора и два брата тоже ушли на фронт. Виктор остался с больной матерью и семилетним братом. В тот год он закончил семь классов.

Прощаясь на вокзале, отец давал ему наказ, как взрослому.

— Ты остаешься за старшего. Береги мать, присматривай за братом.

Не сразу осознал он эту ответственность. Не думалось, что на его детские плечи лягут заботы о семье. Осенью он отвел

в первый класс Сережу. С каждым днем становилось все труднее учиться. Много времени отрывали очереди в магазинах. За уроки садился поздно вечером. И когда пришла пора идти в девятый класс, он уехал с матерью и младшим братом в деревню, пошел работать в колхоз, а в неполных семнадцать довелось хлебнуть солдатского лиха.

На Дальнем Востоке командир танкового взвода лейтенант Ломтев бил японских самураев. В одном из боев, когда его танк вывернулся из-за выступа скалы, в гусеницу угодила болванка. Японская батарея била с возвышающейся над дорогой сопки прямой наводкой. Танк вздрогнул и стал разворачиваться, угрожая свалиться в пропасть. Спасло мужество и хладнокровие механика-водителя. Тем временем лейтенант Ломтев ловил в перекрестье прицела крайнее японское орудие. Грянул выстрел, на месте орудия вырос рваный черный букет. Подоспели другие машины, и через минуту путь был открыт.

Особенно памятен Виктору Алексеевичу бой под Хайларом, где каждая сопка была превращена в мощное оборонительное сооружение. Весь день накатывались на вражеские позиции лавины атак, и лишь ночью около десятка машин, в том числе и взвод Ломтева, ворвались в город. А затем новые бои...

Родина высоко оценила боевые заслуги Ломтева, наградив его орденом Красной Звезды и медалями.

После войны была мысль продолжить учебу, закончить среднюю школу, но стране были нужны рабочие руки, и он вернулся в колхоз, откуда его провожали на фронт. Как-то его пригласили в милицию и без длинных разговоров предложили должность участкового уполномоченного.

— Надо, — сказал начальник райотдела.

Надо так надо. С пятнадцати лет привык Ломтев подчиняться этому слову. Надо было кормить семью — пошел работать, надо было надеть солдатскую шинель — надел, надо было повременить с учебой — повременил. Надо бороться с преступниками — будет.

Он работал и учился. Закончил среднюю школу рабочей молодежи, затем школу милиции. Теперь у него глубокие знания и богатый опыт розыскной работы. В его нелегких трудовых буднях немало и радостных дней. И самый памятный из них тот, когда в честь 60-летия Советской власти Родина наградила его орденом Октябрьской Революции.

Сегодня ветеран по-прежнему в строю. А рядом — молодые его сослуживцы, которым он щедро передает свой богатый опыт.

В. Алексеев, П. Винницкий

Александра хоронили 30 октября. Как раз в этот день они с Ритой должны были идти в загс.

Погиб он, можно сказать, на глазах Карпова. Вместе с друзьями Володя зашел вечером в кафе «Березка», что на Ждановском поселке в Павлове на Оке. Здесь и повстречались они с Александром, давним товарищем по автобусному заводу. Их цеха были рядом. Александр работал в кузнечном, Владимир — в арматурном, слесарем-инструментальщиком.

Все случилось в считанные минуты. В вестибюле кто-то толкнул Сашу. На сделанное замечание извинился, отошел. Но появился снова. Потом была перебранка. В ход пошли кулаки. И вдруг — этот предательский удар ножом в спину, в самое сердце. Друзья задержали убийцу. Осторожно перенесли Александра в машину «скорой помощи». Экстренная операция не помогла. На третий день он скончался в больнице, не приходя в сознание.

Нелепость смерти товарища потрясла Карпова. С хулиганьем ему приходилось встречаться и раньше. Но только теперь до Владимира дошло, насколько омерзительна, насколько опасна для общества эта порода людей, лишенных чувства ответственности за свои поступки, людей с ложными понятиями о достоинстве.

Ненависть к этому общественному злу, желание бороться с ним привели Владимира в секцию бокса. Он знал: грубая физическая сила быстро отрезвляет хулиганов. Вступил в ДНД. И когда комсомольцу Карпову предложили работу в милиции, он почти не колебался. К этому времени Владимир вместе с семьей перебрался в Горький.

Первые два года милицмейской службы убедили его в правильности выбранного пути. Тогда это было для него главным: появилась уверенность в себе. Но как мало он еще знал, как мало умел! Отличное владение оружием, приемами самбо — все это приходило постепенно, на специальных занятиях, как бы само собой. Но для сотрудника милиции этого мало. Необ-

ходимо знание человека, его психологии, умение по неуловимым нюансам его поведения судить о характере, наклонностях, а иногда и намерениях.

Эти знания особенно понадобились Владимиру, когда он стал участковым инспектором милиции. Общительный от природы, прошедший хорошую школу жизни в рабочем коллективе, в армии, он быстро нашел себе добровольных помощников среди комсомольцев, молодежи.

Началось все со знакомства с жителем микрорайона, отличным парнем Виктором Евлановым, рабочим одного из заводов. Тот подобрал из своих товарищей — рабочих, студентов, учащихся — небольшой комсомольский оперативный отряд. В него вошли надежные ребята, готовые помочь в любом деле: Сергей Егоров, Андрей Таскин, Сергей Бирюков и другие.

Не один вечер простояли они с Владимиром в засаде, подстерегая вора, который повадился лазить в легкие фанерные павильоны летней районной ярмарки, и задержали его. Ребята взяли шефство над трудными подростками, выполняли многие поручения участкового. Удалось наладить тесный контакт с советом общественности микрорайона, возглавляемым Иваном Ивановичем Лобановым.

Многое из приобретенного на посту участкового инспектора очень пригодилось Карпову, когда его пригласили работать в уголовный розыск Московского районного отдела внутренних дел города Горького. Было это в октябре семьдесят седьмого. К тому времени Владимир уже учился на заочном отделении средней школы милиции. (Он закончил ее с Почетной грамотой. Намерен поступать в Высшую школу МВД СССР).

Умопомрачительные погони, отчаянные перестрелки, риск на каждом шагу — так представляем мы себе иногда будни сыска.

— Бывают, конечно, и погони, и оружие приходится в ход пускать, — говорит старший инспектор угрозыска, старший лейтенант милиции Николай Турулин, друг и напарник Владимира. — Но это редко. В основном идет обычная работа. Черная, не очень заметная. Вот, например, вроде бы банальный случай — двое ограбили прохожего. Действовали по самой примитивной схеме. Сначала: «Дай прикурить». Потом: «Не ори, а то прибьем!» Грубо сорвали с руки часы, только грабителей и видели.

Весь день мы с Володей отрабатывали близлежащие дома — искали возможных свидетелей. Мне, помимо частного сектора, девятиэтажный дом достался. Пятьсот квартир. Из последней вечером шатаясь от усталости вышел. Но узнать ничего не

удалось. На следующее утро вместе с пострадавшим провели патрулирование в районе происшествия. Опять неудача. Наконец один из жильцов (ведь многие уже знали, что мы ищем) сказал, будто бы у пивного киоска на улице Паровозной какие-то часы предлагали.

Сразу же установили за киоском постоянное наблюдение. К вечеру, после рабочего дня, там много народу собралось. Мы с потерпевшим — туда. Видим, какой-то тип от компании к компании переходит, что-то показывает. «По голосу вроде он, — говорит мне мой спутник, — а так не признаю: темно было». Я — поближе. Слышу, за пятерку часы предлагает. Вижу, те самые — «Ракета» в анодированном корпусе. Так с ворованными часами в руках его и задержал. Вскоре нашли и второго грабителя.

Как-то на «гектаре» (так Карпов с Турулиным между собой в шутку называют свою зону) произошел такой инцидент. Какой-то незнакомый парень (многих ребят в своих микрорайонах инспекторы знают в лицо) собрал вокруг себя ребят, девчонок и, чувствуя повышенное внимание к своей персоне и потому еще больше рисуясь, о чем-то хвастливо рассказывал «мелкоте».

Карпов подошел к компании. Предъявил свое удостоверение, справился, кто такой, откуда. И в ответ услышал... грубую брань. Воровской жаргон не оставлял сомнений: из мест не столь отдаленных прилетела «залетная птичка».

Владимир не растерялся. Спокойно, хотя возмущение кипело в нем, отвел в сторону расходившегося наглеца, явно «работавшего на публику», и нашел такие верные и жесткие слова, которые быстро утихомирили хулигана. Он тут же молча удалился.

На другой день по просьбе Карпова вернувшийся из заключения пришел к нему в отдел.

— Ты хоть что-нибудь понял из нашего вчерашнего разговора? — спросил его Владимир.

Парень сидел потупившись, но, почувствовав заинтересованность в своей судьбе, искреннее желание помочь ему, признался, что вчерашний случай — не более как глупое позерство, что ему больно от косых взглядов окружающих, что хотел бы жить по-другому, не так, как жил раньше, но вот с работой трудно.

— Не совсем, оказывается, он пропащий человек! — говорил мне позднее Карпов. — Поеду с ним на обувную фабрику: прдсил помочь ему устроиться на работу именно туда. Может, и будет толк.

Не из одной только беседы с бывшим преступником вынес такое впечатление о нем инспектор угрозыска. Накануне встречи в отделе он провел определенную работу, чтобы узнать побольше о новичке. Повидавшись с его соседями по квартире, переговорил кое с кем из общественников микрорайона, просмотрел кое-какие документы. Все это и помогло поверить в парня после откровенного и ответственного разговора.

Вера в человека. Она неистребима во Владимире. Бывало, конечно, и ошибался в людях. Мать одного рецидивиста, древняя седая старуха-татарка, клялась куском хлеба — самой страшной у мусульман клятвой, — что ее сын в день, когда было совершено преступление, не был в доме потерпевшей. И Карпов поверил было старой женщине. Как выяснилось вскоре, она сказала неправду. Но подобные ошибки не могут поколебать убеждений Владимира, его веру в лучшее в человеке.

Иногда доброе слово веры опаздывает к адресату. Тогда лейтенанту милиции Карпову становится по-настоящему больно. Можно было, например, считает Владимир, спасти от влияния улицы, сомнительных дружков подростка Володю Киселева. Грязного, оборванного, его взяли из шкафа в одной из квартир, где на ночь-другую Вовку приютили случайные люди. Одним своим незащитным видом Киселев вызывал жалость у Владимира.

— Вам только бы сажать, — тянул он. — А что у человека в душе — вас не интересует...

Разговор этот состоялся в отделе еще до того, как Киселев нашкодил настолько, что его пришлось изолировать от общества. Владимир старался тогда убедить своего тезку, что далеко не всем безразлична его судьба. Обещал помочь с общежитием, с работой. Временно устроил жить у знакомых. Паренек, кажется, многое понял. Но опасная среда уже слишком сильно засосала его.

В один печальный день Киселев пропал. И пошли по городу кражи. Из школьной столовой ночью украли консервы, остатки жареной рыбы, из столовой РСУ — конфеты, кое-какие другие продукты. Воришка проникал в газетные киоски, где, казалось, и взято-то было нечего. Вскоре напали на след преступника. Мальчишки в одном из подъездов рассказали, что видели у Вовки полные карманы карамели «Театральная». Как раз эти конфеты были похищены из столовой ремонтно-строительного управления.

— Упустили паренька! — с горечью говорил мне Карпов. — Найдись вовремя добрая и твердая рука...

Равнодушие. С многоликим этим злом, со всякими его разновидностями Владимиру по роду службы приходится встречаться нередко. Иногда свидетеля по делу бывает найти труднее, чем раскрыть преступление. Иногда потерпевший из эгоизма («И так забот хватает!») или из трусости не заявляет о понесенном ущербе. А то, что преступник остался безнаказанным, его не волнует.

Около одного из магазинов какое-то время почти ежедневно разыгрывался один и тот же «спектакль». Выходящего из винного отдела мужчину встречал щуплый юнец и нахально требовал... налить водки. Это, конечно, возмущало покупателя. Тогда «на сцене» появлялись хмурого вида верзилы. С криком: «Ребенка обидели!» — они набрасывались на свою жертву и отбирали бутылку.

В отдел милиции поступило несколько сигналов об этом наглом грабеже среди бела дня. Владимир и его товарищи потратили немало усилий, чтобы разыскать потерпевших. Некоторые из них даже дали показания. Но в последнюю минуту (вот оно, равнодушие!) отказались от своих слов. Дело пришлось приостановить. Грабители еще некоторое время разгуливали на свободе, пока не попались с поличным.

Нелегко путь поиска истины. Помимо юридических и других знаний и умений, от работника угрозыска требуется еще одно качество — упорство. Его не занимать Карпову. Немало выдержки и находчивости потребовало от Владимира распутывание и этой, на первый взгляд обычной, кражи.

Замок на двери гаража был цел. Под покровом ночи воры не спеша спилили ножовкой дверные петли. Из гаража исчезли две «Явы», принадлежавшие братьям. Владимир вспомнил, что года три назад почти таким же нехитрым способом на той же улице украли мотоцикл «Восход». Проверили подозреваемых, обошли несколько близлежащих домов. Безрезультатно. Тогда взялись за списки владельцев мотоциклов. Сколько их в районе, кроме ГАИ, знают, наверное, только в угрозыске. Сотни, тысячи! Пошли по адресам. Опять ничего установить не удалось. Правда, один из владельцев «Явы», Николай Шаульский, уехал к родным в Ростов-на-Дону. Взяли его на заметку.

Вернулся Шаульский через полмесяца. Да, у него действительно был мотоцикл чехословацкой марки. Но машина не вызвала ни малейших сомнений: документы в полном порядке. И все-таки — на всякий случай! — решили познакомиться с окружением Николая.

Среди друзей Шаульского во дворе называли некоего Славку Мортина. Говорили, что он якобы продавал кое-какие запчас-

ти. Кому — установить не удалось. Теперь сотрудники угрозыска заинтересовались уже друзьями Мортина. Его самого пока не трогали. Посчитали, что так будет лучше для дела.

Из разговора с одним из Славкиных приятелей Карпов узнал, что летом Шаульский разбил свой мотоцикл, подаренный родителями. Ну, разбил, так разбил. С кем не может случиться? Сам разбил, сам и починил. Но Карпов был дотошен. До тех пор расспрашивал парня, пока не выведал еще одну совсем уж мелкую подробность — про маятник.

Во время удара в машине Шаульского как раз сломалась эта самая очень дефицитная деталь. Такой днем с огнем не сыщешь. А Николай уже через два-три дня как ни в чем не бывало разъезжал на своей «Яве». Даже ближайшие родственники не успели узнать об аварии.

Только после этого известия Мортина вызвали в отдел. Сначала он упорно отрицал свою причастность к этому маленькому «чуду». Однако понимая, что чудес на свете вообще-то не бывает, в конце концов почел за благо во всем сознаться. «Явы» из гаража они украли вдвоем с Шаульским. Мотоциклы разобрали. Половину деталей продали. Все, что осталось, сотрудники уголовного розыска обнаружили при обыске на балконе у Мортина.

Зона, обслуживаемая Карповым и Турулиным, — одна из самых трудных. Это тринадцатый и семнадцатый кварталы по Сормовскому шоссе с прилегающим к ним частным сектором — Гордеевкой, Лягушихой, Левинкой. Новые многоэтажные дома, широкие асфальтированные магистрали соседствуют с развалахами, плохо освещенными по ночам проулками и закоулками. Издавна в этом темном углу находила приют всяческая нечисть. Надо сказать, что за последние годы усилиями сотрудников милиции и общественности ее здесь заметно поубавилось.

Инспекторы знают в зоне каждый дом и двор, что называется, все ходы и выходы. Отлично знают жителей своего участка. Из 35 тысяч людей, проживающих в микрорайонах, подавляющее большинство честно живет и трудится. Под бдительным присмотром работников угрозыска — любители выпить, поживиться за чужой счет, лица без определенных занятий, без твердых моральных устоев.

В один промозглый, пасмурный вечер мы обходили этот участок. Друзья показали мне магазин, где недавно раскрыли кражу, базу вторичного сырья, на которой с их помощью были задержаны расхитители.

— Помнишь, как целую ночь прождали здесь в засаде? — обратился к Николаю Карпов, когда мы проходили мимо какого-то строения. — Еще шел такой нудный дождь, и мне очень хотелось спать.

— Ну, и дождались кого-нибудь? — любопыствую я.

— В ту ночь — нет...

В частном секторе — темень, редкие огоньки в домах. Под ногами чавкает грязь. Инспекторы свободно ориентируются в лабиринте небольших улочек.

— Видите вот тот дом? — спрашивает меня Карпов, указывая на небольшой флигелек. — Бывало, что ни вечер, — в нем теплая компания. Вино, карты, женщины. Приведут, обчистят, разденут да еще избыют вдобавок. Прикрыли!

Возвращаемся в микрорайон. Пяти-, девяти-, двенадцати-этажные дома. В одном из домов — опорный пункт милиции. Знакомлюсь с участковым инспектором, с общественниками, с двумя парнишками — внештатными сотрудниками милиции. Ребятам Карпов тут же дает задание куда-то сходить, кого-то найти, о чем-то спросить.

Профессиональные разговоры работников милиции мало понятны для постороннего. Имена, фамилии, клички, адреса, приметы. Связи, окружение, передвижение, поведение. Почему именно эти имена интересуют сотрудника угрозыска, зачем именно эти связи называются в первую очередь — ясно только собеседнику. И это естественно. Люди встречаются ежедневно. Заняты одним делом. Вот и понимают друг друга с полуслова.

Пока ребята бегают по указанному адресу, затевается шашечный блицтурнир. По тому, как тщательно Владимир обдумывает каждый ход, как массированно атакует, видно, что он не любит проигрывать.

В. Полушкин

ТРУДНЫЙ ПОИСК

ЗАПУТАННЫЙ КЛУБОК

Улица спала. Легкий ветерок тихо баюкал темные кроны старых лип, стоящих вдоль тротуара. Пахло матиолой. Рабочий Максимов возвращался с вечерней смены. Любил он эту тихую ночную улицу. Здесь все было необычным: и тишина, и шелест листьев над головой, и нежные запахи цветов. Чья-то добрая рука их посадила на радость людям. Максимов шел не спеша и ни о чем не думал. Бывает так: устанет человек за день от заводского грохота и, кроме тишины, ему ничего не надо. Вдруг кто-то вежливо тронул его за рукав. Остановился, медленно, словно пробуждаясь от приятного сна, повернулся. Рядом стоял мужчина, на дороге чуть слышно мурлыкала приглушенным мотором машина.

— Я — старший инспектор уголовного розыска, — представился незнакомец и предъявил удостоверение.

В ярком свете уличного фонаря красным гляncем блеснули корочки. Максимов вопросительно посмотрел на мужчину. Кажется, он ничего не нарушил...

— Садитесь в машину, вы нам нужны, — тоном, не допускающим возражений, приказал незнакомец.

— Зачем? — удивился Максимов. — Я иду домой.

— В райотделе разберемся.

«Нужен так нужен», — подумал Максимов и направился к машине.

— Живей! — грубо подтолкнул его мужчина.

Максимов не успел опомниться, как чьи-то цепкие руки, будто щупальцы спрута, высунулись в открытую заднюю дверку, схватили его, рванули, незнакомец сзади подтолкнул — и он очутился на сиденье. Рядом сел тот, что назвал себя инспектором. Хлопнула дверца, и машина рванула вперед.

— Зачем вы со мной так? — сдерживая обиду, спросил Максимов. — Я же не сопротивлялся.

— Не нравится, видите ли, ему, — язвительно проговорил тот, что втаскивал Максима в машину. — А грабежами заниматься нравилось.

— Да вы что? — уже возмутился Максимов.

— Сиди, раз попался! — больно надавили на плечо справа, а сидящий слева до хруста сжал запястье левой руки. — Тебя ждет очная ставка.

Машина свернула на Нижневолжскую набережную, на бешеной скорости пересекла площадь Маркина. До райотдела оставалось каких-то сто метров. У входа — два оранжевых автомобиля, три или четыре милиционера. Водитель сбавил скорость.

— Не останавливайся, — приказал ему представившийся инспектором, — поедем прямо, на пляж, возьмем второго.

Максимов сидел молча, не протестовал, ни о чем больше не спрашивал. Он не чувствовал за собой никакой вины. «Ладно, — думал, — в отделе разберутся. Не все же в милиции такие». Не заметил, как машина очутилась напротив ресторана «Бурлацкая слобода».

— Теперь все, — сказал «инспектор», — комедия окончена, выпрыгивай из джинсов.

Максимов подумал было, что над ним шутят, но в тот же миг почувствовал у горла что-то холодное, острое. В следующее мгновение на него навалились все, кто был в машине. Не прошло и минуты, как он лежал под откосом в кустах раздетый.

Алексей Павлович Филатов, инспектор уголовного розыска Нижегородского райотдела, пришел на работу пораньше. Вот уже три дня бьется он над раскрытием квартирной кражи, а дело не подвинулось ни на шаг. Суть его такова. В половине двенадцатого, проводив жену на поезд, гражданин Тимофеев возвращался домой на такси. Кроме него, в машине было еще четыре пассажира. Тимофеев сидел рядом с водителем. Выпивав лихой вираж на площади Революции, водитель направил машину не по знакомому Тимофееву маршруту, а свернул в темную улицу.

— Командированный или провожал кого? — спросил водитель.

— Жену отправил в Москву.

— Выходит, теперь холостой, — пошутил кто-то из пассажиров после короткой паузы, пока машина будто ощупью пробиралась по темной, не приспособленной для быстрой езды дороге. Тимофеев узнал улицу. Они ехали по Вокзальной.

— Выходит, так, — ответил он. — Теперь целую неделю придется по столовкам бегать.

— Почему? Разве некому суп сварить?

— Вдвоем мы живем.

— А-а... Ясно.

Миновали последний перекресток. Еще два-три дома — и машина войдет на улицу Марата. Тимофеев увидел в зеркало перед водителем, как в темноте салона кто-то из пассажиров подался вперед, и вдруг чья-то рука обвила его шею. Он стал задыхаться.

Пришел в сознание в кустах. И не понял, где он. В ушах стоял нудный звон. Схватился за то место, где должен быть карман замшевой куртки, но под рукой ощутил только майку. Поднес запястье левой руки к глазам, чтобы посмотреть время — часов не оказалось. Брюк и ботинок тоже не было.

Постепенно мысль начинала работать четче. Поднялся с жесткого асфальта, осмотрелся и устыдился своего вида. Как добираться домой? Прислонился плечом к дереву. Но сколько ни стой, идти куда-то надо. Побрел к вокзалу. Может, повезет, встретит какую-нибудь машину по пути. Дома деньги есть, рассчитается. Из боковой улицы прямо на него вышла группа молодых людей. Увидев Тимофеева, ребята остановились. Тимофеев несмело подошел к ним, поведал о своей беде. Один из парней сбегал домой, принёс брюки, тапки. Брюки оказались впору, тапки — немного великоваты. Поблагодарил ребят и пошел дальше. Недалеко от площади Революции увидел приветливый огонек такси. Решительно шагнул на проезжую часть улицы, все равно грабить больше нечего, разве что чужие старые брюки и тапки. Водитель остановил машину, высунул голову в окошко.

— Куда торопишься, мужик? Или жена из дома выгнала?

Тимофеев в трех словах рассказал о своем приключении.

— Сволочи! — выругался таксист. — Садись, отвезу. Куда тебе?

Тимофеев назвал адрес.

— И доверяют же таким государственную машину! — возмущался водитель.

На лестничной площадке, напротив дверей своей квартиры, Тимофеев спохватился, что ключи остались у грабителей вместе с одеждой.

— А может, и дверь-то не заперта? — как бы между прочим проговорил поднявшийся с ним за расчетом таксист.

— Заперта, я проверял, — и Тимофеев подергал за дверную ручку.

— Домой к себе отвезти, что ли? — вслух рассуждал таксист. — Не ночевать же тебе у порога. А утро вечера мудренее.

— Спасибо, добрый человек, — расчувствовался Тимофеев. — У меня есть сестра, недалеко живет, подбрось, пожалуйста, к ней.

— Что за разговор? Садись, поехали.

Тронутый участием, Тимофеев не знал, как и благодарить водителя, но тот даже обиделся:

— Я просто сделал то, что обязан сделать каждый.

Утром, вернувшись домой, Тимофеев обнаружил, что дверь в квартиру полуоткрыта. В комнатах все разбросано, перерыто. Начал наводить уборку и не нашел в шкафу кримпленового пиджака, выходных брюк, фотоаппарата, портфеля, чемодана. Кинулся к ящику стола — пропал паспорт, а с ним — военный билет, диплом об окончании вуза, сберкнижка.

Прибывшая на место преступления оперативно-следственная группа никаких следов грабителей не обнаружила. Если они и были, то сам хозяин квартиры впопыхах уничтожил их. Пока эксперт-криминалист снимал, чтобы отправить на исследование в лабораторию оперативно-технического отдела, замок, остальные члены группы занялись поисками свидетелей. Однако опрос соседей — жильцов дома ничего не дал.

Итак, Тимофеев в одну ночь стал жертвой двух преступлений.

По первому была хоть маленькая зацепочка — в нем участвовал водитель такси. Во всяком случае, он мог предоставить в распоряжение преступников машину. По второму — никакой, даже мизерной зацепки.

Случилось так, что эти два преступления совершены на территории разных районов — Канавинского и Нижегородского. Филатов несколько раз звонил канавинцам, но у тех тоже пока никаких результатов не было. Имелись некоторые предположения, однако при тщательной проверке выяснилось, что работники милиции шли по ложным следам.

Была своя версия и у Филатова: грабеж на улице Вокзальной и квартирная кража — дело одних рук, а услужливый водитель такси — соучастник преступления. Выведав адрес Тимофеева, он сообщил его своим дружкам-грабителям с улицы Вокзальной. Но ведь не исключалась и другая: водитель такси — порядочный человек, а грабеж и квартирная кража совершены разными группами. Филатов ждал результатов экспертизы замка. Вчера вечером он набросал план проверки обеих версий и сегодня пораньше явился на службу, чтобы еще раз пересмотреть его и доложить руководству.

У входа в райотдел Филатова встретил инспектор дежурной части.

— Как прошла ночь? — здороваясь, спросил Филатов. Там уж заведено у работников милиции — интересоваться вчерашним днем, минувшей ночью.

— Не ночь, а сплошной кошмар. Весь город исколесили оперативные группы.

И дежурный рассказал об ограблении у «Бурлацкой слободы».

Час от часу не легче. Не успел разобраться с первым преступлением и вдруг — на тебе, как снег на голову, свалилось новое. А в том, что заниматься и этим грабежом поручат ему, Филатов не сомневался: и на Вокзальной и у «Бурлацкой слободы» — в обоих случаях замешаны таксисты.

И вот они в кабинете — инспектор уголовного розыска и потерпевший. Максимов волнуется, рассказывает сбивчиво, Филатов не перебивает, он только делает в блокноте пометки. И лишь когда потерпевший выговорился, стал уточнять отдельные детали, недостающие звенья цепи преступления. Так, вопрос за вопросом, картина грабежа у «Бурлацкой слободы» была восстановлена во всех деталях.

— Вы не рассмотрели, что за документ предъявлял человек, назвавшийся работником милиции? — спросил Филатов, продолжая заполнять протокол допроса.

— Нет. Он показал его на вытянутой руке и тут же спрятал в карман.

— А номер машины не запомнили?

— Не до номера было. Но что это было такси, помню точно.

— А приметы преступников описать сможете?

Максимов опустил голову, сжал ладонью лоб, помолчал.

— Кажется, тот, что предъявлял удостоверение, был высокий, худощавый... Нет, нет, не могу, ничего не запомнил...

Опять удостоверение. Опять фигурирует работник милиции. По-видимому, какой-то самозванец. Два дня назад...

Филатов открыл сейф, достал папку с ориентировками. Нашел нужную. Около 16 часов в Советском районе, на улице Козицкого, неизвестный преступник остановил легковой автомобиль, за рулем которого сидел несовершеннолетний сын владельца машины, и, назвавшись главным автоинспектором города, забрал у юноши технический паспорт на машину, талон предупреждений, отцовские документы на право управления

автомобилем, часы, предупредив парня, чтобы к 18 часам отец принес к кинотеатру «Звезда» тридцать рублей выкупа. Напуганный юноша не смог сразу сообщить точные приметы преступника. Он кое-как описал личность мошенника лишь вчера. Однако особо приметного в ней ничего не было. Высоких, худощавых, длинноволосых молодых мужчин в городе полно. Поди разберись, который из них — «главный автоинспектор города»? Единственное, в чем парень мог помочь милиции — это при задержании преступника опознать его. Он хорошо запомнил его лицо.

«И должность какую придумал, — размышлял Филатов, — «главный автоинспектор города». Она выдает в нем дилетанта в шоферском деле. Если допустить, что он и «старший инспектор уголовного розыска», — одно и то же лицо, то напрашивается вывод, что в ограблении у «Бурлацкой слободы» действовала компания, в состав которой входят ранее судимые». Потому что подобные преступления известны из следственной практики.

А вот ориентировка посвежее. Вчера в Приокском районе, на улице Шапошникова, группа неизвестных, тоже на такси, зверски избила пассажира Ильина, отобрала у него документы, деньги, ключи от квартиры и, бросив его в придорожные кусты, скрылась.

Филатов разложил ориентировки. На Вокзальной в ограблении Тимофеева участвовали пять человек и на улице Шапошникова — пять, у «Бурлацкой слободы» — тоже пятеро. Одна и та же группа? Почему же тогда не раздели Ильина? Ведь он был прилично одет. Не исключено, что на улице Шапошникова орудовала другая, более осторожная группа, которая не стала связываться с одеждой как с лишними уликами.

Зазвонил телефон. Вызывал начальник уголовного розыска. По телетайпу получена ориентировка из Балахны. Около трех часов ночи на шоссе Балахна—Заволжье, у железнодорожного переезда, что у Правдинска, пятеро неизвестных на машине такси ограбили пассажира Туваева. Вместе с вещами и деньгами забрали паспорт, удостоверение, военный билет, диплом об окончании вуза, академический значок.

— Разгулялись не на шутку, — проговорил Филатов, возвращая начальнику ориентировку, — тесновато стало в городе, на простор потянуло.

— Зато на тебя какие силы сейчас работают, — ответил не то в шутку, не то всерьез начальник. — Советский райотдел «главного автоинспектора города» ищет, канавинцы — грабителей с Вокзальной, приокчане ищут...

— Не вижу в этом чести для себя. Три дня бьюсь над квартирной кражей — и ни с места.

— О грабеже у «Бурлацкой слободы» слышал, дежурный докладывал. Но не стал к тебе заходить, когда ты с потерпевшим беседовал. Есть что-нибудь новенькое?

— Максимов никого из грабителей не запомнил.

— И того, который представился работником милиции?

— Приметы весьма общие. Он так потрясен случившимся, что я еле-еле разобрался в его показаниях. Единственное, что он помнит, так это — что грабители были на такси. И тоже пятеро. Вчера вечером, — продолжал Филатов, — я закончил изучение дел ранее судимых за грабежи. Хотел с вами посоветоваться.

Филатов докладывал кратко, лаконично. Называл фамилии, давал короткие характеристики. Альдяков — специалист по кражам личного имущества, грабежам и разбоям, нигде не работает. Крылов — матерый вор, грабитель. Прописан в Советском районе, нигде не работает, находится под административным надзором. Последнее время не появляется дома. За грабежи и хулиганство несколько раз отбывал наказание Сапожников. Работать не хочет. Интересными представляются и фигуры Байгушкина и Галанина. Первый четырежды судим. Второй — птица поменьше, но уже имел пять лет судимости. Оба — тунеядцы.

— Приличный букет, — прервал Филатова начальник. — А водители такси в нем есть?

Из водителей такси ранее судимыми оказались Иванов, в прошлом вор, Курашин, отбывший семь лет за грабежи и недавно освободившийся из мест лишения свободы, и еще несколько человек.

Непонятной и вряд ли чем объяснимой казалась работникам уголовного розыска близорукость кадровиков таксомоторных предприятий, доверивших столь ответственное дело людям с сомнительной репутацией.

— А знаете, — оживился Филатов, — я вчера вечером в «Нижегородском» кафе был — на «смотринах». Там по вечерам собирается определенное «общество». Кое-кого видел. Есть такой лоботряс Молодцов. Работал на турбазе «Нептун». Бросил работу. Тип из типов. Вертится между таксистами и ранее судимыми.

Затем Филатов доложил начальнику план дальнейших розыскных мероприятий, который составлял накануне. С учетом изменившейся за ночь оперативной обстановки вместе внесли в него необходимые коррективы.

— Помощь нужна? — спросил начальник, утверждая план. — Не скромничай, вижу — нужна.

— Хорошо бы, кто-нибудь съездил в таксомоторные предприятия, сделал выборку ранее судимых водителей такси, а заодно и тех, кто во время совершения преступлений находился на службе.

Незадолго до обеденного перерыва на столе Филатова уже лежали необходимые списки. Сам он тоже к этому времени немало сделал. С помощью инспекторов розыска, участковых, нештатных сотрудников милиции установил связи интересующих следствие лиц, навел о них нужные справки. Список сомнительных личностей расширился. Оказалось, что Байгушкина несколько раз видели в обществе водителя такси Землянухина, ранее судимого и в настоящее время нигде не работающего Галанина, тунеядцев Свягина и Молодцова. Однажды видели в компании с Ивановым, а совсем недавно — с водителями такси Пигалиным и Хитровским. Обширный круг знакомств был и у Крылова. Он водил дружбу с Сапожниковым, Ивановым, Курашиным. Через Иванова обе группы переклестывались. Молодой, здоровый лоботряс Свягин тянулся к Альдякову. На последнем пока цепочка знакомств обрывалась. Четко прослеживались связи и других компаний. Одни общались с водителями такси, другие — нет.

Изучая списки водителей, работавших во время совершения преступлений, Филатов и здесь обнаружил несколько заинтересовавших его личностей.

После обеда в кабинете Филатова собрались участники оперативной группы. Как старший группы Филатов подвел итог проделанной работы, попросил всех высказать свои соображения. В сложившейся ситуации было много неясного. Тот факт, что грабители пользовались такси, наводил на мысль, что в городе орудует одна преступная шайка. Однако эту версию оспаривала разность почерков совершения преступлений. На улице Вокзальной пассажира раздели, на улице Шапошникова — отобрали все, что было в карманах, но не раздели. Точно так же поступили и с потерпевшим на шоссе Балахна — Заволжье. Потерпевшего Максимова обманным путем посадили в машину, один из преступников так же, как и на улице Козицкого, назвался работником милиции. Одни считали, что все преступления совершены одной группой, другие предполагали, что действуют несколько преступных шайк. Лишь в отношении «главного автоинспектора города» и «старшего инспектора уголовного розыска» мнение было единым: и тот и другой — одно и то же лицо.

К концу рабочего дня Филатов уже имел первые сведения о связях Альдякова. В одном месте его видели с водителем такси Бусариным, в другом — с уже знакомым Филатову Сапожниковым. Бусарин же встречался с Крыловым, Крылов — с водителем такси Изосимовым. Но пока еще трудно было утверждать, что это группа. Не исключено, что встречи носили случайный характер. И тем не менее связи Альдякова нужно было уточнять и выяснять дальше.

Поздно вечером в кабинете Филатова снова собралась оперативная группа. Наметив план действий на завтра, ее участники разъехались по домам.

Такой ночи, какая выдалась с седьмого на восьмое июля, не помнят даже ветераны райотдела. Один за другим было совершено несколько похожих грабежей.

Первое сообщение поступило около полуночи. На улице Звездинке неизвестные ограбили двух пассажиров такси.

— Когда это было? — спросил дежурный.

— Может, час, а может, и меньше...

— Сколько было преступников? — продолжал выяснять обстоятельства грабежа дежурный.

В трубке некоторое время молчали. Затем послышался неуверенный голос:

— Кажется, шестеро...

— Припомните поточнее, — настаивал дежурный.

— Да, да, шестеро. Они везли нас на коленях.

— Приметы запомнили?

На другом конце провода замялись.

— Что же вы молчите, теряете время? — торопил дежурный, держа руку на трубке прямого телефона, связывающего его с дежурным радистом.

— Понимаете, тут такое дело... Ехали мы из ресторана, так что не присматривались, а потом не до примет стало.

— Второго потерпевшего знаете? Где он сейчас?

— Наверное, где-то в пути, идет домой.

Записав фамилии и адреса потерпевших, дежурный передал радисту тревожное сообщение: «Всем, всем, всем! Группа неизвестных на машине такси на улице Звездинке совершила ограбление двоих пассажиров. Преступников было шестеро».

Не успел дежурный радиооператор произнести обычную в конце передачи фразу «Как поняли? Перехожу на прием», как позвонили из Щербинок и сообщили о новом происшествии. С потерпевшего сняли вельветовые полуботинки.

Разрезая ночную темень огнями фар, спешат со всех сторон по темным переулкам машины ПМГ. Но потерпевший позвонил слишком поздно.

А в это время дежурный принимает новое сообщение — о грабеже на улице Белинского. Высылать на место преступления оперативную группу было поздно: потерпевший позвонил минут десять спустя после ограбления.

— Да что там у вас творится? — звонят из УВД. — Не можете справиться с жалкой шайкой хулиганов!

И тут же в эфир уносится команда всем подвижным милицейским группам: не оставлять без внимания ни одного автомобиля такси!

Прошло еще минут двадцать. В райотделе в готовности номер один ждут сигналов от патрульных групп и команды на выезд оперативные группы. Насторожены у пультов дежурные райотдела, дежурный радиооператор.

С ПОЛИЧНЫМ

Опять звонок! Потерпевший Степанов рассказал, как примерно полчаса назад на улице Костина его встретило такси. Из машины вышли несколько человек и стали окружать. Кто-то сзади схватил за горло. Уже теряя сознание, он посмотрел на номер машины. Пришел в себя на обочине дороги.

Сообщив патрульным группам номер такси, дежурный направил одну оперативную группу на поиски преступников, две — в таксомоторные предприятия, выяснить фамилию водителя.

— Возьмите с собой потерпевшего, вот его адрес, — посоветовал дежурный по райотделу.

С улицы на улицу с притушенными фарами переходит машина с оперативной группой. Водитель и старший группы Савунов внимательно всматриваются в номера встречных машин такси, пересчитывают количество пассажиров. Второй раз вышли на площадь Максима Горького. На стоянке такси у магазина «Книги» — ни одной машины. Проехали гастронорм. Машина делает левый поворот. Водитель увидел в наружное зеркало, как у автоматов с газированной водой остановилась машина. Тут же из нее начали выходить люди. Доложил Савунову.

— Давай по кругу, — приказал тот. — На выходе к книжному магазину скорость сбавь.

Напротив Главпочтамта водитель снизил скорость, медлен-

но отодвигаются влево кустарники газона. Взорам работников милиции открылась группа мужчин у автоматов с газированной водой и рядом стоящее такси.

— Они! — воскликнул потерпевший.

Неизвестные (их было шесть человек) бросились к машине. Но — поздно. В считанные секунды преступники были окружены. При осмотре такси потерпевший тут же, на месте, опознал на приборном щитке кабины отобранный у него при ограблении талон на бензин. Это уже была серьезная улика.

Задержанные не сопротивлялись. Они спокойно дали отконвоировать их в райотдел. Там при тщательном повторном осмотре автомобиля в его салоне и багажнике обнаружили удостоверение водителя автомобиля на имя Степанова, мужскую рубашку, электробритву «Бердск-4», вельветовые полуботинки, журнал «Катера и яхты»...

Пока проводился этот осмотр, остальные работники милиции выясняли личности задержанных. Ими оказались ранее судимые и нигде не работающие Крылов, Сапожников, Альдяков, водители такси Изосимов и Бусарин, а также несколько дней назад самовольно бросивший работу в таксомоторном парке тоже ранее судимый Иванов. Компания во всех отношениях довольно пестрая.

Филатову и его сотрудникам предстояла сложная работа. Крылов, Сапожников, Иванов и Альдяков — волки стреляные, их голыми руками не возьмешь. Изосимов и Бусарин пока не судимы, но, кто знает, какой инструктаж они получили от своих более опытных сообщников? Для изобличения преступной шайки нужны основательные и неопровержимые доказательства. Хорошо, если что-нибудь обнаружится при обысках на квартирах преступников. А если они успели сбыть награбленное? Не так просто будет установить и разыскать покупателей.

Следователя Нижегородского райотдела внутренних дел Киреева разбудили ночью.

— Полчаса назад задержали шайку грабителей, — сообщил нарочный. — С поличным.

— Уж не таксисты ли? — обрадовался Александр Александрович.

— Они самые, шесть человек. Компания довольно пестрая: двое или трое — таксисты, остальные ранее судимые, некоторые по нескольку раз, злостные тунеядцы.

Вместе с Александром Александровичем встала и его же-

на. Такова уж судьба жен работников милиции: поднимают по телефонному звонку их мужей — просыпаются и они. Пока муж, подставив голову под холодную струю воды, наскоро умылся, затем одевался, она хлопотала на кухне.

— Возьми бутерброды, — остановила она мужа в прихожей, — кто знает, когда сумеешь вырваться перекусить.

Робко румянился край неба, когда они вышли из подъезда. В густой кроне росшего недалеко дерева тенькнула какая-то личуга. Еще раз. Словно от ее голоса проснулся дремавший в листьях ветерок, резво спустился во двор, обдал лица приятной прохладой.

— На плес бы сейчас, да с удочкой, — мечтательно проговорил нарочный.

— Я согласен и на палатку в лесу, в укромном уголке, — в тон ему ответил Киреев.

Чуть доносившееся с дороги пофыркивание мотора милицейской машины напомнило обоим, что пока не будет размотан клубок хитросплетений задержанной шайки грабителей, на лес и на рыбалку нечего рассчитывать.

Последнее время в городе только и разговоров было, что о неуловимой шайке грабителей-таксистов. Молва приписывала им самые немыслимые преступления. Люди звонили в милицию. Одни интересовались, не задержали ли еще злоумышленников, другие высказывали фантастические предположения, предлагали свои услуги, третьи требовали принять самые решительные меры для поимки преступников.

Грабителей искал не только Нижегородский райотдел. Их поисками занимались Советский, Канавинский, Приокский, Балахнинский и другие отделы внутренних дел города и области. Но те, имея в своем распоряжении автомобиль, успевали скрыться с места преступления и переметнуться в другой район города еще до того, как пришедшие в себя потерпевшие успевали сообщить в милицию о случившемся. Да и сообщали они не так уж много — лишь факт грабежа. Единственной зацепкой, за которую до этой ночи могли ухватиться работники милиции, была ссылка на автомобиль с шашечками по бортам.

ПРЕСТУПНИКИ ИЗВОРАЧИВАЮТСЯ

Первый допрос задержанных ничего существенного следствию не дал. Преступники изворачивались: лгали, давали путанные показания, часто противоречащие одно другому.

Крылов, как и следовало ожидать, «ничего не видел». Вечером после того, как вся компания изрядно выпила на веранде кафе «Нижегородское», он спал в машине и не знает, по каким улицам его возили и что делали остальные.

— Бы с кем были? — спросилследователь.

— Много нас там было, — цедит Крылов, — человек двадцать. Разве всех упомнишь?

— Не в кафе, а в машине, — уточняет Киреев. — Вопрос понятен?

— Вопрос-то понятен, — растягивает слова, выигрывая время, задержанный. — С памятью у меня неважно. Слаб я стал в последнее время. Стоит выпить грамм сто — сто пятьдесят, а то и того меньше, как память отшибает.

— Советовал бы припомнить, — настаиваетследователь, — не в ваших интересах отмалчиваться или уходить от прямого ответа на конкретный вопрос. Человек вы бывалый, знаете что к чему...

Крылов потупился.

— Хорошо, — продолжает Александр Александрович, — не будем ворошить прошлое. Так сколько вас было в машине?

— Почему же не будем ворошить прошлое? — выпрямился и злобно посмотрел на следователя Крылов. — Будем, вы это любите. Раз человек сидел, значит, на него можно повесить любое преступление. А я вот не хочу брать на себя чужие грехи, хочу жить честно!

— Для этого вам была предоставлена полная возможность. Но вы длительное время нигде не работаете. Скажите, какую же пользу вы принесли обществу? Впрочем, об этом с вами уже немало разговаривали. И все, как видите, бесполезно. Давайте-ка лучше отвечать на поставленные вам сейчас вопросы.

— С кем я катался по городу? — Крылов помолчал. — За рулем, кажется, сидел Бусарин. — Опять помолчал, старательно делая вид, что припоминает. — Это точно, а кто еще, убейте не помню.

— Может, все-таки припомните?

— Вроде бы Колобок, Стас в перчатках, Гаврош...

— А если пофамильно?

— А черт их знает, какие у них фамилии! Нужны они мне, их фамилии...

— Получается только пять человек. Кто шестой?

— Что вы за душу тянете? Сказал: не помню — значит не помню.

Киреев вызвал конвой.

Ввели Альдякова.

— Не понимаю, гражданин начальник, за что взяли, — начал он с порога. — Шел от подружки, увидел у автоматов с газировкой знакомых таксистов, остановился перекинуться словом-другим, а тут и милиция подоспела. Оперативно работаете, — съязвил, — хватаете всех подряд.

— У вас все? — дав выговориться, спросил Александр Александрович.

— Нет, не все, хочу, чтобы вы меня отпустили. И чем скорее это сделаете, тем лучше. Думаете, если имею судимость, так меня можно хватать? Ошибаетесь. Не отпустите, не извинитесь — прокурору напишу.

— Перейдем к делу. Вы знаете, за что задержаны. Альдяков стоял на своем.

«Случайно» на площади Максима Горького в тот вечер оказался и Иванов. Причем в самый неподходящий момент. И вот он перед следователем, его допрашивают. Он понимает, что это досадная ошибка, все в свое время выяснится.

— А как на вас оказался этот батник?

— Батник? Кто-то дал поносить.

— Кто?

— Так я же пьян был...

— Кого вы знаете из задержанных и где с ними познакомились?

— Это проще пареной репы.

И Иванов перечислил имена задержанных. Познакомился он с ними в кафе, вернее, на веранде кафе «Нижегородское». Встречались часто. Бывали в ресторанах. Рассказывал он долго, подробно, будто специально хотел увести следователя от вчерашних событий. О главном же умалчивал.

У Изосимова трещала с похмелья голова, и он очень смутно помнил эту ночь.

— Как вы очутились на улице Звездинке? — поставил перед ним прямой вопрос Киреев. — Пассажирам, насколько мне известно, было не по пути.

Изосимов медленно, будто извлекая каждое слово из самых уголков памяти, начал рассказывать. Говорил долго, нудно и путанно. Посадили они у ресторана «Москва» двоих подвыпивших пассажиров. Повезли. Кому первому пришла в голову мысль ограбить, он не знает.

— Куда поехали потом?

Изосимов молчал. Видимо, он понял, что проболтался и поэтому следователь от него пока требует немногого, а только фиксирует преступления. Теперь он колеблется: говорить или не говорить о следующем ограблении?

— Придется подсказать, — перевернул несколько листов в изрядно располневшей за ночь папке следователь. — Вы поехали в Щербинки. Кого вы там встретили?

— Никого, — ответил, как отрезал.

— Никого?

Изосимов молчит, опустив голову. Пауза затягивается.

— Что же, так и будем в молчанку играть? — спрашивает следователь. — Могу вызвать конвой.

— Ладно, — сдался задержанный, — пишите. Встретили мужика. Сняли полуботинки, а для остротки поддали ему хорошенько. Правда, малость перестарались.

Изосимов сознался во всех преступлениях, которые совершила шайка в эту ночь. Однако в самых общих чертах. Когда следователь пытался уточнить подробности, Изосимов ссылаясь на провалы в памяти: дескать, перебрал с вечера, ничего не помнит.

— Назовите участников ваших ночных походов, — обратился Филатов к Изосимову.

— Нас было шестеро, — ответил тот не колеблясь и перечислил фамилии соучастников.

— Как же вы посадили в машину еще двоих пассажиров? — удивился Киреев.

— Очень просто, на колени, — небрежно ответил Изосимов. — И не по стольку сажали. Машина, чай, не своя, не жалко.

Вошел конвой.

Изосимов устало поднялся, пустыми глазами посмотрел на следователя.

— Много мне дадут? — спросил тихо.

— Этот вопрос в компетенции судебных органов, — ответил Александр Александрович. — Все будет зависеть от степени вашего участия в грабежах и от вашего чистосердечного признания.

Ссутулившись, Изосимов поплелся к дверям.

Еще меньше рассказали Бусарин и Сапожников. Бусарин сидел за рулем и ничего не видел. Сапожников никак не мог прийти в себя. Нес всякую околесицу, словно ожидая внезапного удара, то и дело озираясь по сторонам. Не иначе, был не на шутку запуган главарем шайки.

После допроса задержанных начальник райотдела собрал у себя в кабинете следственно-розыскную группу. Киреев и Филатов доложили о результатах проделанной работы.

Тщательно опросив задержанных, изучив методы совершения преступлений, они пришли к выводу, что в городе действовали не одна, а две совершенно разные группы грабителей. Обосновывали свой вывод таким образом:

Во-первых, в ограблениях на улице Вокзальной, на улице Шапошникова и у «Бурлацкой слободы», а также на шоссе Балахна—Заволжье потерпевшие называют одинаковое количество преступников, а именно — пять человек. Во-вторых, среди задержанных ночью нет человека, сходного по приметам с «главным автоинспектором города». В-третьих, те скудные приметы, которые сообщил потерпевший о «старшем инспекторе уголовного розыска», а также почерк совершения преступления у «Бурлацкой слободы» дают основание подозревать, что и «инспектор» и «автоинспектор» — одно и то же лицо.

— И вы совершенно не допускаете мысли, что все преступления совершены все-таки одной группой? — прервал Филатова начальник отдела.

— Есть у нас и такая версия, — за Филатова ответил Киреев. — Будем отрабатывать и ее.

Еще раз обсудив и уточнив план намеченных мероприятий, следователь и инспекторы уголовного розыска разошлись по своим кабинетам. Только теперь Киреев вспомнил о бутербродах. Посмотрел на часы: давно перевалило за полдень.

Воскресным утром, когда Киреев в Горьком допрашивал задержанных ночью грабителей, из ворот турбазы на Горьковском море вышли двое отдыхающих. Один нес доверху набитую чем-то тяжелым холщовую сумку, другой — сетку. Немного отойдя, они остановились, посоветовались и, озираясь по сторонам, свернули на еле приметную тропинку. Минут через сорок тропинка привела их к вытоптанной полянке. Будто специально созданную природой для уединений, ее с трех сторон охватывал густой высокий кустарник, четвертой стороной она сбегала к морю.

Весь день отдыхающие купались, пили водку, спали, о чем-то спорили, снова пили водку. К вечеру вернулись на базу. Тот, что помоложе, пошел спать, а его напарник присоединился к толпе зевак, плотным кольцом окруживших танцплощадку. В сторонке курили двое молодых людей.

— Эй, вы, — окликнул он, — дайте сигарету.

— Нет у нас, — ответили ребята.

— Ах так?! Придется научить вас уважать старших.

Он набросился на растерявшихся ребят и стал избивать их. На шум побежали отдыхающие, связали хулигана и передали подоспевшим работникам милиции.

Так бы и отсидел хулиган положенные пятнадцать суток, если бы сотрудники Городецкого райотдела внутренних дел не обнаружили у него в карманах при обыске большое количество лотерейных билетов и необычной формы газовую зажигалку, точно такую, какая описана в ориентировке по факту грабежа на шоссе Балахна—Заволжье.

Позвонили в Балахну. Через несколько минут в Городец уже мчалась машина Балахнинского отдела внутренних дел.

Задержанный (им оказался некто Байгушкин) категорически настаивал на своей непричастности к грабежу на шоссе. Выставлял алиби.

— Можете свериться, я в это время дома ночевал.

— Когда это было? — спросил следователь Александр Павлович Горохов.

— Вам лучше известно, — буркнул Байгушкин.

— Нет, давайте уточним, — не отступал следователь. — Вы говорите, что во время грабежа на шоссе Балахна—Заволжье ночевали дома. Значит, вы знаете, когда это произошло. Кроме того, при вас обнаружены лотерейные билеты и зажигалка потерпевшего.

— А что, на них написано, что они не мои, а чьи-то? — вопросом на вопрос ответил задержанный. — Но если говорить начистоту, лотерейные билеты и зажигалку я выиграл в карты у одного отдыхающего на турбазе.

— Назовите его фамилию.

Байгушкин отвечать не торопился. Он что-то обдумывал. Потом небрежно произнес:

— Раза два встречались. Кажется, Галанин.

Следователь чувствовал, что этот человек имеет самое непосредственное отношение к грабежу на шоссе. Однако интуиция — не доказательство. А доказательств пока не было.

В кабинет следователя вошел дежурный по отделу, положил на стол бумажки, многозначительно ткнул в них пальцем. Горохов быстро взглянул на них и на пустом бланке повестки написал: «Позвони в Горький. По приметам схож с «главным автоинспектором города». Дежурный вышел. Через минуту он уже разговаривал с дежурным управления внутренних дел области.

— Да, и рост, и фигура, и лицо, и прическа, и цвет волос, и глаза — все совпадает... Именно, на улице Козицкого... Жаль лишь, что по преступлению у «Бурлацкой слободы» в ориентировке очень скупо описаны приметы «старшего инспектора уголовного розыска»... По времени оба грабежа, должно быть, совершены одной группой...

Пока в горотделе следователь допрашивал задержанного, оперативная группа отправилась на турбазу. Вскоре оттуда раздался телефонный звонок. Одна из работниц турбазы добровольно выдала детские колготки и джинсовый халат. Пояснила, что купила эти вещи у каких-то мужчин. Она их знает только в лицо и при необходимости сможет опознать. В Балахнинском отделе милиции обсуждали план новых розыскных мероприятий, комплектовали оперативную группу, когда зазвонил прямой телефон: из Горького поступил приказ отправить подозреваемого в Советский райотдел.

Начинался новый рабочий день. Киреев позвонил в Балахну, узнал, при каких обстоятельствах был задержан «главный автоинспектор города». Потом написал отдельное требование уголовному розыску съездить на турбазу и, не привлекая ничего внимания, выяснить подробности на месте, а сам опять принялся анализировать результаты допросов задержанных на площади Горького. Дело осложнялось еще и тем, что ни по одному грабежу не было свидетелей. Вчера Александр Александрович дал задание участковым инспекторам обойти дворы в районах совершения преступлений. Они скоро должны сообщить результаты. Но Киреев мало верил в успех этого мероприятия. Все преступления совершались либо поздним вечером, либо ночью, на пустынных улицах.

Опять допросы. За день в кабинете перебивала вся шестерка. Грабители продолжают упорствовать, дают путанные, заведомо ложные показания. Ничего нового не прибавил и допрос потерпевших. Около десяти часов явились участковые инспекторы. Результаты опроса населения были неутешительны: никто ни о каком грабеже и не слыхивал.

Кирееву все время не давал покоя вопрос: а как там в Советском райотделе ведет себя «главный автоинспектор города»? В мыслях он уже перекидывал мостик между ним и «старшим инспектором уголовного розыска» — к раскрытию грабежа у ресторана «Бурлацкая слобода». Наконец, когда конвой увел очередного допрашиваемого, Киреев не выдержал: позвонил и узнал, что Байгушкин пока ни в чем не со-

знался: на улице Козицкого он никогда не бывал, никакую машину не останавливал, ни у кого документов и часов не отбирал. Послали за потерпевшим. Должен опознать.

К вечеру с Горьковского моря вернулась оперативная группа. Сведения привезла интересные.

Ранее на турбазе работал инструктором по туризму некто Молодцов. Потом уволился. В настоящее время нигде не работает, на какие средства живет, пока не выяснили. Но он не порывает связей с работниками базы. Часто там бывает, за ночевывает. И один, и с компанией. Иной раз задерживаются на несколько дней. Привозят с собой водку, угощают обслуживающий персонал. Но ведут себя смирно. Все удивлены вчерашним инцидентом: никто бы никогда не подумал, что приятель Молодцова, скромный и обходительный инженер, способен на такое.

— А что, Байгушкин себя за инженера выдавал? — удивился нахальству пройдохи Киреев. — Так он же синус от интеграла не отличит.

— Все они себя за кого-то выдавали, а их специальные знания никого не интересовали. За все время никто из обслуживающего персонала даже не поинтересовался их документами и не сообщил об их визитах в милицию. Была бы водка — вот и весь документ.

Следователь Советского райотдела пригласил в кабинет потерпевшего.

— Вы никого из сидящих здесь не знаете?

Юноша внимательно осмотрел находившихся в кабинете мужчин. На одном задержал взгляд несколько дольше.

— Нет, никого. Но с этим гражданином, — он показал кивком головы на крайнего справа, — я встречался.

— Расскажите, пожалуйста, где и при каких обстоятельствах.

Волнуясь, юноша рассказал, как на улице Козицкого он стал жертвой мошенника и как потом вечером он с отцом более двух часов понапрасну прождал его у клуба «Звезда». Этот рассказ Байгушкин слушал с безразличным видом, а когда юноша закончил, обратился к следователю:

— И вы этому юнцу верите? А может, у нас с ним личные счёты и он решил меня оклеветать?

— Вы ничего не упустили? — спросил следователь юношу.

— Да, простите. Этот гражданин ехал на такси, а с ним еще один или двое мужчин.

— А номер машины вы не запомнили?

— Растерялся я тогда, да не думал, что он окажется не тем, за кого себя выдает.

— Что вы хотели бы сказать? — повернулся следователь к Байгушкину.

— Голословные утверждения юнца — еще не доказательство моей виновности, — с вызовом заявил Байгушкин. — Я к этому делу непричастен. У меня все.

Итак, подозреваемый требует доказательств. И следователь должен их представить. Где-то в огромном городе проживают свидетели этого преступления. Задача упрощалась тем, что один из свидетелей был водителем такси. Правда, среди нескольких сот водителей такси найти одного не так-то легко. Но на то он и следователь, чтобы преодолевать трудности, которые встречаются на пути раскрытия того или иного преступления. Не справится один — придут на помощь товарищи, коллеги из других райотделов. Именно на такую помощь он и рассчитывал, обдумывая дальнейший план следственных мероприятий.

Спустя час он уже был в Нижегородском райотделе, у Киреева.

— Следователь Советского райотдела, — представился, войдя в кабинет.

Познакомившись, не теряя времени, перешли к делу. Следователь изложил Кирееву цель своего визита.

— Какие могут быть разговоры, — ответил Киреев, — оба делаем одно дело, занимаемся одним и тем же человеком. У вас он «главный автоинспектор города», а у нас — «старший инспектор уголовного розыска».

На очередном допросе Киреев среди прочих вопросов задавал подследственным и такой:

— Что вы делали четвертого июля на улице Козицкого?

Однако на улице Козицкого в этот день никто не был. Киреев пробовал помочь наводящими вопросами. Сапожников понял, куда клонит следователь:

— Вы хотите пришить мне подростка? Ничего у вас из этого не выйдет. — И, не дав следователю даже слова сказать, одним духом выпалил: — Разыщите шофера Березанского. Он в тот же вечер на веранде кафе «Нижегородское» рассказывал, как Байгушкин наказал лихача подростка.

Закончив допрос Сапожникова, Александр Александрович позвонил в Советский райотдел.

Березанский вошел в кабинет следователя Советского райотдела несмело, тихо сказал: «Здравствуйте» — и остановился у порога.

— Проходите, присаживайтесь, — встал навстречу ему следователь и этим еще больше смутил Березанского. — Извините, что побеспокоил: обстоятельства того требуют.

— Да чего там, сам я виноват, вовремя надо было прийти. Я ведь догадываюсь, зачем вы меня вызвали.

— Интересно, зачем же?

Березанский долго устраивался на стуле. Видно было, что человек он не из решительных, и поэтому следователь не стал его торопить, а тот, как бы собравшись с мыслями, начал:

— Тут такое дело приключилось. Подошли ко мне трое около вокзала, сели в машину, велели покатать по городу. А мое дело шоферское: скорость включил и поехал. На улице Ванеева частник нарушил правила обгона. Тот, который сидел на переднем сиденье, выругался, как, мол, доверяют машину малолеткам, и велел догнать, остановить. А мое дело шоферское. Догнал, потом на улице Козицкого перегнал, выехал вперед, подал сигнал остановиться. Тот, который сидел на переднем сиденье, вышел из машины, сел в машину к подростку, посидел там немного, а когда вернулся, сказал: «Наказал я его, будет помнить — отобрал отцовские права, сдам в милицию». Вот и все. Я поверил. А теперь вот вы меня вызвали...

Следователь, не перебивая и ничего не уточняя, записывал. Когда он поднял голову от бумаги, Березанский с таким интересом рассматривал свои пальцы на руках, будто он их впервые видел.

— Вы их не знаете, этих пассажиров? — спросил следователь, склоняясь над столом.

Березанский долго молчал, как бы решая, говорить или утаить. Ведь ему были известны все эти лица. Ему, по-видимому, не хотелось впутываться в эту грязную историю. Но поскольку дело так оборачивалось, он махнул рукой и заявил:

— Как же не знаю? Очень хорошо знаю. Один, тот, который сидел на переднем сиденье, работает...

— Меня интересуют их фамилии.

— Ах фамилии... На переднем сиденье сидел Байгушкин, на заднем — Молодцов и Свягин.

Дело по обвинению Байгушкина в мошенничестве подвинулось. Следователь заручился показаниями одного свидетеля, и два — Молодцов и Свягин были в перспективе. И хотя их личности еще нужно устанавливать, следователь не терял надежды на успех. Можно было выписать отдельное требование

уголовному розыску, но какой смысл еще раз делать ту работу, которая наверняка уже выполнена нижегородскими коллегам?

И вот два следователя снова встретились. Киреева тоже интересовали Молодцов и Свиягин, давно интересовали, еще с изучения связей Байгушкина.

— Только вот беда, — сказал он коллеге из Советского райотдела, — мы пока не знаем, где они. Дома давно не бывают. Адреса, словесные портреты, связи мы вам дадим, пусть и ваши ребята включаются. — Нам теперь в одной упряжке идти.

ЕЩЕ ОДИН ГРАБИТЕЛЬ

Шли дни. Материалов у Киреева набралось на два добрых тома, а дело продвигалось медленно. Киреев ждал возвращения из командировки потерпевшего с улицы Шапошникова. По скудным приметам, которые потерпевший сообщил работникам милиции, можно было предположить, что в его ограблении участвовали Крылов и Иванов. Потерпевший хорошо запомнил преступников в лицо, поэтому сейчас важны были результаты опознания.

Наконец потерпевший явился. Из задержанных ночью восьмого июля шестерых грабителей он смог опознать только Бусарина и Альдякова.

— Нет среди людей, которых я здесь вижу, еще одного человека, участвовавшего в ограблении, — категорически заявил потерпевший.

Предложили Байгушкина — не опознал.

Вместе с работниками уголовного розыска Киреев еще раз проследил связи задержанных. В поле зрения попал Курашин, водитель такси, ранее судимый. Не предъявить ли для опознания его? Позвонили на работу узнать, в какую смену работает, в ответ услышали, что уволился девятого июля. Поехали к нему домой, к счастью, застали. Киреев стал допрашивать его в качестве свидетеля.

— Где вы были вечером пятого июля, — следователь посмотрел на календарь, — в четверг?

— Не помню, кажется, там, где бывают все таксисты.

— Точнее?

— В кафе «Нижегородское».

— С кем?

— Один.

— Следствие интересуется вопрос: когда вы в последний раз видели Крылова?

— Я такого не знаю.

— Кого вы не знаете? — остановился в дверях инспектор уголовного розыска Филатов. — Уж не Буржуя ли? Так вас несколько раз видели вместе и в «Нижегородском», и в других местах.

Курашин молчал.

— Не хотите отвечать и на этот вопрос? — отложил в сторону ручку следователь. — В таком случае спрошу о другом.

Киреев поднялся из-за стола, прошелся по кабинету и остановился напротив Курашина.

— Почему вы девятого июля, не закончив рабочую смену, вернулись в парк и тут же написали заявление на увольнение?

Курашин не отвечал.

— Вы почему молчите? — с трудом сдерживая себя, чтобы не повысить голос, продолжал допрос следователь.

— Уж очень скучные вопросы вы задаете, гражданин следователь, — наконец выдал Курашин. — Все вокруг да около ходите, а вас интересуют восемь червонцев. — Вдруг он вскочил, схватился рукой за рубашку на груди, с каким-то остервенением рванул ее и закричал: — Вот он, я, весь перед вами! Возьмите протокол, пишите: «Пятого июля, в четверг, я, Курашин, грабнул пассажира такси. Дело было вечером, делать было нечего...»

Поначалу, слушая этот бред, работники милиции думали, что Курашин ломает комедию, но упоминание о восьмидесяти рублях заставило отнестись к истерике Курашина серьезней.

— Ну, что не пишете? — продолжал выкрикивать Курашин. — Пишите: «Грабил один, в машине был один!» Учтите, я с собой никого не потащу, один пойду!

Постепенно он успокоился, попросил воды и со всеми подробностями рассказал, как вез пассажира в Ляхово, к родственнику, как обратно повез по пустынной в это время улице Шапошникова, как ограбил.

— Но вы же не один были, — заметил следователь. — Зачем говорить неправду? Оговариваете себя...

— Это не ваше дело, — отрезал Курашин. — Хотите, чтобы расписался под протоколом, не мешайте.

— Воля ваша, — пожал плечами следователь.

Сначала работники милиции сомневались в искренности показаний Курашина, думали, подробности грабежа на улице Шапошникова ему рассказал кто-то из его дружков — участников преступления. Но его опознал потерпевший.

БАЙГУШКИН ДАЕТ ПОКАЗАНИЯ

Опять собралась на очередное совещание оперативная группа. В отдел приехал следователь следственного управления УВД Николай Александрович Филиппов. В связи с тем что на Байгушкина были заведены уголовные дела в нескольких районах города, возникла необходимость в их координации.

До начала совещания Николай Александрович детально ознакомился с делом, долго беседовал с Киреевым. Совещание несколько затянулось: уж очень много было нерешенных вопросов, и самый главный из них — до сих пор не удалось установить ни одного свидетеля ночных грабежей. А это, в свою очередь, не давало возможности вплотную заняться раскрытием грабежа у «Бурлацкой слободы» и других преступлений.

— А что, товарищи, — предложил в заключение Филиппов, — если мы на пару дней устроим для задержанной шестерки каникулы?

— Как каникулы? — спросил кто-то из инспекторов уголовного розыска.

— Очень просто. Оставим их в покое, каждого наедине с самим собой, не будем пока вызывать на допросы, пусть мучаются в догадках. А сами повезем «старшего инспектора уголовного розыска», он же «главный автоинспектор города», подышать свежим воздухом на турбазе. Возьмем с собой работника милиции в форме. Пусть люди увидят, кого они привечали. Наверняка кто-то у него покупал награбленные вещи. Вряд ли найдется человек, который не сдаст их добровольно. Вот вам и свидетели будут.

Мысль всем понравилась. Да и, чего греха таить, возможность побывать хотя бы пару часов на природе, подышать лесным воздухом хотелось использовать.

На следующий день из Советского райотдела привезли Байгушкина. В кабинет Киреева он вошел настороженно, внимательно оглядел следователя, медленно сел на предложенный стул.

— Мы с вами пока не знакомы, — первым нарушил молчание следователь.

— Не велика беда, — дерзко ответил на миролюбивый тон следователя Байгушкин. — Думаю, знакомство не понадобится.

— Ошибаетесь. Я сегодня решил провести в вашем обществе весь день.

— Не понимаю.

— Мы с вами махнем на природу. — Байгушкин удивлен-

но поднял брови. — Есть на Горьковском море, — продолжал Киреев, — райский уголок. Вот туда и поедem.

— К сожалению, должен вас, гражданин следовательно, огорчить: на Горьковском море был всего один раз, и то по пьянке, и никаких райских уголков заметить там не успел.

— Не беда, — успокоил его Киреев, — не знаете вы — я знаю, да товарищи из уголовного розыска, которых мы с собой возьмем для компании.

— Власть ваша, везите, куда хотите, только напрасна ваша затея.

Всю дорогу Байгушкин держался непринужденно, даже шутил: решила, мол, милиция прокатиться в лес и нашла неподходящий повод. Но при въезде на территорию турбазы самообладание покинуло его.

— Что погрустнели? — участливо спросил Киреев. — Может, нездоровится?

— Ничего, просто так, — вяло проговорил Байгушкин и, увидев идущую навстречу женщину в белом халате, поглубже откинулся на спинку сиденья.

Машина остановилась, все начали выходить. Киреев пригласил Байгушкина.

— Если можно, я останусь в машине, — запросился тот. — Мне и в самом деле что-то нездоровится.

— Нехорошо так, приехали в гости и будем отсиживаться в машине. Хозяева могут обидеться.

Байгушкин нехотя вышел.

Увидев въехавшую во двор милицейскую машину, из помещений вышли отдыхающие, обслуживающий персонал. Все с любопытством рассматривали прибывших работников милиции, недоумевали, почему они здесь?

К Байгушкину подошла женщина в белом халате, попыталась заговорить.

— Извините, гражданка, — тихо, но так, чтобы было слышно и остальным, обратился к ней Киреев, — с арестованным разговаривать не положено.

Женщина отошла, неприязненно глядя на Байгушкина. В толпе зашумукались. К Кирееву подошел мужчина.

— Возможно, я не имею права спрашивать, — негромко заговорил он, — но хотелось бы знать, кому здесь предоставляют приют. С вами можно поговорить наедине?

— Пожалуйста.

Они вошли в коридор корпуса. От одной из дверей, ведущих в комнаты, на цыпочках отошла женщина, по-видимому отдыхающая.

— Товарищ, — негромко позвала она. Киреева, — там в комнате спит его дружок.

Киреев вернулся во двор и отозвал в сторонку Филатова:

— Алексей Павлович, пройдите к окну и будьте настороже: в комнате спит один из дружков нашего подопечного. Я попробую его разбудить.

— Кто там? — откликнулся на стук заспанный голос. — Входите, не заперто.

Киреев рывком открыл дверь и шагнул в комнату. Мужчина лежал на кровати поверх одеяла, в одежде, обутый.

— Что вам нужно? — нехотя стал подниматься он с кровати.

— Я — следователь Нижегородского отдела внутренних дел, фамилия моя Киреев, — представился Александр Александрович. — Назовите себя, предъявите документы.

— Ну, Галанин, а документов у меня с собой нет, не ношу.

Киреев постучал в окно, попросил пригласить понятых. Осмотрели комнату. На вешалке висела замшевая куртка.

— Ваша? — спросил Киреев.

— Нет, привез кто-то.

— Кто?

— Или Свиягин, или Байгушкин, или Молодцов. Они тогда вошли в комнату одновременно, я и не заметил, кто повесил.

Закончив протокол осмотра куртки и допроса Галанина, Киреев приказал милиционеру проводить его в машину, а сам прошел в комнату мужчины, который хотел с ним поговорить.

Отдыхающий ждал его. Он предложил Кирееву стул, сам сел напротив.

— Не нравилась мне эта компания. Вот что для вас, возможно, важно: на днях у одного служащего турбазы появился фотоаппарат. А накануне я видел его у того, которого вы привезли. Зовут служащего Степаном Романовичем.

— Где он может быть сейчас? — поинтересовался Киреев.

— Наверное, после обеда отдыхает. Пойдемте, покажу его комнате.

Вышли в коридор. Навстречу шел средних лет мужчина. По фотоаппарату, который он брезгливо держал в руке, Киреев догадался, что это и есть Степан Романович.

— А я вас ищу, — он протянул Кирееву фотоаппарат. — Возьмите его, он мне руки жжет, не иначе ворованный.

— Откуда у вас такое предположение?

— Жена рассказывала, что на соседней турбазе на днях милиция интересовалась скупкой краденого, а сейчас вот она же разбудила и говорит: «Инженера арестовали». Ну я сразу

и подумал, что за обычную драчку на танцплощадке арестовывать не будут.

Киреев попросил показать ему кабинет директора турбазы. Там Филатов уже заканчивал протокол изъятия джинсовых брюк и батника.

Когда были закончены необходимые следственные формальности и понятые вышли, Киреев с Филатовым аккуратно разложили на столе куртку, фотоаппарат, брюки и батник. Ввели Байгушкина.

— Ну как, — глядя, как тот изменился в лице, спросил Александр Александрович, — удалась наша затея? А здесь, — показал на папку, — визитные карточки на каждого продавца.

— Ладно, берите протокол, допрашивайте. Все скажу.

Из показаний Байгушкина вышло, что все это откуда-то принесли или привезли Свиягин, Молодцов и Галанин. Рассказывали они и о каких-то грабежах, но он слушал невнимательно и теперь ничего не может пояснить. Он может подтвердить все это и на очной ставке. Он достаточно насиделся в местах лишения свободы, и заниматься прежним ему вроде бы ни к чему. «Как видите, — закончил он свои показания, — против меня у вас доказательств нет. С чем приехали, с тем и уедете».

Он пока еще не знал, что на турбазе задержан Галанин и что тот дал немало ценных показаний, изобличающих Байгушкина в нескольких преступлениях.

— Где они сейчас могут быть? — спросил Киреев Байгушкина.

— А шут их знает, — ответил тот небрежно. — Меня это не касается. Собирались куда-то уехать, а куда — не говорили. Но если даже еще не успели, все равно вы их не найдете. Они в надежном месте.

— И вы это место знаете?

— Нет, — ответил коротко.

Больше от него ничего не добились.

Возвратившись в Горький, стали подводить итоги поездки. Сравнили вещи, изъятые на турбазе, с теми, что перечислены потерпевшими.

Размер и приметы джинсовых брюк полностью совпали с размерами и приметами брюк, снятых с потерпевшего Максимова у ресторана «Бурлацкая слобода», батник — оттуда же. Фотоаппарат оказался из квартиры Тимофеева. Замшевая куртка также, похоже, его.

Эта поездка дала возможность выйти на след сразу трех преступлений, пока нераскрытых: ограбления у ресторана

«Бурлацкая слобода», квартирной кражи и ограбления пассажира такси на улице Вокзальной. Даже не верилось в такую удачу. Вещи еще должны опознать потерпевшие. Но в том, что они будут опознаны, никто не сомневался.

Тем не менее это еще не доказательство причастности Байгушкина, Свягина, Молодцова и Галанина к преступлениям. Могло так случиться, что они были лишь промежуточным звеном между грабителями и скупщиками краденого. Во всяком случае, такую версию будут отстаивать подозреваемые. Правда, теплилась надежда, что Максимов опознает «старшего инспектора уголовного розыска»...

Теперь предстояло найти Молодцова и Свягина, не известен был и пятый их сообщник.

Все адреса, где бы преступникам могли дать приют, были проверены.

— А не отсиживаются ли они в квартире Байгушкина? — высказал предположение один из сотрудников отдела. — Им известно, что он задержан за хулиганство, и пока он отбывает пятнадцать суток, они преспокойненько могут там прохладиться, а выйдет — сообща решат, что предпринять дальше.

КОЛЬЦО СЖИМАЕТСЯ

Хотя все устали и давно прошло время ужина, версию решили проверить, не откладывая на завтра: завтра могло быть поздно. Потревожили еще раз Байгушкина, заехали в Советский райотдел, где хранились изъятые у него при задержании вещи и ценности. Взяли ключи от его квартиры.

— Веди, хозяин, к себе в гости, — вручил Байгушкину ключи Филатов, — поглядим, как ты живешь.

Байгушкин нехотя взял ключи. Филатов заметил, как у того задрожали руки.

Первым в квартиру вошел Байгушкин. За ним — работники милиции.

— Продай! — шагнул Молодцов к Байгушкину. — Так тебе это не пройдет!

За его спиной чертыхался Свягин.

— Лихо работаете, — зло проговорил, выходя из квартиры Молодцов. — Завтра нас уже не было бы в городе.

Киреев в отделе ждал возвращения оперативной группы. Энергично распахнулась дверь. Киреев поднял голову от бумаг: в кабинет входил неизвестный молодой человек, за ним Филатов. В руках он держал чемодан.

— Молодцов, — назвал вошедшего Филатов. — В моем кабинете ждет очереди Свиягин. А это — чемодан потерпевшего с Балахнинского шоссе. — И он поставил чемодан в угол.

Молодцов о своем участии в преступлениях старался не распространяться, о Байгушкине же рассказал немало: и о мошенничестве на улице Козицкого, и об ограблении пассажиров такси на Вокзальной и на Балахнинском шоссе. О квартирной краже Киреев узнал следующее.

Вечером второго июля Молодцов, Свиягин и Байгушкин были на веранде кафе «Нижегородское». Выпили, показалось мало. Решили съездить за водкой к вокзалу. Вышли на площадь, увидели водителя такси Пигалина, сели к нему в машину.

Не успела машина остановиться у подъезда вокзала, как к ней подошел подвыпивший мужчина.

— В город, — открыл дверку и плюхнулся на сиденье.

Ограбив пассажира, компания вернулась к вокзалу. К ним подошел Иванов. Его машина была на стоянке такси. Байгушкин рассказал ему об ограблении, велел поехать по улице Вокзальной, подобрать «спортсмена», отвезти домой, узнать адрес. Иванов поехал, нашел потерпевшего, повез его домой. Компания на машине Пигалина ехала за ним. Видели, как потерпевший с Ивановым вошли в подъезд, вскоре вышли и поехали дальше. Вторая машина не отставала. Когда Иванов оставил потерпевшего у его сестры, они пересели в машину Иванова и поехали грабить квартиру «спортсмена».

На вопрос следователя о том, кто был с ними пятый, Молодцов не ответил.

Свиягин тоже рассказал о грабеже на шоссе Балахна—Заволжье, у «Бурлацкой слободы», на улице Вокзальной, об ограблении квартиры Тимофеева. Рассказывая, выгораживал себя, обвинял Байгушкина. Особенно подробно описал поведение Байгушкина в эпизоде с подростком на улице Козицкого. Киреев уже исписал несколько вкладывшей в протокол допроса, а Свиягин все говорил и говорил. Следователю был понятен его маневр: под видом чистосердечного раскаяния запутать дело, выиграть время, для того чтобы выработать линию поведения на последующих допросах.

— Давайте уточним некоторые детали, — предложил Киреев Свиягину, когда тот выговорился. — Назовите всех, кто с вами был на веранде кафе второго июля.

— Дайте припомнить. — Он начал загибать пальцы на левой руке: — Байгушкин, потом Молодцов, этот, как его? Хитрый и я.

— Кто такой Хитрый? — попросил пояснить Киреев.

— Меня с ним познакомили Байгушкин и Молодцов. Как его фамилия, я не знаю. Хитрый и Хитрый, больше его никак не называли.

Что ж, для начала было достаточно и того, что Свягин назвал кличку пятого сообщника. И Киреев перешел к следующему вопросу:

— Вас было пятеро, когда вы везли к ресторану «Бурлацкая слобода» Максимова? Назовите всех.

Свягин назвал себя, Молодцова, Байгушкина, Галанина.

— А пятого я не знаю, — добавил он. — В тот вечер я его видел впервые. Знаю только, что он шофер такси, потому что вез нас.

— Приметы описать можете? Как он выглядит?

Свягин описал приметы.

На следующий день в райотдел снова приехал Филиппов. Киреев доложил ему о том, насколько продвинулось дело. Обсудили каждого из вновь задержанной группы.

Байгушкин полностью изобличался показаниями свидетелей Березанского, Свягина и Молодцова в мошенничестве на улице Козицкого. Показания Молодцова, Галанина и Свягина по грабежу у «Бурлацкой слободы» и квартирной краже были противоречивы. Байгушкин все преступления приписывал им. Они, в свою очередь, все валили на Байгушкина.

Во все требовалось вносить ясность. Преступников должны опознать потерпевшие, нужны были очные ставки. Особые надежды следствие возлагало на Пигалина, Хитрого и неизвестного водителя такси. Но они еще не были задержаны. А личности двух последних нужно было еще устанавливать. Этим с утра занялись работники уголовного розыска.

Пигалина доставили в отдел прямо с работы. Вид у него был растерянный. Он со страхом озирался на стены, словно они грозили обрушиться на него, не знал, куда девать руки. Несмело сел на краешек стула. По всему было видно, что человек вошел в кабинет следователя впервые.

— Кто такой Хитрый? — начал допрос Киреев.

— Хитрый? — переспросил Пигалин. Вопрос следователя прозвучал для него неожиданно. — Хитрый... Так это, наверное, Хитровский, наш шофер. Его все в гараже так зовут.

— Какой у вас заработок? — постепенно подходил Киреев к главному вопросу.

Пигалин ответил.

— Зарабатываете вы прилично.

— Не жалуюсь.

— Не жалуетесь, а на грабеж пошли? — поставил следователь прямой вопрос. — Как это понять?

— Я и сам не понимаю, как случилось. В долгу я перед ними был.

— В каком долгу? Перед кем?

— Перед Хитрым и его компанией, хотя и он с ними не так уж и дружил. В общем, мы оба были в долгу. Угощали они нас накануне. Вот я и повез их на вокзал. А потом такое случилось, что до сих пор опомниться не могу.

Пигалин, никого не выгораживая и не оговаривая, рассказал об ограблении пассажира на улице Вокзальной, как затем вез грабителей вслед за машиной Иванова, когда тот отвозил потерпевшего сначала домой, а затем к сестре.

— Все эти дни вы переживали, мучились, что стали пособником преступной шайки, а в милицию не обратились.

Пигалин вздохнул:

— Боялся, они пригрозили... Да что там — струсил.

— Теперь за трусость придется расплачиваться.

— Помогите мне, — Пигалин встал со стула и весь подался к следователю. — Я же ничего не делал, только вез, куда приказывали...

Перед Киреевым был запутавшийся в чужих преступлениях человек, который искренне переживал, мучился из-за своего проступка.

— Единственное, что я вам могу посоветовать, — сказал следователь, — это обо всем честно рассказать не только на предварительном следствии, но и на судебном заседании. Суд учтет ваше раскаяние.

Кольцо вокруг Байгушкина сжималось. Но и у Киреева прибавилось работы. Он уже физически не в состоянии был с нею справиться. В УВД освободили от других дел Филиппова, и он полностью переключился на расследование преступлений, совершенных шайками Байгушкина и Крылова.

Дни шли в круговерти повторных допросов, очных ставок, опознания личностей преступников, изъятых у них вещей.

По-прежнему продолжал прикидываться невинной овечкой Крылов. На очных ставках он морально давил на свидетелей и соучастников преступлений.

— Ты же за рулем сидел и ничего не видел, — заявил он на очной ставке Бусарину. При этом так выразительно посмотрел на него, что тот не выдержал взгляда, заерзал на стуле и начал отказываться от прежних своих показаний.

Было очевидно, что Бусарин выполняет инструкции, полученные от главаря шайки еще до задержания. Однако в протокол этого не запишешь — выразительные взгляды, ерзание на стуле. И Филиппов прекратил очную ставку, он решил подойти к изобличению преступника с другой стороны, провел очные ставки между Изосимовым и Бусариным, Изосимовым и Сапожниковым, Сапожниковым и Бусариным. Так, шаг за шагом, следовательно шел к цели: ему нужно было выяснить степень участия каждого члена шайки в совершенных преступлениях. Изосимов, памятуя слова Киреева о том, что чистосердечное раскаяние смягчит наказание, на очных ставках ничего не утаивал. Своими показаниями он изобличил во лжи Сапожникова и Бусарина, а те в свою очередь вынуждены были рассказать начистоту все, что происходило в ночь, когда шайку с поличным задержали работники милиции. Они больше никого не выгораживали, не сваливали свою вину на других.

Филиппова интересовала не только роль Крылова в совершенных преступлениях, но и степень участия в них Иванова и Альдякова. На других предыдущих очных ставках они категорично утверждали, что на площади Максима Горького оба оказались случайно, почти одновременно. Требовалось либо опровергнуть их версию, либо подтвердить ее. А для этого необходимо было, чтобы не только Изосимов, Бусарин и Сапожников подтвердили или отвергли участие Иванова и Альдякова в грабежах, но сделал это и Крылов.

На очередном допросе он упрямо заявил, что не собирается менять своих показаний.

И вот еще одна очная ставка.

Ввели Бусарина. Крылов только мельком взглянул на своего сообщника и отвернулся.

Филиппов предложил Бусарину подробно рассказать, где он познакомился с Крыловым, как проводили время. Бусарин молчал, косясь на Крылова. Видно, нелегко ему было набраться смелости и рассказать в присутствии главаря шайки то, что он говорил на допросах и на очных ставках с остальными участниками преступлений. Филиппов его не торопил. Постепенно Бусарин успокоился и начал рассказывать. Крылов делал вид, что не слушает. Но когда Бусарин от ресторанных кутежей перешел к разбойным нападениям на пассажиров такси, он насторожился.

— Слизняк! — зло бросил он Бусарину, когда тот замолчал. Потом передвинул стул поближе к столу и, безнадежно махнув рукой, заявил:

— Ладно, ваша взяла, пишите.

Говорил он долго, часто задумывался, как бы вспоминая отдельные детали, снова возвращался к рассказанному и излагал его иначе. По его словам выходило, что он просто катался в машине, ничего не видел и в ограблении граждан участия не принимал.

— Вас в машине было шестеро, — обратился к Крылову присутствующий на очной ставке Киреев. — Назовите еще раз фамилии.

— Пожалуйста, — начал загибать пальцы на руках Крылов. — Бусарин, Сапожников, он же Стас в перчатках, Изосимов, Иванов, он же Колобок, Альдяков, он же Гаврош, ну и я.

— Иванова и Альдякова вы хорошо знаете? — уточнял Киреев.

— Надежные ребята, не чета этому... — Крылов презрительно посмотрел на Бусарина.

— Какую роль они играли в ограблении и избиении граждан?

Крылов посмотрел на следователя, помолчал и ответил с нескрываемой злобой:

— Попались бы вы им на Звездинке...

Долгонько засиделся в этот день у следователей Крылов. Очные ставки с Изосимовым и Сапожниковым заставили его рассказать все начистоту, без уверток, окончательно прояснить степень участия в грабежах Иванова и Альдякова.

Однако на очных ставках с Сапожниковым, Изосимовым и Бусариным оба они продолжали стоять на своем: в ту злополучную для них ночь они случайно оказались возле машины. В запасе у следователей оставалась очная ставка с Крыловым. Как поведет себя этот матерый преступник? Не откажется ли он от своих последних показаний? Перед тем как свести на очных ставках Иванова и Альдякова с Крыловым, Филиппов и Киреев долго совещались, внимательно изучали показания остальных соучастников преступлений, показания свидетелей, распределили между собой отдельные вопросы.

— Теперь пора, — сказал Филиппов.

И вот конвой вводит Альдякова. За время пребывания под следствием он заметно осунулся, под глазами появились мешки. Непричесанный, плохо умыт. От бывшего франта не осталось и следа. Шаркающей походкой прошел к стулу, медленно сел. На следователей смотрит исподлобья. В поведении, во всей фигуре чувствуется обреченность, но в глазах упрямство. Настаивает на своих прежних показаниях.

При появлении Крылова в кабинете следователя ни один мускул на его лице не дрогнул, он сидел спокойно, разве чуть-чуть распрямился на стуле: смотри, мол, каким молодцом я держусь.

— Гражданин Крылов, — обратился к вошедшему Филиппов, — вот гражданин Альдяков считает, что мы его задержали незаконно. Так ли это?

Альдяков весь подобрался, будто готовясь к прыжку в пропасть, насторожился.

Крылов к этому времени уже свыкся с мыслью, что ему не избежать ответа за содеянное, успокоился и даже обрел дар красноречия.

— Ну, если он считает избиения граждан и грабежи законным делом, — ответил, — то действия милиции в таком случае, конечно, противозаконны.

Если бы в эту минуту в кабинете следователя сверкнула молния и грянул гром, он не произвел бы на подозреваемого такого впечатления, как произнесенные с издевкой слова его собеседника.

— Уберите этого подонка! — выкрикнул, вскакивая со стула Альдяков. — Без него буду говорить.

Крылова увели.

Закончив допрос Альдякова, следователи стали обсуждать тактику процедуры очной ставки Иванова с другими соучастниками преступления. Сошлись на том, что ее нужно начать с Крылова. Разоблачив Альдякова, он тем самым еще раз подтвердил свое участие в преступлениях и теперь вряд ли будет кого-то выгораживать, тем более Иванова. Так и поступили.

Внешний вид, спокойное, независимое поведение на допросе Иванова понравились, видимо, Крылову! Внимательно выслушав легенду своего дружка о злой иронии судьбы, которая сыграла над ним такую злую шутку — привела на площадь Максима Горького как раз в тот момент, когда там появилась милиция, Крылов заявил:

— Не стоит больше запираяться, темнить: нас обложили со всех сторон.

Иванов только вздохнул... и тоже стал рассказывать. Он подробно изложил известные следователям от Молодцова и Свягина обстоятельства ограбления квартиры Тимофеева.

Потом рассказал о последних преступлениях шайки Крылова. Из его показаний кое-что прояснялось, но многое еще предстояло уточнять. Впереди еще не один допрос, не одна очная ставка.

Пока Киреев выполнял эту нелегкую задачу, Филиппов занялся Байгушкиным. Это был, безусловно, самый крепкий орешек. Несмотря на признания Пигалина, Хитровского, Байгушкин отрицал свое активное участие в ограблении квартиры Тимофеева. Дескать, это инициатива Свягина, Молодцова и Иванова, а он был при этом всего-навсего безучастным свидетелем.

— Можете привлекать меня за умолчание, — заявлял он на следствии.

Теперь против версии Байгушкина у Филиппова были показания еще одного свидетеля — Иванова. Оставалось еще раз допросить Свягина и Молодцова. Допросил. Оба показали, что после ограбления квартиры часть похищенных вещей Байгушкин отвез к себе домой, как положенную долю за «труды». Тем не менее на допросах и очных ставках он продолжал стоять на своем:

— Кого вы мне подсовываете? У Свягина и Молодцова со мной личные счеты. Ваш инспектор уголовного розыска сам слышал, как они мне пригрозили, что припомнят.

— Вы забываете о Пигалине и Хитровском, — напомнил следователь.

— Тоже мне свидетели, — ухмылялся Байгушкин. — Первый раз попали в милицию... Они с испугу что угодно наговорят.

Он продолжал также настаивать на том, что в мошенничестве на улице Козицкого не замешан: и юноша, и Молодцов со Свягиным его оговаривают.

— А как вы посмотрите на показания Березанского? — Николай Александрович Филиппов вынул из папки протокол допроса еще одного свидетеля.

— Такого я вообще не знаю.

— Но он-то вас хорошо знает и на очной ставке прямо заявил, что катал вас по городу и что вы на улице Козицкого отобрали у подростка водительские права.

Байгушкин довольно-таки умело разыграл роль честного человека, возмущенного возведенной на него напраслиной.

— Это провокация! — возмущался он. — Я протестую против таких методов ведения следствия. Предъявите мне вещественные доказательства. Только не такие, как чемодан, который ваши сотрудники взяли у меня на квартире.

С чемоданом и в самом деле пока не все было ясно.

Во время допроса на турбазе Галанин дал следующие показания. После ограбления Максимова у «Бурлацкой слободы» вся шайка в полном составе — Байгушкин, Свягин, Молод-

цов и он — на той же машине поехала на Горьковское море. По дороге посадили пассажира, который возвращался из командировки. На шоссе Балахна—Заволжье его ограбили. Чемодан пассажира отвез к себе домой Байгушкин. Это был как раз тот чемодан, который обнаружила на квартире оперативная группа, когда задержала там Молодцова и Свягина, и от которого открепивался теперь Байгушкин. Он утверждал, что к ограблению пассажира на Балахнинском шоссе не имеет никакого отношения.

— Так и быть, — продолжал он, — сознаюсь, я назвал себя старшим инспектором уголовного розыска, чтобы заманить в машину прохожего, именно я предложил ему снять джинсы. Но на Горьковское море мы поехали порознь. На Московском шоссе я вышел из машины, пошел домой. Это может подтвердить и моя жена. Я брал деньги, чтобы уплатить за покупку для дома. А на турбазу я приехал только утром на другой машине.

— Но как же на вашей квартире мог оказаться чемодан потерпевшего? — спросил поставленный в тупик таким поворотом дела следователь.

— А черт его знает, — искренне удивился Байгушкин. — И сам ломаю над этим голову. Не иначе, его принесли с собой Молодцов и Свягин.

Положение осложнялось. Если жена Байгушкина подтвердит его алиби, тогда придется искать не только водителя, но и еще одного грабителя: потерпевший утверждает, что в машине, кроме водителя, было четыре пассажира и действовали все заодно.

Конечно, Галанин, Свягин и Молодцов независимо друг от друга показывают на Байгушкина, но может быть и такой вариант: кого-то они не хотят называть, а тут подвернулся Байгушкин — его и подставили.

Ситуация складывалась запутанная. И чтобы ее распутать, мало допросить жену Байгушкина. Нужен водитель такси — пятый соучастник преступления. Вот уже почти две недели работники уголовного розыска тщетно ищут в таксомоторных парках города шофера, сходного по приметам, описанным Свягиным, с шофером, который возил преступную шайку к «Бурлацкой слободе», а затем на Горьковское море.

А у следователей своя задача — допросить жену Байгушкина, а на квартире провести обыск. Возможно, там удастся что-нибудь найти.

Из показаний жены Байгушкина выходило, что ее муж заходил домой за деньгами днем раньше, чем были совершены

разбойные нападения у «Бурлацкой слободы» и на шоссе Балахна — Заволжье. Алиби Байгушкина опровергалось. Чтобы убедиться в этом еще раз, Филиппов задал уточняющий вопрос:

— А в пятницу муж ночевал дома?

Женщина внимательно посмотрела на Филиппова, некоторое время поколебалась, выдавать или не выдавать семейные тайны, и, решившись, ответила:

— Нет. В последнее время поссорились мы с ним...

Почти весь остаток дня работники милиции обследовали квартиру Байгушкина. В одном месте нашли чемодан, в другом — портфель, под обоями за плинтусом — диплом об окончании вуза. Все это было похищено у Тимофеева при ограблении квартиры. Еще и еще раз просмотрели все щели, обстучали все стены, но улик, изобличающих Байгушкина в мошенничестве на улице Козицкого, не обнаружили.

Дело Байгушкина во второй раз сдвинулось с мертвой точки. Следователь мог предъявлять обвинение Байгушкину еще по трем преступлениям. Он уже имел веские доказательства вины подозреваемого как в ограблении пассажира такси на шоссе Балахна—Заволжье, так и в преступлениях, совершенных им на улице Вокзальной и на квартире Тимофеева. Он уже собирался вызвать Байгушкина на допрос, но в кабинет вошел Филатов с неизвестным молодым мужчиной. Это был водитель такси Землянухин.

Пожалуй, рассказ Землянухина о своих переживаниях занял больше времени, чем сам допрос. Землянухин чистосердечно раскаялся в том, что предоставил в распоряжение преступников не только государственную машину, но и себя, позволил Байгушкину и его сообщникам помыкать им. Он во всех подробностях рассказал об ограблениях у «Бурлацкой слободы», на Балахнинском шоссе. На вопрос следователя, как они там оказались, Землянухин без колебаний выложил, что вся компания — Байгушкин, Свиягин, Молодцов и Галанин — поехали на Горьковское море, на турбазу, по дороге ему, Землянухину, велели взять пассажира и ограбили его.

Байгушкин под тяжестью улики вынужден был признаться и в ограблении пассажиров на шоссе Балахна—Заволжье и на улице Вокзальной и в своем участии в квартирной краже. Таким образом, ему были предъявлены обвинения по четырем из пяти преступлений. Пятое — мошенничество на улице Козицкого — он продолжал отрицать, неизменно твердя:

— Предъявите мне вещественные доказательства. Ведь обыск на квартире вы уже проводили — ничего не нашли?

В управлении Филиппову уже несколько раз напоминали, что сроки на исходе. И вот он опять на докладе у руководства. Выслушали внимательно.

— Требуется вещественных доказательств?— переспросил начальник следственного управления.— А вы представьте их. Филиппов молча посмотрел на начальника.

— Вы правильно меня поняли. Ищите документы у него дома. Не мог он их выбросить, не для того отнимал.

Такого тщательного обыска Филиппов еще не проводил. Были исследованы не только стены, мебель, холодильник и телевизор, был исследован каждый квадратный сантиметр пола. Водительские права, технический паспорт на автомобиль и талон предупреждения были обнаружены в ванной комнате, под линолеумом, в углублении в полу.

Прошло еще немного времени, и преступники предстали перед судом. Каждый получил по заслугам. Понесли наказание и водители такси Хитровский, Пигалин и Землянухин. Учитывая то, что они ранее не были судимы и в совершении преступлений выполняли пассивные роли— предоставляли преступникам автомобили,— суд приговорил их к исправительным работам с вычетом 20 процентов заработной платы. Но они могли бы не оказаться на скамье подсудимых, если бы честно выполнили свой гражданский долг и своевременно сообщили о преступной шайке в органы милиции.

Тихо опускается над городом вечер. То тут, то там мигают приветливые огоньки такси. Горьковчане безбоязненно пользуются их услугами.

Г. Фокин, П. Винницкий

ТРИ ДНЯ ИЗ ЖИЗНИ АЛЕКСАНДРА ФРОЛОВА

В СУББОТУ ВЕЧЕРОМ...

Звонок раздался в 17 часов. Несколько секунд Фролов слушал, потом напористо и протестующе произнес:

— Опять! Сколько можно предупреждать, чтобы девчонки не ставили замки на «щелкунчик»...

Из трубки прорывался взволнованный женский голос. До сада морщила лицо Александра.

— Ну хоть кто-нибудь что-нибудь заметил? Что ты сказала? Повтори! Пальто черное? На голове белый платок? Волосы светлые? Высокая? А сапоги, сапоги какие? Никто не заметил? Ну ладно, Галя, через полчаса будем.

Александр кинул трубку на рычаг. Кража, и опять в общежитии. На секунду задумался: «Ну-ка, посмотрим на один портретик». Он перелистал альбом с фотопортретами судимых. Ага, вот она, «красавица». Названные приметы совпадают с приметами этой особы. За ней пять краж, две судимости. Только что освободилась. На работу не устроилась, а жить на что-то надо. Вот и адрес ее нашелся. Очень возможно, что он сегодня пригодится. И портрет тоже. Все. Пора ехать.

Вместе с Фроловым выехал инспектор профилактики старший лейтенант Игорь Евгеньевич Серов.

Операция начала отсчитывать свои первые минуты.

«Уазик» остановился у освещенных окон общежития. Милицию ждали с нетерпением. Воровка унесла почти весь гардероб девчонок: шерстяные кофты, отрезки на платья, зимнюю шапку, варежки, дорогой плащ, деньги... Девушки еще не пришли в себя от потрясения. Деревянными голосами они перечисляют похищенное. Но сейчас самое главное—выяснить все, что запомнилось жильцам и работникам общежития в облике незнакомки. Пришла она в общежитие с одной сумкой — маленькой узкой, бордовой, ушла с двумя — с этой и еще с большой желтой. Высокая, с узким лицом. Браво, женщины! Если бы вы еще обратили внимание, какие сапоги были на незнакомке... Никто не заметил? Жаль. Фролов достает фотографии. Может быть, кого-нибудь узнаете? Может быть, эта?

Все женщины отрицательно качают головами. Нет, ничего похожего! На снимке — юная, симпатичная особа, а в общежитие заходила усталая женщина лет тридцати пяти.

Ничего удивительного, что и не узнали. С того дня, когда сделали снимок, прошло два года. Трудно поверить, что они могут неузнаваемо изменить облик 24-летней женщины. Но это так. Фролов сам видел ее, когда она после освобождения пришла в милицию, чтобы встать на учет. Вот тогда-то профессиональная память зафиксировала все ее приметы до мельчайших подробностей. Сменить одежду ей не на что — не работает она. Так что надо искать именно ее: высокую, с узким лицом, одетую в черное пальто и белый платок.

Решение принято. Немедленно в Доскино.

Дома преступницы не оказалось — ушла в гости. Перепугалась при виде работников милиции пожилая женщина с крошечным младенцем на руках, два подростка смотрели округлившимися от любопытства глазами.

В осторожном, мягко двигающемся по комнате человеке трудно было узнать того Фролова, который стремительно летал по кабинету, готовясь к поездке на место происшествия. Это был другой человек. Он и тогда работал. Но сейчас все было в ином ритме. Цепким взглядом медленно, вещь за вещью осмотрел все. На самом видном месте красовалась... бордовая сумочка, очень похожая на ту, которую описали женщины из общежития. А желтая сумка? Где она? В этой комнате трудно что-либо спрятать. Значит, она в другом месте. «Такие обычно на мелочах попадаются», — бормочет себе под нос инспектор.

Но и мелочей нет.

Открывается дверь, входит женщина. Она медленно вешает черное пальто на гвоздь, белый платок падает на ее плечи.

Фролов секунду смотрит в ее застывшие глаза. Потом тихо и раздельно произносит:

— Где вещи? — Александр подается вперед. Некуда деться от его взгляда.

Женщина медленно разлепляет губы, отводит глаза:

— В камере хранения. На Московском вокзале.

— Номер и шифр!

— 1261, шифр — А255.

...Несколькими часами позже Фролов бросит желтую сумку, туго набитую вещами, на сиденье машины и скажет:

«В общежитие, обрадуем девчонок».

А сейчас он снова на сиденье «уазика». В угол забились женщина с потухшими глазами.

— У кого украла? — вслух думает Фролов. — У девчонок, которые нажили это собственным трудом... Они здесь без отца, без матери... — Горечь и презрение в его словах.

Серов взглянул на часы: «Вот и все. Прошло два часа».

ИЗ БЕСЕД

С АЛЕКСАНДРОМ ФРОЛОВЫМ

Говорить честно? Все как есть? Мечтал с детства о работе сыщика? Нет! Поработал после школы на автозаводе. Потом армия. После армии опять на завод. Как созрел для милиции? Повнимательнее посмотрел на жизнь: много еще безобразия, хулиганства. В 1972 году пришел в Автозаводский отдел внутренних дел, рядовым.

Как я понимаю смысл своей профессии? Вопрос непростой. Я на него отвечаю так. Я помогаю возвращать государству добро, человеку — его честное имя, его имущество. Я охраняю здоровье и жизнь граждан. Разве этого мало? Были ли какие благодарности от людей? Когда слышишь «Спасибо!» — это уже много. Ничего больше не надо.

БАЛКОН НА ДЕВЯТОМ ЭТАЖЕ

Жалобы на разбушевавшихся семейных дебоширов — дело обычное. Сигнал с улицы Каланчевской был особый и требовал немедленного вмешательства — до беды недалеко. Пьяный отец семейства грозился зарубить жену и своих двух маленьких дочерей.

Около двери злополучной квартиры столпились взволнованные соседи. Они-то и позвали на помощь.

— Откройте, милиция!

Из-за двери — грязная брань и обещание расправиться со всяким, кто сунется.

Александр Фролов прибыл сюда вместе со своими внештатными помощниками. Как быть? На решение — считанные минуты. А они уже начали свой стремительный бег. Трагедия может совершиться в любой миг.

Ломать дверь? Наверняка попадешь под топор хулигана. Значит...

— В общем, так, ребята, барабаньте в дверь — отвлекайте. А я попробую через балкон, — распорядился Фролов.

И он пошел, не теряя драгоценных мгновений.

Из соседней квартиры осторожно перебрался на нужный балкон. Так... балконная дверь заперта на один нижний шпингалет. Штора отодвинута, через стекло все видно. Мерцает экран телевизора. На диване тесно прижала к себе двух маленьких девчушек женщина. А он — с топором.

— Откройте! — стучит в стекло Фролов.

Человек с топором, конечно, видит, что это работник милиции. И тут же реагирует: шторы задерживаются.

Ах, так! Ну, мерзавец, мы еще поговорим! И Фролов решил. Удар ноги. Шпингалет выскочил, Александр в комнате. Под ноги ему бросается обезумевшая девочка, младшая. Еще миг — и лезвие топора опустится на спину ребенка. Фролов с силой толкает рукой малышку в сторону. «Ничего, обдерешь коленки — заживут». А другая рука уже навстречу человеку, который пока еще не стал убийцей. Пока еще не стал! Стрелять? Нельзя. Здесь дети. Под руку попадает легкий венский стул. Фролов бросает его в обезумевшего хозяина квартиры. Тот увертывается, и стул об стену разбивается вдребезги. Дважды стремительный топор почти настигает Фролова. Третий взмах! Фролов срывает с себя шапку и бросает в слепое бессмысленное лицо. Секунды замешательства. Этого достаточно, чтобы перехватить инициативу. А дальше уже просто. Дальше — отработанный прием самбо. Когда ворвались в квартиру люди, человек, едва не ставший убийцей, уже лежал на полу.

...На суде жена этого дебошира, совершенно замордованная мужем женщина, увы, пыталась облегчить участь подсудимого. Тут и судья не выдержал:

— Вы скажите спасибо вот этому молодому человеку. — Он показал на Фролова. — Если бы не он, не знаю, смогли бы мы сейчас разговаривать с вами в этом судебном заседании. Да и дети... Понимаете о чем я говорю?

ИЗ БЕСЕД С АЛЕКСАНДРОМ ФРОЛОВЫМ

Что я тогда думал? Не помню. Что чувствовал — помню. Я очень люблю детей, у меня своя дочка растет. Не мог я тогда уехать. А дети? Я бы не простил себе, если бы с ними что-нибудь случилось.

Часто ли приходится применять приемы самбо? Бывает. Без этого в нашей работе не обойдешься. Знаком ли страх? Я вот какую историю расскажу. Вызвали нас на место проис-

пешствия — кража из киоска. Подъезжаем, а оттуда — парень с ломом. Среди нас был новенький. Он упал в обморок. В буквальном смысле. На следующий день подал рапорт на увольнение.

Вот с таким чувством страха в милиции делать нечего. Не уметь поддаваться страху, трусости — это наша служебная обязанность.

ЗОЛОТАЯ СЕРЕЖКА

Собрали оперативную группу около 6 утра. Тяжкое преступление против чести женщины. Старший инспектор уголовного розыска Никандр Иванович Мясоедов, инспектор уголовного розыска Александр Фролов, следователь прокуратуры Алексей Сергеевич Кириянин были на месте происшествия через полчаса. Пустырь. Здесь кричи не кричи, никто не услышит. При свете яркого августовского утра осмотрели каждую пядь земли, каждый клочок. Ничего. Никаких улик. Никаких следов. Что известно о преступнике? Ничтожно мало, августовская ночь темная: ни лица, ни одежды не разглядеть. Грозился убить. Имел наглость назначить потерпевшей на автобусной остановке свидание. И еще: унес с собой золотую ее сережку. Сказал, глумясь: «На память».

Операция по поимке преступника была разработана немедленно. Неотступно следовать за женщиной. Охранять ее. Не исключена возможность, что этот мерзавец попытается действительно встретить ее еще раз. Вот на это и рассчитывали. Сказали ей: «Надо идти».

В первый вечер женщина просидела на месте назначенного свидания почти до часу ночи. Она знала, что ее охраняют, но ей и в голову бы не пришло, что вот эта молодая пара или те оживленные грибки — ее охрана.

Второй вечер, третий... четвертый... пятый... И все понапрасну — преступник не появлялся.

На шестой день Фролов пришел к Мясоедову.

— Никандр Иванович, зря ходим. Он другую жертву ищет. В другом месте.

— Давай попробуем еще. Последний раз. Сегодня она как раз идет в ночную.

...Две молодые пары на небольшом расстоянии друг от друга следовали в одном направлении. Ни дать ни взять — влюбленные.

А несколько поодаль впереди — одинокая женская фигура,

напряженную спину которой все четверо держали цепким взглядом.

И вдруг — истощный крик. И грубая угроза: «Молчи, прирежу!»

— Останься на месте, — едва успел бросить Фролов своей спутнице.

В несколько прыжков он очутился около того, кто напал на женщину. Тут же в борьбу включился товарищ Фролова участковый инспектор лейтенант Валерий Козунов.

— Это тот!

— Вы ответите! — яростно хрипел задержанный. — Я работник милиции. Немедленно отпустите.

— Милиция-то как раз на месте!

Преступника вели до опорного пункта, надежно придерживая с обеих сторон.

Когда им повстречалась группа молодых ребят, преступник рискнул испытать последний шанс.

— Эй, парни! — кричал он. — Меня ни за что взяли! Я не виноват!

— Если хоть один подойдет, пеняйте на себя! — сурово сказал Фролов...

— Ничего не знаю. Никого не трогал, — отвечал на допросе задержанный.

— Постараемся доказать, — спокойно ответили ему.

Преступник не знал, что завтра в его доме найдут золотую сережку, ту, которую он «взял на память». Висела на рюмочке в серванте. Она-то и послужила свидетельством его виновности.

ИЗ БЕСЕД

С АЛЕКСАНДРОМ ФРОЛОВЫМ

Звание — лейтенант. Коммунист. Окончил заочно Московскую специальную среднюю школу милиции. Учиться дальше? Обязательно буду — плох тот солдат, который не мечтает стать генералом.

Начинал с рядового Автозаводского отдела внутренних дел, теперь — инспектор уголовного розыска. Моим первым наставником был Никандр Иванович Мясоедов.

В уголовном розыске два года. Сменить профессию? Не для того я ее выбирал.

Самое главное в нашей работе — это то, как ты относишься к людям. Если ты им не доверяешь, а они тебе — ноги собьешь,

а ничего не сделаешь, ничего не узнаешь. Помните, со старушкой я при вас долго разговаривал? Вроде бы все ясно: не по адресу пришла. Облигации сын-пьяница взял. Она это знает. Сын умер, спросить не с кого. Она ко мне за советом, а я ей — два слова. А если мне еще придется с ней встретиться? Как я с ней разговаривать буду? Я ее обидел, а она пришла домой и рассказывает всем своим знакомым: «Если что случится — в милицию не ходи». Могу я допустить такое? Нет.

О. Касьянова

КАК ЖИВЕШЬ, ЛЕЙТЕНАНТ?

»

— Это правда, Юрка, или ребята меня разыграть решили?

— А что, думаешь, не получится?

— Откуда мне знать? Только непривычно как-то: ты — и вдруг милиционер...

— Привыкай. Третий день форму ношу...

Да, для многих ребят с «Красного Сормова» это была прямо-таки неожиданная новость: Юрий Макарычев, один из лучших сварщиков бригады Героя Социалистического Труда Вячеслава Пайщикова, специалист, как говорится, от бога, без пяти минут мастер, пошел работать в милицию! Впрочем, не это даже удивило сормовичей. По натуре Юрий — флегматик, слова лишнего от него не добьешься. Посмотришь на него: добряк парень, мухи, кажется, не обидит. Его даже в секции борьбы, которую он посещал во время учебы в техническом училище, поругивали за это: мол, спортивной злости тебе не хватает.

А вышло все так. Вызвали как-то Макарычева в партком и говорят:

— Попросили нас направить несколько крепких парней на работу в милицию. Судили-рядили мы и остановились на твоей кандидатуре. А что? Молодой коммунист, дружинник, спортсмен. Армия за плечами. Рабочую школу прошел. Конечно, и нам жалко такими кадрами разбрасываться, но не бездельников же посылать на эту службу. Сам, наверное, понимаешь — работа в милиции серьезная. Словом, так: думай, советуйся, а решишь — будем тебя рекомендовать...

Что правда, то правда: в новенькой форме Макарычев выглядел настоящим богатырем. Идет по улице — прохожие оглядываются: такой молодец любого хулигана за просто скрутит. Да и начальство, судя по всему, ценило в новом сотруднике прежде всего его физические данные — посылали Юрия обычно на самые «горячие» дела. И он, выслушав очередной приказ, молча козырял и ехал выполнять трудную, порой опасную милицейскую работу.

Был Юрий сварщиком, до этого ремонтом станков занимался, лекальщиком успел поработать. И везде считался отличным специалистом. А вот милицееское дело поначалу давалось ему трудно. Порой, возвращаясь со службы домой, когда диктор Центрального телевидения напоминал о позднем времени и просил уменьшить звук телеприемников, Макарычев с грустью вспоминал о заводе, о своей бригаде и думал: а может, пока не поздно, написать рапорт? Поработал, дескать, и понял: не по Сеньке шапка, отпустите обратно...

И, возможно, вернулся бы Юрий в свой цех, если бы вскоре не произошел такой случай.

Однажды вечером, в выходной, встретил он на улице запаканную пожилую женщину.

— Только что налетели двое... Сумочку выхватили... А там — пенсия... — бессвязно рассказывала она нескольким случайным прохожим.

Макарычев не стал задавать пострадавшей лишних вопросов — ему и так все было ясно. Быстро прошелся по улице, свернул на другую и на безлюдной трамвайной остановке увидел двух рослых парней, торопливо потропивших сумку. Они, догадался Юрий.

Наверное, молодой милиционер действовал не совсем по инструкции: в один момент скрутил обоим руки их же ремнями и на попутной машине доставил в райотдел. А через несколько минут привез туда и потерпевшую.

— Кто же ты, сынок? — спросила она потом Макарычева. — Одет в гражданский костюм, а бандитов этих умирал как настоящий милиционер.

— Да какой я милиционер? С завода я, с «Красного Сормова», — почему-то солгал Юрий.

Между прочим, неугомонная старушка побывала и на заводе, рассказала в цехе, где работал Макарычев, о том, как он «спас ее от бандитов». А потом разыскала его в райотделе.

— Что же ты скрываешь правду? — упрекнула она Юрия. — Оказывается, тебя народ послал в милицию работать. Хорошо ты работаешь. Я так и сказала в заводе...

Через год услышал на одном из разборов такие слова. Макарычев несет службу грамотно, проявляет оперативную смекалку, располагает необходимыми для работы правовыми знаниями. Имеет несколько поощрений. Достоин выдвижения...

К тому времени Юрий успел поступить на заочное отделение Московской специальной средней школы милиции и, действительно, чувствовал себя в роли часового порядка гораздо увереннее. Когда его назначили участковым инспектором,

прежде всего зашел на завод, к своим ребятам, поделиться новостью: расту, мол, понемногу. Уже вроде бы как бригадиром стал. Две звездочки на погонах...

Сотни домов — новых многоэтажных и видавших виды, доживающих свой век деревянных построек, расположенных на улицах Культуры, Чугурина, бульваре Юбилейном и других, — такой был участок у Макарычева. Не сказать, чтобы очень уж трудный, но работы хватало. И хотя Юрий Леонидович быстро освоился в новой должности, помог раскрыть несколько опасных преступлений, получил ряд поощрений от руководства райотдела, внутренне он чувствовал неудовлетворенность своей работой. Коль случаются у него ЧП, выходит, неважно еще он знает свой участок, людей, которые рядом живут. Значит, где-то он недорабатывает, значит, нужно искать новые формы работы.

...Вечером в опорном пункте правопорядка, как всегда, собрались члены совета общественности, товарищеского суда, руководители территориальной добровольной народной дружины. Тема разговора хоть и не новая, но актуальная — борьба с пьянством. Спорят общественники до хрипоты, самые фантастические предложения вносят. А Макарычев сидит за столом, молча читает какие-то бумаги.

— Ты что, Леонидович, словно воды в рот набрал? Разве тебя не касается это дело? — не выдерживает кто-то из присутствующих. — Что будем делать с выпивохами?

— А что вы сами предлагаете?

— Высылать их всех надо из города — вот что!

— Так уж и всех? А чем же тогда мы с вами будем заниматься? — шутит Макарычев. — Ну, а если говорить серьезно, то работы здесь хватит. Злостные алкоголики и нарушители у нас на учете, а вот тех, кто потихоньку в квартирах пьют да потом жен своих по углам гоняют, мы знаем не всех. А знать обязаны, потому что сегодня они дома свой нрав показывают, а завтра могут и на улицу выйти. Зачем же ждать происшествия — нужно поработать с ними...

Чего только не придумывал участковый вместе со своими многочисленными помощниками! То организует для любителей «зеленого змия» беседу врача о вреде алкоголя или встречу с человеком, вернувшимся из лечебно-трудового профилактория. То устроит общественный суд над так называемыми семейными скандалистами или попросит жителей дома самим разобрать жалобу не поладивших между собой соседок. И добился-таки своего: семейных хулиганов на участке значительно поубавилось, да и пьяниц меньше стало. Но вот что удиви-

тельно: заявлений Макарычеву стало поступать еще больше. «Секрет» раскрылся скоро. Оказывается, раньше чуть что случится — люди жалобы или в райотдел или в райисполком посылали, а сейчас в опорный пункт идут, непосредственно к участковому обращаются. И хоть не очень веселое это дело — соседей мирить, непутевого мужа на путь истинный направлять или, скажем, разбирать в общем-то пустяковое дело «о разбитии мальчишками стекла в двери подъезда» (бывают и такие заявления), — Юрий Леонидович радуется. Свыше трехсот заявлений рассмотрел он за год. А раз идут к нему люди, значит, уверены, что он поможет. Значит, почувствовали в нем настоящего хозяина участка. А это, пожалуй, лучшая оценка работы участкового.

Подводят итоги социалистического соревнования среди участковых инспекторов — у Макарычева обязательно призовое место. Лучший процент раскрываемости преступлений опять же у него. Шутят товарищи:

— Тебе, Юра, на участке делать нечего: тишь да гладь... Можно или роман детективный садиться писать или учиться поступать. Времени достаточно.

Сочинительством Макарычев заниматься не собирается. А вот учиться решил твердо — в Высшей школе МВД. Первого сентября повел дочку в первый класс. По дороге пообещал: «Скоро вместе будем над книжками сидеть — я тоже в школу хочу поступить». Только вот где время на все найти: работа, нелегкие обязанности партгрупорга, да и со спортом расставаться пока не хочется. А что касается тишины на участке — то она ведь тоже обманчивой бывает...

Загулял как-то В. Седов. Человек неглупый, семьянин вроде бы неплохой. И вдруг — работу бросил, чуть ли не каждый день его пьяным видят. Встретил его Юрий Леонидович, попытался поговорить:

— Что у вас за праздник каждый день? Денег-то хватает на вино?

— У тебя занимать не собираюсь. И вообще ты, участковый, в душу ко мне не лезь. Порядок не нарушаю, а что пью — мое дело...

Говорили с Седовым — и не раз — члены совета общественности. Безрезультатно. Кто-то вгорячах посоветовал участковому не ломать голову, а оформить материал о направлении пьяницы в лечебно-трудовой профилакторий. Юрий Леонидович категорически отказался:

— Это дело не хитрое. А давайте все же попытаемся помочь человеку своими силами. Иначе что же у нас получится:

целый отряд активистов — и одного непутевого не сумели поставить на ноги...

Легко сказать — поставить на ноги. Что же — за руку бездельника на работу вести или пост специальный у пивной выставлять, чтобы не допускать туда Седова?

Не день и не два вырабатывали общественники вместе с участковым тактику «наступления». И нашли ее. Кто-то из добровольных помощников Макарычева узнал, что Седова несправедливо обвинили на работе в краже инструмента. Как ни доказывал он свою непричастность к случившемуся, к нему прилип ярлык жулика. Седов, как говорится, насмерть разругавшись с начальством и разуверившись в справедливости, бросил работу и начал с горя пить. Через неделю обнаружили истинного виновника ЧП на заводе, но начальник цеха не считал нужным извиниться перед оскорбленным человеком. Сделать это убедили его члены совета общественности.

Пригласили Седова в цех и в присутствии всех сняли с него незаслуженное обвинение. С тех пор человека словно подменили — начал опять трудиться, о выпивках забыл.

Вот ведь как в жизни бывает. Добившись успехов в службе, Макарычев... заскучал. Все чаще и чаще высказывал он товарищам желание перейти на оперативную работу. И в конце концов ему пошли навстречу.

...Начальник райотдела даже не пытался скрывать своего настроения:

— Второй день заканчивается, а мы все копаемся с этим делом. Почему до сих пор преступник не задержан?

Что мог ответить на это Макарычев? И он сам, и все члены оперативной группы не знают, как говорится, ни сна, ни отдыха. Шутка сказать — побывать в десятках домов, встретиться с сотнями людей, проверить тех, кто состоит на учете в милиции. Вроде бы и зацепили ребята ниточку, но в последний момент она оборвалась. Вот как это случилось.

Лейтенанту стало известно, что около дома, в котором было совершено разбойное нападение на пожилую женщину, видели некоего Никитина. Причем видели вскоре после нападения. Проверили подозреваемого — характеризуется не лучшим образом, путается в объяснениях, вроде бы что-то скрывает. А тут еще кто-то из оперативников обратил внимание на пятно крови на куртке Никитина. Данные экспертизы свидетельствовали о том, что кровь той же группы, что и у пострадавшей. Показали Никитина сестре раненой женщины (сама она нахо-

дилась в больнице в тяжелом состоянии). Та, едва взглянув на парня, безразлично махнула рукой:

— Он и есть, ирод...

И все же что-то не давало покоя Юрию Леонидовичу. Уж слишком не мотивированным был дикий поступок Никитина — ни за что, ни про что поднять нож на беззащитную женщину. И хотя в практике работы всякое случалось, Макарычев решил параллельно проверить и другую версию, по которой преступником мог быть квартирант сестер-старушек.

...Разбудить спящего квартиранта оказалось делом нелегким. Он смотрел на оперативников бессмысленным взглядом, тянул на себя одеяло и никак не мог взять в толк, что хотят от него эти незнакомые парни.

— Пьян в стельку, — заметил один из членов опергруппы.

— А больше ничего не увидел? — спросил Макарычев. — Смотри: у него кровь на рубаше!

Утром проспавшийся квартирант, не зная, куда деть дрожжащие руки, растерянно объяснял:

— Не знаю, как это получилось... Пришел домой пьяный, стал просить у старушек денег. А они меня — ругать... Ну, я и схватился за нож...

А как же показания главного свидетеля — сестры пострадавшей? В процессе расследования выяснилось, что запуганная женщина побоялась назвать имя настоящего преступника, мол, он и меня может ножом пырнуть...

Разумеется, перед Никитиным пришлось извиняться. А Макарычев сделал для себя вывод — никогда не спешить с заключениями, внимательно относиться к любым мелким фактам и случайностям. Вот и сейчас едва не пошли по ложному следу. Оказалось, что кровь на куртке от случайного пореза, когда Никитин брился. И то, что в день преступления он проходил мимо того дома — тоже случайность.

И в этом, и в других случаях лейтенанту очень помогало хорошее знание обслуживаемой им зоны, ну, а главное — людей: и тех, которые могли помочь в розыске, и тех, кто был склонен к правонарушениям.

Иногда, едва узнав о каком-либо преступлении, Юрий Леонидович говорил товарищам:

— Давайте проверим такого-то...

— Но почему именно его? — возражали оперативники. — Вроде бы никаких данных подозревать его нет...

Надо сказать, в большинстве случаев интуиция не подводила лейтенанта. Шутили ребята:

— Ты как Шерлок Холмс — заочно преступника находишь.

Будем тебя в стенгазете критиковать за то, что секретами своими не делишься...

Между прочим, как раз секретов-то у лейтенанта и не было никаких. Если, конечно, не считать главного — оперативного мастерства.

Утро выдалось хмурое, ветреное. «Займусь сегодня бумагами. А то уже скоро сейф закрываться не будет,— подумал по пути в райотдел Юрий Леонидович.— И погода, кстати, такая, что на улицу не хочется выходить...»

Увы, в работе оперативника часто бывает так: планируешь одним делом заняться, а тебе поручают другое, более срочное.

На этот раз была квартирная кража. Незвестный преступник среди белого дня (время кражи было установлено точно) забрался в квартиру Поликарпова, по-хозяйски отобрал все самое ценное: редкие книги, костюмы, пальто—и спокойно ушел. «Работал» он уверенно, не спеша. Чувствовалось, что хорошо знает, где что лежит, когда приходят хозяева. Но удивительное дело: пострадавшие утверждали, что среди их знакомых жулика нет. Мол, все, кто бывает у них,— люди порядочные.

— Одного такого «порядочного» я все-таки проверю,— заявил на оперативном совещании Макарычев.— Есть у меня на примете один парнишка, он, кстати, частый гость у Поликарповых.

— Это кого же ты имеешь в виду?— спросил руководитель группы.

— Девятова.

— Вряд ли,— безнадежно махнул рукой майор.— Уже проверили. У парня есть алиби, да и трудно предположить, чтобы он к своим друзьям мог забраться. Это же надо быть абсолютным подонком! Словом, на него у нас ничего нет. Другого надо искать...

— А пальчики? Этот Девятков везде свои следы оставил...

— Ничего удивительного. Ты ведь, когда в гости к кому-нибудь приходишь, не сидишь сложа руки? Вот и Девятков твой: смотрел книги в шкафу, за ручки дверей хватался. Может, и чай с хозяевами распивал... Впрочем, проверить, конечно, надо. Но главное — вещи найти...

Оперативники продолжали поиск, а Макарычев, получив разрешение, проверял свою версию. Поставив на ноги весь свой актив, он скрупулезно собирал улики. Кончилось это дело для многих неожиданно: Девятков принес украденные вещи и сознался в совершении преступления.

К многочисленным поощрениям Юрия Леонидовича Макарычева добавилось еще одно.

...Стекаются людские ручейки к проходной «Красного Сормова». Идут на работу и члены известной на заводе бригады, в которой начинал свою трудовую биографию Юрий Макарычев. Часто он специально поджидает их на улице, чтобы перемолвиться несколькими словами, узнать заводские новости. И, как обычно, между ними происходит такой полусутольный разговор:

— Как живешь, лейтенант? Не собираешься в бригаду возвращаться?

— Рано, ребята. Пока еще не все ваши наказы выполнил...

Ф. Матвеев

СТАРАТЕЛЬ

«СОЛЕНЫЙ» ШОКОЛАД

Миронов закрыл папку, устало откинулся на спинку стула, посмотрел на часы. 17.54. Итак, улики достаточно. По крупичкам собирал он материалы, проверял, перепроверял, отделяя главное от второстепенного, отсеивал ненужное. Улики выстраивали уголовное дело. Можно передавать его следователю. Размышления Миронова прервал телефонный звонок. Срочно вызывал к себе начальник ОБХСС Иван Васильевич Кустов. У него в кабинете уже собрались все коллеги Миронова.

— Вынужден ломать ваши планы на вечер,— встал из-за стола Иван Васильевич.

В наступившей тишине под кем-то ворчливо скрипнул стул, кто-то вздохнул безнадежно.

— Сегодня в связи с переоценкой шоколада, кофе, какао,— продолжал Кустов,— в магазинах пищеторга после их закрытия будет проведена инвентаризация. Безусловно, взять под наблюдение все магазины у нас не хватит сил, да в том и нет особой надобности. Но вот этими поинтересоваться нужно обязательно.— Кустов назвал номера магазинов.— Сегодня во второй половине дня в них завезли шоколад «Бабаевский».

Один из магазинов Сормова достался и старшим инспекторам Геннадии Миронову и Виктору Ершову.

...Торговля в магазине, как всегда в вечернее время, была бойкой, и Миронову не составляло большого труда затеряться среди покупателей. Правда, в кондитерском отделе народу было не особенно много: как и вчера, и позавчера, и десять дней назад. И хотя шоколад «Бабаевский» пользовался спросом, его брали немногие. По плитке, по две. За десять минут Миронов насчитал всего четырех покупателей, которые в общей сложности купили всего шесть шоколадок. Потом Миронова сменил Ершов, Ершова — дружинники. До самого закрытия магазина кондитерский отдел был под пристальным наблюдением работников милиции и их добровольных помощников.

На следующий день утром, лишь только открыли магазин, Миронов и Ершов зашли к заведующей.

— Переоценкой интересуемся, — представившись, объяснили цель своего визита.

Заведующая представила им необходимые документы.

Проверили накладные, акты инвентаризации и переоценки. Сопоставили цифры. Невероятно: за полдня торговли в магазине, если верить документам, раскупили более чем на четыре тысячи рублей шоколаду! Возможно ли такое?

— Ничего удивительного, — нисколько не смутившись, отреагировала на удивление работников ОБХСС заведующая, — «Бабаевского» давно не привозили, вот и брали люди.

Но инспекторам-то было хорошо известно, как брали. Больше им пока в магазине делать было нечего. Для того чтобы уличить заведующую в обмане, не было доказательств. Результаты вчерашних наблюдений — это только информация к размышлению.

Миронов чувствовал, что от переоценки ушла крупная партия товара, но как доказать это?

В райотделе, прежде чем идти с докладом к Кустову, зашли в кабинет Миронова. Миронов взял чистый лист бумаги и углубился в расчеты. Ершов с любопытством наблюдал, как на листе росли колонки цифр.

— Интересная картина! — Миронов подал листок с расчетами Ершову. — Если бы продавец обслуживал в минуту минимум четырех покупателей и отпускал только шоколад, а каждый покупатель брал в среднем по две плитки, пришлось бы торговать без перерыва более четырех часов. Представляешь, какая была бы очередь? А очереди-то мы и не видели.

— Так куда же девался шоколад?

— Искать нужно. Пошли к Ивану Васильевичу.

Выслушав доклад, Кустов переспросил:

— На какую сумму завезли?

— На тридцать тысяч рублей, — ответил Миронов.

— Твое мнение? — обратился он к Миронову.

— Часть шоколада не переоценена. Где-то должны быть излишки.

— Действуйте.

Вернувшись в свой кабинет, Миронов взял чистую папку, подержал ее на ладони, как бы взвешивая, и аккуратно написал на ее лицевой стороне: «Шоколад». Будущее дело получило название, его, как и полагается, зарегистрировали, присвоили ему соответствующий порядковый номер. Но пока еще трудно было сказать, каким оно будет: уголовным или профилактическим?

Повторная инвентаризация излишков шоколада не выявила. Дело застыло на мертвой точке. Но не мог же шоколад испариться, исчезнуть! И опять совещание у начальника ОБХСС. Высказываются всевозможные версии. Когда все говорились, слово взял начальник отделения.

— Из всех предложенных версий,— он прошелся вдоль стола,— будем разрабатывать две: первая — шоколад вывезен из магазина и вторая — шоколад спрятан в магазине. С магазина по-прежнему глаз не спускать. Пока будем отрабатывать первую версию, Геннадий Иванович проверит кассовые ленты, установит сумму выручки от реализации шоколада. Одновременно будем готовиться ко второй. Подумайте, кого из дружинников, нештатных сотрудников милиции пригласить в качестве...— Иван Васильевич сделал короткую паузу,— грузчиков. Ребята должны быть, сами понимаете, сильные и... сообразительные. Списки представьте не позднее 15.00.

Почти целый день провел Миронов в магазине. Вместе с кассирами делал выборки из кассовых лент, подсчитывал. От цифр в глазах рябило. Когда сопоставили два итога — кассовую выручку за реализованный шоколад и результаты повторной инвентаризации, не досчитались 2226 плиток шоколада. Доложив Кустову результаты проверки кассовых лент и инвентаризации, Миронов подключился к отработке первой версии. Немало хлопот задала она работникам ОБХСС. Несколько раз казалось, что они на верном пути, вот-вот подберутся к разгадке тайны, и вдруг в самый последний момент звено выпадало, цепочка обрывалась. Наконец стало ясно окончательно, что шоколад нужно искать в магазине.

Вступала в силу версия «шоколад спрятан в магазине». Впоследствии она получила еще несколько названий: «Грузчики», «Чемодан с двойным дном», «Соленый шоколад».

Незадолго до закрытия магазина у его входа начали собираться молодые люди. Вышедшая из магазина заведующая окинула компанию оценивающим взглядом. По одежде — вроде и выпивохи, которых к этому времени немало скапливалось у магазина. Всмотрелась в лица. Из постоянных завсегдатаев — никого. Да и лица румяные, свежие. К молодым людям подошли те два сотрудника ОБХСС, которые интересовались переоценкой, затем еще несколько незнакомых мужчин, собрали ребят в круг, о чем-то стали совещаться. Почувствовав неладное, заведующая поспешила скрыться в магазине.

Она торопливо надевала поверх халата пальто, когда в кабинет вошел Миронов.

— Здравствуйте,— остановился в дверях.— Вы спешите?

Заведующая посмотрела на часы:

— Через пять минут магазин закрывается, вот и одеваюсь, чтобы не задерживаться. Тороплюсь домой пораньше. А вы ко мне? Нельзя ли завтра?

Вместо ответа Миронов пригласил ее в торговый зал.

— Зачем столько людей? — удивилась заведующая, увидев в магазине тех самых парней, которых несколько минут назад она рассматривала перед входом в магазин. И таким искренним было ее удивление, что у Миронова даже сомнение закралось: а достаточно ли тщательно проверена первая версия?

— Будем проводить осмотр магазина, искать шоколад, — заявил Миронов.

Заведующая застыла как статуя, неприступная, гордая.

— Ищите, такая у вас работа — честных подозревать, — демонстративно шагнула она за прилавок и стала передвигать картонки и ящики. — Может, здесь? Или здесь? А может, мы его по щелям рассовали?

— Видать, надежно упрятала, — шепнул Миронову Ершов, — нужно смотреть в оба.

Тщательно проверены торговый зал, подсобные помещения, Бригада «грузчиков» спустилась в подвал. Штабеля мешков, ящиков, коробок, и между ними лишь узкие проходы.

Прошли по складским помещениям. Настоящий лабиринт. Если бы не заведующая, добросовестно исполнявшая роль гида, не скоро разобрались бы. А вела она себя сейчас не в пример покладистой, чем наверху, в торговом зале. Даже шутила.

Наконец предварительное знакомство с подвалом закончено. Миронов собрал ребят, еще раз проинструктировал:

— Особое внимание обращайтесь на целостность заводских и фабричных упаковок. При малейшем подозрении зовите кого-нибудь из работников милиции.

Миронов видел: заведующая спокойна, будто происходящее ее не касается. Она длинным наманикюренным ногтем царапает картонную коробку, на ярко крашенных губах застыла ухмылка, мол, напрасны ваши хлопоты, я хитрее вас. Что ж, противопоставим ее хитрости упорство и будем продолжать поиски! Бригаду разбили на звенья, к каждому звену прикрепили работника магазина. И началась тяжелая, не предусмотренная никакими законодательными актами о труде работа. От усталости ломило тело, не хватало воздуха, а ребята ворочали — перекладывали мешки, коробки, ящики. И все без отдыха, без перекура. Давай-давай-давай!

В одном из помещений, когда убрали ящики со стеклота-

рой, дружинники обнаружили в стене обитую железом небольшую дверь. Миронов пригласил заведующую. Удивилась: мол, до настоящего времени она и не знала о существовании этой двери.

— Откройте, — потребовал Миронов.

— Что вы, чем? Откуда у меня ключ?

— Не откроете — взломаем, — настаивал Миронов.

— Ломайте, если имеете право, — и заведующая демонстративно отвернулась.

Кто-то принес ломик, взломали дверь.

— Братцы, да здесь вино! — не удержался от восклицания один из дружинников.

— И правда, самая настоящая «Гымза», — склонился перед низкой дверью другой.

— Раз есть сухое вино, должна быть и соответствующая закуска!

Из темной каморки извлекли на свет 24 ящика вина.

— Еще одна такая находка «левого» товара, — вытирал со лба обильный пот дружинник, выносящий ящики, — и этот подвал смело можно назвать чемоданом с двойным дном.

Заведующая неприязненно покосилась на молодого человека.

После этой находки «грузчики» с еще большим энтузиазмом взялись за дело, еще внимательнее осматривали упаковку товаров. От этой дамы, как убедились ребята, можно было всего ожидать. Насует шоколаду, например, в мешок с сахарным песком, будешь в руках держать — и не догадаешься.

Проверено последнее помещение. Остался соляной склад. А шоколад будто сквозь землю провалился. Закралось сомнение: тут ли ищут? Возможна и третья версия — шоколад не завезли с базы... Время упущено. Если и в самом деле шоколад по предварительному сговору остался на базе, то теперь там все концы спрятаны. Впрочем, почему обязательно третья версия? Разве в соляном складе не может найтись для него места? Миронов направился к соляному складу.

— Пожалуйста, — услужливо распахнула перед ним двери заведующая.

Миронов вошел в склад. Все помещение до потолка заполнено плоскими металлическими ящиками. В нешироком проходе у стены ящик с минеральной водой. Миронов подошел к штабелю. Постучал костяшками пальцев по одному ящику, по другому — звук глухой.

— Ну-ка, товарищи, помогите, — позвал дружинников, не спуская глаз с заведующей.

Заведующая внешне спокойна. Лишь пальцы левой руки суетливо перебирают пуговицы накинутаго поверх халата пальто.

Дружинники сняли верхний ящик, открыли, вынули несколько пачек соли. Заблестело дно.

— Теперь из второго ряда, — распорядился подошедший Ершов.

Заведующая так и плюхнулась на ящик с минеральной водой. Приподнялась, выхватила бутылку, резким ударом об угол ящика сбила пробку и в один прием вылила в себя более половины содержимого бутылки.

— Что с вами? — с участием поспешил к ней Миронов, хотя ему уже было ясно, что заведующая проиграла поединок.

— О, да тут шоколад впрок засолили! — собрались вокруг ящика дружинники и работники ОБХСС.

Под верхним рядом пачек с солью в ящике плитка к плитке был уложен шоколад «Бабаевский». И так в каждом ящике, начиная со второго сверху ряда и до низу. Тот самый, «Бабаевский», который «разобрали покупатели» накануне переоценки. Пересчитали. 2226 плиток. Вывели разницу между новой и старой ценой. Приплюсовали стоимость обнаруженной в ка-морке «Гымзы». Шайка жуликов во главе с заведующей собралась положить себе в карман около полутора тысяч рублей. Однако благодаря бдительности сотрудников ОБХСС и упорству, с которым они шли к цели, благодаря энтузиазму их добровольных помощников — дружинников, операция с шоколадом для любителей поживиться за государственный счет провалилась.

У себя в кабинете Миронов достал из сейфа уже порядком располневшую папку и дописал над словом шоколад: «Соленый».

ВЫБОР

Чтобы пресечь преступление, разоблачить ловко замаскировавшегося жулика, нужны не только глубокие знания юридических наук, бухгалтерского учета, нужны еще упорство, уверенность в том, что своим трудом ты приносишь пользу обществу, которое тебя взрастило, вскормило, выучило, доверило представлять от его имени закон.

С упорством человек не рождается. Оно воспитывается повседневным трудом и становится впоследствии чертой характера. Геннадий Иванович к труду привык с детства: не стесня-

ясь мальчишек, помогал матери по дому. Так уж повелось у Мироновых: каждый должен что-то делать для семьи.

Окончив школу, Геннадий решил идти работать: с профессией пока не определился, а поступать в институт или техникум — все равно какой — не хотел.

Мать одобрила:

— Правильно, сынок. Жизнь, она длинная, по ней долго шагать. И дорог в ней много. Среди них — и твоя, единственная. Ищи ее хорошенько, чтобы потом не петлять.

Трудовая биография Геннадия Миронова началась на Серовском энергокомбинате.

На первый взгляд, работа казалась несложной. Знай катать, ошкуривай бревна. Но она требовала усилий и сноровки. Сил Геннадию было не занимать, а вот сноровка пришла не сразу. Но пришла! Упорство и желание делать свое дело на совесть уже тогда отличали Геннадия.

— Возвращайся к нам, — давали наказ товарищи по бригаде, когда пришло ему время уходить в армию. Служил в железнодорожных войсках. К рабочей закалке прибавилась армейская. Наказ товарищей помнил, отслужив, вернулся на комбинат.

Все эти годы Геннадий внимательно присматривался к людям, к жизни, примерялся к различным профессиям, помня пословицу «Не место красит человека...», а, говоря словами матери, искал свою единственную дорогу в жизни. Привыкший с детства есть только трудовой кусок хлеба, он ненавидел любителей легкой жизни, всяких комбинаторов и жуликов. Постепенно пришла уверенность, что его место в органах милиции. Стал готовиться в юридический институт. Поехал в Свердловск, вышла неувязка с документами. Приуныл — жалко год терять. И тут подвернулся случай. Встретил школьного товарища. Разговорились. Геннадий посетовал на неудачу.

— Пошли в райотдел, там у меня друг работает. Он что-нибудь посоветует, — предложил товарищ.

Долгим был разговор в отделе. Следовательно, с которым Геннадий познакомился, рассказывал о работе в милиции, не скрывая трудностей, и закончил свой рассказ вопросом:

— Не передумал?

— Нет, — твердо ответил Геннадий.

Это было решение все хорошо взвесившего человека.

— Тогда пошли к начальнику. Нам нужны люди. И именно такие, убежденные.

Вскоре его кандидатуру обсуждало комсомольское собрание на комбинате. Ребята единодушно проголосовали: напра-

вить Геннадия Миронова в Горьковскую высшую школу МВД СССР. И вот после окончания школы он явился с направлением к начальнику Сормовского райотдела внутренних дел.

Повезло в службе Геннадию Ивановичу. С хорошими людьми он работает. С первых дней прихода его в отдел щедро делятся с ним своим опытом товарищи по службе. Здесь, в Сормовском райотделе, его приняли в кандидаты, а затем и в члены КПСС. Высокие обязанности накладывает на человека звание коммуниста, и Миронов успешно их выполняет.

ПРОПАВШАЯ ПУТАССУ

В райотдел поступила телеграмма из Таллина, из Эстонской сбытовой конторы управления Запрыбсбыт: «Просим проверить правильность получения рыбы путассу Горьковской базой ЛесУРСа». Указывались даты выгрузки, количество недостачи рыбы, номера вагонов, в которых оказался недогруз. Проверку поручили Миронову. Прочитав телеграмму, он задумался. Прошло почти две недели, как в Горьком разгрузили интересующие Запрыбсбыт вагоны. Сегодня уже не каждый грузчик упомнит, какой вагон пришел загруженным полностью, какой — с недогрузом. Надеяться на помощь материально-ответственных работников восьмого склада, куда поступили вагоны, можно только в том случае, если недостача, указанная в телеграмме, действительно имела место. А если недогруз в одном из вагонов создан искусственно, на складе?

На базе ЛесУРСа Миронов договорился о выборочной инвентаризации по рыбе путассу. Пока там подбирали для проведения инвентаризации людей, Миронов поинтересовался на складе документами. И ужаснулся — в таком запущенном состоянии были документы. Перепутаны даты, номера вагонов, количество выгруженной рыбы. Недостача в одном вагоне, а указывают ее в другом. Заведующая складом Тихова болела, и вместо нее давала пояснения кладовщик Наседкина, однако она и сама не могла разобраться что к чему. На территорию базы одна за другой въезжали прибывшие из леспромхозов машины и становились у складов под погрузку. Где-то за сотни километров отсюда лесорубам требовались телогрейки, сапоги, рукавицы, продукты и папиросы... Несколько фургонов подошло и к восьмому складу.

Наседкина торопила Миронова:

— Скорее заканчивайте, меня машины ждут.

— А вы идите, я сам разберусь,— отпустил ее Миронов.

Наседкина ушла. Она явно нервничала. Давая грузчикам распоряжения, срывалась порой на крик, несколько раз оглядывалась на инспектора ОБХСС. Потом зачем-то увела в дальний конец склада женщину-экспедитора. Миронов пометил в своем блокноте номер машины, на которой приехала эта женщина. Сделав вид, что внимательно изучает документы, он пристально наблюдал за происходящим в складе. Не случайно Наседкина уединилась с экспедитором. Наверняка попытается сбыть излишки рыбы. Полистав еще минут десять документы, он подозвал Наседкину и посоветовал навести порядок.

— Тихова болеет, я одна осталась,— оправдывалась кладовщица.— Но мы наведем в документах порядок, обязательно наведем.

— Хорошо, проверим,— пообещал еще раз навестить склад Миронов и распрощался.

Ему не обязательно было присутствовать при инвентаризации. С ее результатами он ознакомился по акту. Да и вряд ли она что-нибудь выявит — Наседкина меры уже приняла, «навела порядок». Отойдя от базы, он вызвал из райотдела машину, поставил ее так, чтобы были видны ворота базы и выезжающий из них транспорт. Когда выехал нужный ему фургон, Миронов загородил машиной дорогу. Шофер затормозил и, когда машина остановилась, высунул из кабины голову. Миронов предъявил удостоверение.

— Так я вроде не нарушил правил уличного движения,— шофер доставал из кармана водительские права.

— Не надо,— успокоил его Миронов,— у меня разговор к экспедитору.

Обойдя машину, он попросил экспедитора предъявить накладные на получение груза. Женщина подала документы.

— «ОРС Ветлужского леспромхоза»,— прочитал вслух название организации.— Откройте, пожалуйста, фургон.

В кузове Миронов насчитал 23 коробки рыбы путассу, которая в накладных не значилась.

— Почему на рыбу нет документов?— спросил он экспедитора.

— Мне Наседкина велела ее погрузить. Она сказала, что накануне в накладные рыбу вписали, а не вывезли.— Голос ее был спокойный.

— Придется подъехать к райотделу, там разберемся,— и Миронов сел вторым пассажиром в кабину.

Посетовав, что время позднее, а путь еще предстоит дальний, шофер включил передачу. Он вел машину свободно, дорога ровно стелилась под колеса.

— Вот бы в наших лесах такие дороги! — позавидовала экспедитор.

«А дороги-то ей ближе, чем рыба», — отметил про себя Миронов. Анализируя поведение экспедитора во время осмотра груза, ее реплику, он все больше убеждался, что к рыбе экспедитор не имеет никакого отношения, что Наседкина ее обманула. Иначе она думала бы не о дороге, а о том, как выпутаться из сложившейся ситуации.

Доложив начальнику и проводив шофера и экспедитора к следователю Комарову, Миронов срочно поехал на базу за Наседкиной. И, как говорится, на ловца и зверь бежит — на складе была сама Тихова.

— Вы ведь болеете, — удивился Миронов.

— Это я попутно. Ходила в магазин.

— Придется проехать со мной теперь, так же попутно, — в тон ей сказал Миронов.

— Но я на больничном.

— Мы вас долго не задержим. Пришла телеграмма из Таллина по недогрузу в двух вагонах с рыбой. Выполним некоторые формальности.

Всю дорогу Тихова без умолку шутила, смеялась. Поддавшись веселому настроению начальницы, иногда вставляла словечко-другое и Наседкина.

Когда машина повернула к райотделу и Тихова увидела ветлужский автофургон, веселье с нее как рукой сняло. Приуныла и ее подчиненная.

В райотделе Наседкина сразу же заявила, что она ничего не знает, ей было дано такое указание, а Тихова уверяла:

— Я должна была Ветлужскому леспромхозу двадцать коробок рыбы. Они в прошлый раз забыли взять.

Она пока не знала, что в фургоне было не двадцать, а двадцать три коробки. Разница в девяносто килограммов.

Версию Тиховой нужно было опровергнуть. Сделать это можно только с помощью документов, которыми пока ни работник ОБХСС, ни следователь не располагали. Они, эти документы, далеко от Горького, в ОРСе Ветлужского леспромхоза. За ними на ночь глядя поехал инспектор Посаженников.

Утром он позвонил следователю: в накладных рыбы не было.

Когда документы привезли в Горький и показали Тиховой, она стала каяться.

— Наврала я вам. При приемке ошиблась, потом при самоучете обнаружила излишки, ну и решила избавиться от них.

— Это мы легко проверим.

Санкцию на обыск Миронов получил быстро и, захватив с собой Тихову, отправился на склад. Инвентаризация, как и следовало ожидать, излишков рыбы путассу не выявила. Зато при обыске в конторе склада Миронов обнаружил целый ворох черновых записей. Склад превратился в настоящий магазин. Продукты отпускались и за наличные, и в кредит. Список должников занял две амбарные книги. Тихова не отходила ни на шаг от инспектора, каждая найденная Мироновым бумажка приводила ее в ужас.

Положение явно складывалось не в ее пользу. Раскрывая одно хищение, работники милиции вышли на другое.

Пришлось закрыть склад на инвентаризацию и передачу его другому лицу.

Обыск на квартире Тиховой ничего существенного не дал. Единственное, что привлекло внимание инспектора и следователя, — это дорогая мебель, личный автомобиль и холодильник с полным ассортиментом продуктов, какие только были на складе. Никаких документов, никаких записей.

Пока проводилась инвентаризация, инспектор и следователь несколько раз беседовали с Тиховой и Наседкиной.

— Может, все-таки покажете записи вашего самоучета, убедите нас, что излишки оказались по небрежности, а не с умыслом?

Видя, что от ответа ей не уйти, Тихова созналась: когда в одном из вагонов оказалась недостача на 3600 рублей, она под шумок создала искусственно «недостачу» в другом вагоне.

Преступник иногда на суде меняет свои показания, а то и начисто отказывается от них. И хотя признание звучало правдоподобно, его нужно было проверить, подкрепить документами, свидетельскими показаниями. Нужно ехать в Таллин. Поехали вдвоем — так быстрее обернутся. Составили план, разделили обязанности. Миронов устанавливал свидетелей — грузчиков, весовщиков, которые занимались погрузкой тех двух злополучных вагонов, Комаров допрашивал. На этот раз Тихова не соврала. Собственно, ей теперь невыгодно было отрицать это преступление, когда инспектор и следователь раскрыли более крупное, ведь этим отрицанием она могла только отягчить свою вину.

К приезду из Таллина Миронова и Комарова закончились инвентаризация и передача склада. На 1700 рублей выявилось хищение продуктов. Это не двадцать три ящика путассу!

Тонны песка перелопатит и промоет старатель, прежде чем заблестят в лотке крупницы благородного металла. Труд ин-

спектора ОБХСС по упорству сродни старательскому. Горы документов изучит он, взвесит на весах логики массу информации, порой самой противоречивой, прежде чем придет к выводу о возбуждении уголовного дела. Нередко его кропотливый труд заканчивается представлением на предприятие, в учреждение, организацию. Но и этот результат ценится на вес золота: где-то перекрыта от любителей поживиться за счет государства еще одна лазейка, предмет экстренного обсуждения в коллективе стала сохранность социалистической собственности. На всякие ухищрения пускаются преступники, и задача инспектора ОБХСС — вовремя пресечь их корыстолюбивые замыслы.

П. Винницкий

ВЫСТРЕЛ В ПОДЪЕЗДЕ

Тревожно мерцая синими вспышками, милицейский автомобиль мчался по улицам Дзержинска. Владимир Александрович Кулаков сидел рядом с шофером. В зеркальце водителя отражалось его хмурое взволнованное лицо. Конечно, это у него уже не первое расследование, но разве можно быть спокойным при слове «убийство»? А произошло, по всей вероятности, именно это: на проспекте Чкалова обнаружен труп мужчины.

Взвизгнув тормозами, машина остановилась возле пятиэтажного дома в районе Северных ворот города. Навстречу работникам уголовного розыска спешил участковый инспектор, прибывший сюда раньше их.

— Здесь, товарищ капитан, — указал он на подъезд.

Кулаков открыл дверь и, войдя в подъезд, остановился. В углу, словно пытаясь от кого-то спрятаться, неуклюже прислонился к стене подросток. Даже не верилось, что он уже неживой.

— Мертв, — подтвердил участковый. — Фамилия — Романов, семнадцать лет. Его здесь обнаружили жильцы дома.

Не мешкая, эксперт занялся осмотром места происшествия, следователь — опросом жителей, а Кулаков тем временем отошел в сторону с участковым:

— Что показывают жители?

— Говорят, слышали громкий выстрел в подъезде. Видели убегающих ребятишек. Конкретно никого указать не могут.

«Так, опять, наверное, подростки разыгрались с оружием. Доигрались. Не раз уже изымали у них то «поджигалки», то самодельные пистолеты. В последнее время «мода» на обрезы появилась. Откуда только охотничьи ружья берут? Мальчишки, конечно, всегда тянутся к оружию. Их бы в кружки стрелковые, в тиры привлекать. И почаще напоминать, к чему приводит баловство с оружием. Тут и школа, и общественные организации, да и мы многого еще недорабатываем. Больше внимания надо уделять разъяснительной, профилактической

работе среди ребят. Все это верно. Но что же за трагедия здесь разыгралась? Как, кем, почему совершено убийство?»

— Товарищ капитан, — напомнил о себе участковый. — Тут некоторые жители рассказывают, будто днем какая-то драка была среди подростков. Налетели друг на друга, как петухи, и разбежались. Но это было задолго до выстрела.

— Что ж, возьмем пока эту драку за рабочую версию. Найдите и опросите знакомых убитого. Изучите проживающую тут молодежь. Выясните, с кем конфликтовали, — обратился Кулаков к оперативным работникам. — Поговорите буквально с каждым. Не допросите, а именно поговорите. По душам, так сказать, у них сейчас от страха поджилки трясутся. Строгостью лишь запугаем — замкнутая, и вытягивай потом истину из них по крупице. А время дорого.

Да, время дорого. Чем больше его проходит, тем труднее раскрыть преступление.

— Привлеките общественность, — посоветовал он участковому.

Сколь бы ни был опытен работник уголовного розыска, но без содействия граждан ему не обойтись. Сейчас во всех микрорайонах города созданы опорные пункты милиции и общественности. Актив такого пункта занимается индивидуальной работой с жителями своего района. Здесь находятся на учете лица, склонные к правонарушениям, неблагополучные семьи, трудные подростки.

Подождал эксперт. Кулаков с немим вопросом нетерпеливо посмотрел на него: что удалось найти? Однако эксперт разочаровал — исходных данных для поиска было не густо: налицо признаки насильственной смерти — дробинки в теле, стреляли из обрез охотничьего ружья, с близкой дистанции, чуть ли не в упор. Следов, годных для идентификации, не обнаружено.

Осмотр места происшествия, тела убитого, опрос жителей и оформление протокола заняли немало времени. В протоколе отметили, что при первичном осмотре установить причину убийства не удалось. А найти мотив убийства — это, считай, половина дела.

Опрос ребятишек тоже не принес результатов. Напуганы случившимся, но к делу не причастны. Верно, ссорились. Случалось, и дрались. Когда дрались? А на этой неделе. Нет, в день убийства драки не было. У каждого — полное алиби. Словом, проверка этой версии, казавшейся вначале очень перспективной; ничего не дала.

В каком же направлении работать дальше? Кулаков то и дело прикидывал, что он упустил? Даже мысль появлялась:

может, он напрасно пришел работать в милицию — он же педагог, и ловить всякую шухеру — это вовсе не его дело. Досадливо прогонял эту мысль: поменьше эмоций. Кому-то надо же бороться с этой самой шухерой, которая мешает людям спокойно жить и трудиться.

Невольно вспомнилось, как он попал в уголовный розыск. Мальчишкой, само собой, зачитывался Конан-Дойлем, восхищался необыкновенной интуицией Шерлока Холмса, вообще любил читать детективы, но о работе в милиции не помышлял. Окончив школу, пришел на завод, работал аппаратчиком. Затем поступил в Горьковский педагогический институт. Студентом играл в футбол за «Динамо». В команде было немало ребят из службы уголовного розыска. Владимира привлекала их постоянная собранность — он чувствовал, что это качество — профессиональное. В институте читался спецкурс по правовым дисциплинам. Так что кое-какое представление о нелегком труде в милиции Володя Кулаков уже имел. И когда после госэкзаменов в институте появились комсомольские путевки в органы милиции, он уже не колебался. Направление получил сразу в уголовный розыск. Было это в 1969 году.

В память навсегда врезался первый день работы. Начальник отделения уголовного розыска Дзержинского горотдела подполковник Анатолий Николаевич Мартин — невысокий, черный, словно жук, напористый и, как после узнал Кулаков, чрезвычайно работоспособный человек — дотошно выспрашивал у него, кто он и откуда, почему решил стать милиционером, словно невзначай прощупал объем его юридического багажа, обнадежил, что работа у них нужная, интересная, но легкой жизни не жди, ибо покой, как сказал поэт, будет только сниться, — и после этого представил нового сотрудника коллективу. Вчерашний студент и спортсмен был парнем общительным, поэтому он с готовностью встал и широко улыбнулся своим будущим товарищам. Встретив множество вмиг насторожившихся глаз, пытливо и оценивающе смотревших на него, он с грустью решил, что вряд ли в этом серьезном коллективе его быстро примут за своего: «акклиматизация» будет, пожалуй, проходить трудновато. Однако он ошибся.

— Виктор Петрович, возьми нового товарища пока к себе, — сказал Мартин сидевшему рядом с ним лейтенанту. Тот согласно кивнул, а Мартин пояснил Кулакову: — Закрепляем вас за группой по делам несовершеннолетних. Руководит ею лейтенант Виктор Петрович Аладин.

Владимир воспринял это с откровенным разочарованием: надо же, с детишками будет возиться! А он-то уже видел себя

в ночной засаде, где с пистолетом в руке поджидает опасного преступника; потом, само собой, — смертельная схватка, и он, Кулаков, ловко выбив у бандита оружие, под восхищенными взглядами своих новых товарищей приводит того в милицию. Наверное, Мартин понял, что творится в душе парня, потому что, взглянув на него, чуть заметно усмехнулся и сказал:

— Работа с подростками очень сложна и ответственна. Здесь своя специфика, требующая педагогического таланта, такта, чуткости. Но вы не будете стоять в стороне и от других наших дел.

Начальник угрозыска открыл лежавшую на столе папку, полистал подшитые в ней листки и продолжил уже для всех:

— За последнее время совершен ряд разбойных нападений на граждан с целью грабежа. Идентичность приемов при ограблениях дает возможность предполагать, что действует одна и та же группа преступников. Раскрытие ее поручается старшему инспектору уголовного розыска Александру Георгиевичу Соколову. Сегодня же доложите план розыскных мероприятий.

Мартин в упор посмотрел на Владимира Кулакова и добавил:

— В состав этой группы включается и наш новый товарищ. Пусть сразу входит в курс дела и набирается опыта.

После совещания Кулаков подошел к Соколову и спросил доверительно:

— Александр Георгиевич, как же мы будем ловить грабителей?

Тот жестко посмотрел на Владимира и строго отчеканил:

— Ловят майских жуков, а преступников задерживают! — Потом, заметив смущение парня, весело рассмеялся: — Задержим! А пока запомни: розыскная работа — это не спортивный бег, а тяжелый кропотливый труд. Его нельзя вести торопливо, но и мешкать, разумеется, тоже нельзя.

Кулаков в тот же день приступил к изучению материалов дела. Ограбления совершались однотипно и до банальности просто.

Молодая, лет восемнадцати, круглолицая девица развязной походкой обгоняла какого-нибудь молодого зеваку, лукаво стреляла в него глазами, кокетливо улыбалась и намеренно придерживала шаг. Увидев, что девушка явно заигрывает с ним, парень всем своим видом показывал, что он не против знакомства с таким очаровательным созданием. Слово за слово, и выяснялось, что девушка никуда не спешит и тоже вовсе не против знакомства. Любезничая, тот даже не замечал, что его заводят в западню, где потемнее и побезлюднее. Дальше

действие развивалось по одному и тому же шаблону: откуда-то выныривали двое подвыпивших парней, один из них со словами: «Ты что пристаешь к моей чувихе!» — ударял новоиспеченного ухажера бутылкой по голове. Все трое мигом раздевали любителя сомнительных знакомств и быстро скрывались с награбленными вещами.

И все же, несмотря на грубую стереотипность нападений, разыскать грабителей пока не удавалось. Все подвергшиеся нападению помнили лишь круглолицую девушку, однако такой в картотеке милиции не значилось, а других преступников, даже того, кто бил бутылкой, вспомнить не могли — ни лица, ни одежды, никаких примет. Впрочем, один из потерпевших заявил, что, пожалуй, мог бы узнать его при встрече. На это и решились опереться в оперативно-розыскных действиях.

— А тебе, Володя, вот какое задание, — сказал Соколов. — Все лица, когда-либо совершившие преступления, у нас берутся на учет, регистрируются. Так вот, извлеки из нашей картотеки всю информацию о тех, кто совершал преступления аналогичным способом или по аналогичным мотивам. Переговори с каждым.

Кулаков рьяно взялся за дело. Рылся в архивах. Встречался с людьми — и с теми, кто твердо порвал со своим преступным прошлым, и с теми, у кого, как говорится, до сих пор рыльце в пушку. Выяснял, где кто находился во время совершения преступлений. Сверял приметы. Брал на заметку все, что вызывало сомнение. Вновь перепроверял. Путем отсеивания вышел на некоего Сорокина, судимого ранее за подобные же грабежи. Это был нагловатый молодой парень, на все вопросы отвечавший одно и то же: «Вы в чем-то меня подозреваете, гражданин начальник? Напрасно. Я давно завязал, за мной нет ничего», — и оскорбленно замыкался в гордом молчании. Кулаков решил показать его потерпевшим, и один из них, тот, который утверждал, что может опознать грабителя, тут же уверенно указал на Сорокина: «Этот бил бутылкой!» Сорокин лишь усмехнулся: «Ошибка, гражданин начальник. Я тут ни при чем, и не шейте мне дело». Другие опознать его не смогли: темно, мол, было, может, и не он.

Что ж, подозреваемый не обязан доказывать свою невиновность. Есть такое положение в праве — презумпция невиновности, согласно которому подозреваемый считается невиновным до тех пор, пока его проступок не будет доказан со всей очевидностью. Кулаков обязан представить неопровержимые доказательства вины Сорокина. И он это сделает, потому что уверен, что именно Сорокин глава преступной шайки.

Конечно, не только Кулаков, а все оперативные работники немало сделали для того, чтобы представить следственным органам соответствующие доказательства. Но и он внес свою лепту в общее дело. Отрабатывая связи Сорокина, он говорил с его друзьями, встречался с родственниками, беседовал с соседями по квартире, и неожиданно на поверхность выплыла какая-то его подружка по прозвищу Колобок. Кулаков заинтересовался ею особо. При разговорах с жителями дома, где был прописан Сорокин, словно невзначай, справлялся, не замечали ли они с ним какой-нибудь девушки. «Да, замечали», — отвечали ему. Приметы сходились: круглолицая, невысокого роста, развязная. А не та ли это девица, что выводила доверчивых лобеласов на грабителей?

Удалось установить, что это Татьяна Дементьева. Узнал ее адрес. Собирая сведения, от многих слышал, что живет она явно не по средствам. Частенько вещи предлагает на продажу. Какие? Вот тут-то он и был вознагражден: некоторые из вещей по приметам очень были схожи со снятыми с потерпевших. По предъявлению соответствующих доказательств прокурор санкционировал задержание Дементьевой и обыск в ее квартире. Во избежание всяких нежелательных случайностей — может скрывается или припрятать награбленное — решили организовать засаду.

Ничего не подозревая, Дементьева возвращалась вечером домой. Ее ничуть не насторожил вышедший навстречу молодой высокий парень.

— Таня, можно вас на минуточку?

— Ну, если на минуточку, — по привычке кокетничая, ответила она, думая, что это кто-то из ее знакомых, и тут же испуганно округлила глаза: рядом с парнем появились милиционеры. — Что такое? В чем дело? — взвизгнула она.

— Прошу вас немного прокатиться с нами, — Владимир, придерживая ее за локоть, указал на стоящую недалеко милицйскую машину.

Считая, что милиции еще ничего не известно, она вначале пыталась все отрицать, но разговор сразу принял предметный характер, да и потерпевшие, все, как один, тут же опознали ее в группе предъявленных им женщин: это она завязывала знакомства! Дементьева расплакалась. Стала уверять, что у нее нет награбленных вещей — все они у Тольки и Володьки Сорокина.

— У какого Тольки?

— У Тольки Виноградова. Это он предложил мне дело. Уверял еще, что никакого риска!

Так была выявлена вся преступная тройка. Во время обысков на квартирах изъяли большую часть награбленных вещей и вернули их пострадавшим. Грабителей судили. А Кулаков во время этого «боевого крещения» даже и не заметил, как стал своим человеком среди работников уголовного розыска. При разборе проведенной операции А. Н. Мартин особо отметил умелые действия молодого сотрудника. После Кулаков много думал об этой троице: когда они продавали награбленное и пропивали деньги, им, наверное, казалось, что они счастливы, только нельзя быть счастливыми лишь от винных паров, нельзя, если живешь в постоянном страхе. Таких карает не только закон, но и презрение окружающих, собственная беспокойная совесть, если она еще не атрофировалась.

Так вот началась его розыскная работа. Приходил опыт. Пополнялись знания. Многому он научился у своих выдавших виды товарищей. Его непосредственный начальник Виктор Петрович Аладин не уставал напоминать, что уголовный розыск — чрезвычайно тонкий, интеллигентный труд, а когда имеешь дело с несовершеннолетними, он обязательно должен носить воспитательный характер. Старший инспектор Геннадий Максимович Костенков помогал в овладении оперативным мастерством. «Для того, чтобы хорошо работать, — говорил он, — надо хорошо знать весь контингент лиц, от которых можно ждать преступлений». Заместитель начальника отделения уголовного розыска Александр Федорович Нуждин поучал: «Главное — профилактика: не ждать, а пресекать преступления». Многое он перенял у своих наставников. Однако сейчас вот он зашел в тупик: не может установить, кто же стрелял в подъезде? Дело, можно сказать, застыло на мертвой точке. Значит, надо разрабатывать новые версии, составить план дополнительных оперативно-розыскных действий, вести поиск по другим линиям. По каким?

Наверное, не следует замыкаться лишь на близлежащих улицах.

Розыск расширился на весь город. Выявлялись новые группы молодежи, у которых когда-либо происходили стычки с подростками, живущими у Северных ворот. И тоже, после тщательного анализа, отсеивались. Впрочем, кое-что оставалось и в решетке: один из ребят сказал, что в день убийства видел знакомых парней с улицы Победы — они ходили гулять в лес. В какой лес? А в сосняк, что за Северными воротами. Вечером? Да нет, днем еще. Опять ниточка оборвалась — убийство совершено глубоким вечером. Значит, не они. А если припозднились? Надо проверить.

Уголовный розыск — это сплошные головоломки и парадоксы. Иногда кажется, что найдено верное решение задачи, но потом, глядишь, стройная версия рассыпается в прах. А порою — наоборот: из безнадежно, казалось бы, запутанного лабиринта легко находится выход. И здесь нет противоречия: план расследования хотя и научно обоснован, но он всегда динамичен, потому что накапливаются новые факты, и первоначальные предположения, построенные на основе первичных данных, могут быть отвергнуты — взамен их выдвигаются иные версии, требующие коренного изменения направлений розыска. Нечто подобное произошло и с расследованием версии, предполагающей причастность к происшествию подростков с улицы Победы.

Кулаков без особого труда установил, что эти ребята в тот злополучный день действительно ходили гулять в лес, следовательно, проходили мимо места происшествия. Не запирались они и в том, что конфликтуют с местными парнями. Мало того, один из них — Петр Ляленков признался, что это он выстрелил в подъезде из обреза, и даже обосновал свои действия личной враждой с Романовым. Где ружье? А на чердаке спрятал. Пошли на чердак. Однако найти обрез Ляленков не смог. Ходил по чердаку, как слепой кутенок: то в один угол ткнется, то в другой. «Видно, стащил кто-то», — сказал наконец. Что ж, может быть, и так. Преступление вроде бы раскрыто. Можно поставить точку. Только не рано ли? Говорят, семь раз отмерь... И Кулаков думал. Мучительно думал. Потом посоветовался с участниками оперативной группы и решил: надо искать обрез!

— Преступника, хотите сказать? Так он задержан, — говорили ему.

— Нет, обрез. Преступника потом найдем.

— Как потом, если Ляленков во всем признался? Вы думаете, не он? Зачем же ему чужую вину брать на себя?

— Вот в этом и надо разобраться.

Да, надо разобраться. Медлительность ему могут простить, а вот ошибку... Кулакову что-то во всей этой истории не нравилось. Уж больно легко признался Ляленков. И обрез не нашел. Не выгораживает ли он кого из ложно понятого чувства товарищества? Знает, поди, что несовершеннолетнему наказание будет меньшим, вот и берет вину на себя. Кулаков не раз пытался беседовать с ним по душам, объяснял, что среди преступников бытует иногда взаимовыручка, но идет она не от благородства и широты души, а только от страха, порой это просто «дача взаймы», жесткий расчет: ты — мне, я — тебе, а вы-

дашь — потом поговорим. Но ему нечего бояться мести. И что ему, молодому парню, надо от них? У него вся жизнь впереди, зачем же ломать ее в самом начале? Ведь все эти «рыцари» уголовной дружбы — всего лишь расчетливое ничтожество, они всегда думают лишь о себе, о личной выгоде, вот и прячутся за спины других. Нет, не помогали разговоры. В глазах стояла тоска, но он отмалчивался. Видно, крепко засело в его мальчишеской душе уродливое, характерное лишь для уголовного мира, представление о верности и чести.

Капитан Кулаков решительно отодвинул материалы дела и тяжело поднялся со стула. За окном синел теплый летний вечер. Голову ломило от многочасового труда. Надо отдохнуть. Взгляд скользнул по лежавшему на подоконнике фотоаппарату «Зоркий-4». Эта награда Министерства внутренних дел СССР. Награде предшествовало решение одной сложной головоломки. Владимир взял аппарат за ремень, неторопливо спустился по лестнице и, кивнув на прощанье козырнувшему в ответ дежурному, вышел на улицу, на утопающий в зелени проспект Дзержинского. Фотоаппарат разбудил воспоминания. Тогда тоже нелегкое было расследование.

Лет десять назад зимой участились квартирные кражи. Наступил новый год, а у работников уголовного розыска накопились нераскрытые преступления. Это было ЧП. Дело поручили старшему инспектору Владимиру Кулакову. И он прежде всего набросал краткий вопросник, подлежащий последовательному выяснению.

Каждое преступление имеет свои характерные, только ему присущие черты. Здесь же бросилась в глаза однотипность краж. Если верить в чудеса, то можно решить, что преступления совершает фантастический человек-невидимка: окна и двери заперты, а имущество потерпевших таинственным образом исчезает. Но покров таинственности был отброшен, когда установили, что кражи совершаются через форточку.

Итак, схожесть краж позволяет заключить, что их совершают одни и те же люди, одним и тем же способом. Не исключено, что это всего лишь один человек. Кто он? Подросток? Возможно: тот легко проскользнет через форточку. А разве нет малорослых людей? Что похищают? Все, что подвернется, но берут в основном одежду, ковры, постельные принадлежности. Стоп! Подросток вряд ли польстится на какое-то одеяло. Да и мужчину, пожалуй, мало соблазнят простыни и наволочки. Выходит, надо искать женщину?

Вскоре предположение подтвердилось следующим фактом: один из сотрудников сообщил, что какая-то женщина продава-

ла на рынке пальто, очень похожее на то, которое описано в перечне похищенных вещей, достоверно установить, та ли это вещь, не удалось, так как женщина скрылась; ее приметы: не большого роста, словно подросток, и слегка прихрамывает.

Прихрамывает! Кулаков возбужденно заходил по кабинету: вот она, ниточка, за которую стоит потянуть! Жила раньше в городе некая Раиса Самарина, осужденная за квартирные кражи. Тоже ростом с подростка и прихрамывает. По оперативным данным, она из заключения освобождена и направлена на местожительство во Владимирскую область. Связался с городом Владимиром — нет, там такая не появлялась. Значит, есть все основания подозревать, что она осела в Дзержинске, живет здесь без прописки и снова взялась за старое. Дали приметы, описали одежду и объявили по городу розыск. На другой же день участковый инспектор Николай Александрович Дубков задержал Самарину в автобусе и доставил ее в кабинет Кулакова.

— Вы подозреваетесь в совершении квартирных краж.

— Валяйте подозревайте, только ничего я не воровала!

Взгляд наглый, самоуверенный.

— На вас, кстати, краденое пальто.

— На рынке купила.

— И все же вас придется задержать — живете без прописки.

Но задержать — этого мало. Надо еще доказать, что именно она совершала кражи. А это будет нелегко. Кулаков внимательно посмотрел на эту съездившуюся женщину — она сидела, спрятав голову в высоко поднятые плечи, и усмехалась. Тертый калачик. Что она собой представляет? Судима. Нигде не работает. Ночует где придется. Питается тем, что удастся урвать у других. Когда-то она училась, перед ней открывались все дороги, но все — и труд, и семья, и радость честной, открытой жизни — все это позади. Сомнительные знакомые опутали душу клеей паутиной, разорвать которую у нее не было ни сил, ни желания. Она сама растоптала свое человеческое достоинство и добровольно свернула на обочину жизни, на скользкую воровскую тропинку. Такая запыряться будет до последнего. И все же Кулаков доказал, что все кражи совершала именно Самарина. Он установил ее связи. Дознался, где и у кого ночевала. Проверая этих лиц, выяснил, что она неоднократно предлагала на продажу где пальто, где ковер, где одеяло, а все они были схожи с похищенными вещами. Чтобы найти их, приходилось работать не только в Дзержинске: выезжали и в Горький, и в районы области. Постепенно были изъ-

яты почти все краденые вещи и предъявлены ей как неопровержимые доказательства ее вины. Запираться было бессмысленно, и она во всем призналась.

В деле Самариной он доказывал ее вину, хотя она и отрицала все. А сейчас Кулаков ставит перед собой задачу доказать, что парнишка, который во всем признался, убийства не совершал. В этом он полностью уверен, но одной уверенности мало — все нужно обосновать, веско аргументировать и не допустить, чтобы пострадал невиновный, а настоящий преступник остался на свободе.

Кулаков старательно вычертил схему подъезда. Стал по одному вызывать всех пятерых парней из группы Ляленкова. Потом его самого пригласил.

— Ну-ка покажи, где ты стоял, когда выстрелил? Здесь? — и намеренно указал на вход в подъезд, откуда нельзя было попасть в Романова.

— Нет, я в самом подъезде был.

— Отчего же все твои дружки по-другому показывают?

— Да в подъезде я был! Рядом с Артамоновым! — выкрикнул и... испугался.

Так, стало фигурировать новое лицо. Теперь главное — терпение. Парень уже сбит с толку. Не поймет, куда гнет капитан. А готовился, видно, старательно. Теперь занервничал. Не хотел, а назвал еще одного из своих дружков. Этой фамилии никто не упоминал. Случайно? Или намеренно? Неужели напал на истинного преступника? Хоть Ляленков и шустрый малый, а нервишки сдают.

— Ты, значит, тут стоял? А товарищи говорят, что ты снаружи был, а Артамонов — рядом, в подъезде. Верно? В подъезде был Артамонов?

— Не помню, где он стоял. Только это я стрелял.

Так, ясно. Пойдем по второму кругу. Теперь есть о чем поговорить.

Кулаков вновь вызывал парней. Вновь просил взглянуть на схему. И словно невзначай, вновь уточнял, где стоял Ляленков, а где... Артамонов. Те изумленно хлопали глазами — видно, уговор был: не называть этой фамилии. Но коль она уже стала известна, указывали на схему и его местоположение. Получалось, что Ляленков стоял около подъезда, а доселе неизвестный Артамонов — в подъезде.

Взяли Артамонова. Он был старше всех в этой группе. Допросили. Показали схему, где были четко расставлены по местам все парни, в том числе и он. Артамонов недолго запирался. Сообщил, где находится обрез, и оружие тут же изъяли. Расска-

зал, что оружие купил в районе. Сам сделал обрез. Запасся патронами. Пальнул в горячах. Эта «горячность» обошлась ему в 11 лет лишения свободы.

Преступник найден. Справедливость восторжествовала. Не могла не восторжествовать. А Кулаков с горечью думал о том, что кто-то продает незарегистрированные ружья, кто-то видел у парня обрез и не забил тревогу, кто-то не остановил драку, а равнодушно прошел мимо, кто-то слышал выстрел, но не попытался задержать преступников, а трусливо накинул на дверь лишний крючок. К сожалению, не все еще отдают себе отчет в том, насколько опасно равнодушие к происходящему вокруг нас. Равнодушные не грабят, не убивают, писал Бруно Ясенский, но только с их молчаливого согласия существуют на земле подлость, преступления, убийства.

...Утром, как всегда, коммунист Кулаков приходит в свой кабинет и принимается за текущие дела. На счету начальника отделения уголовного розыска Дзержинского горотдела милиции капитана Владимира Александровича Кулакова немало раскрытых, а еще больше — предупрежденных преступлений. Не случайно его грудь украшает орден Трудового Красного Знамени.

Г. Кузьмин

ПОЧТИ БЕЗНАДЕЖНОЕ ДЕЛО

Солнце пригревало почти по-летнему. Лед на Волге потемнел, и чувствовалось, что вот-вот река сбросит зимний покров. В порту шли последние работы по ремонту погрузочной техники — начало навигации было не за горами.

К распахнутым дверям склада, находящегося здесь, на Стрелке, почти у самой причальной стенки, один за другим подъезжали грузовики. Рабочие быстро нагружали их большими картонными коробками с цветными надписями на стенках: «Телевизионный приемник «Весна». Стоящие в дверях склада приемосдатчица и экспедитор аккуратно пересчитывали груз каждой автомашины, делали отметки в своих записях, а после тщательно сверяли их.

В начале зимы городская база Роскультторга одновременно получила большие партии телевизоров с различных радиозаводов страны. Складских помещений у базы не хватало, и решили попросить портовиков принять часть телевизоров на ответственное хранение до весны — ведь их огромные склады на Стрелке зимой наверняка пустуют.

И вот сегодня, в конце марта, работники базы забирали свой груз — 800 телевизоров. Дело шло быстро. Вот грузчик поставил в кузов автомобиля последнюю коробку и громко крикнул стоящим у дверей женщинам:

— Все! Последний!

— Как?? — удивленно и встревоженно спросили работники порта и экспедитор базы в один голос.

— Я же вам сказал: «Гружу последний». Телевизор — не иголка, тут ошибки быть не может.

— Бывают и ошибки,— перебила его приемосдатчица порта. И обратилась к экспедитору базы:— Нужно еще раз груз на последней автомашине пересчитать, а тут искать бесполезно. Правильно он говорит: телевизор — не иголка.

Однако и после пересчета коробок, находящихся на последней автомашине, ничего не изменилось. Телевизоров не хватало.

Сообщили начальнику грузового района, тот позвонил в милицию.

...За четверть века работы в органах внутренних дел майор Виктор Александрович Радаев повидал, казалось бы, всякое. Но и он, узнав о пропже из склада почти двух десятков телевизоров, был удивлен:

— Ничего не скажешь, с размахом действовали.

В тот же день на одном из причалов порта, где находился злополучный склад, появилась оперативная группа работников милиции. Они тщательно осмотрели помещение. Следов взлома двери не обнаружили. Запоры тоже были в исправности. Правда, находясь внутри склада, их можно было открыть без труда. Но для этого требовалось сначала проникнуть туда каким-то образом.

Сотрудники милиции тщательно осмотрели пол, стены, перекрытия крыши — нигде никаких следов. Пускать розыскную собаку было бесполезно — целый день грузчики выносили телевизоры, что тут могло остаться? Кроме того, приходилось учитывать, что хищение могло произойти и вчера, и неделю, и месяц, а то и три, назад. Ведь сюда всю зиму никто не заглядывал.

Одно было определено точно: ошибки в подсчетах приемо-сдатчицы порта и экспедитора базы исключались. Значит, телевизоры похищены в то время, пока они находились в складе на ответственном хранении.

Проанализировав результаты первоначального осмотра, Радаев задумался. Взяты громоздкие и тяжелые предметы. Значит, преступник действовал не один — одному коробку с телевизором нести трудно, почти невозможно.

Далее. Кто-то, по меньшей мере один из группы, хорошо знаком с системой охраны порта, знал, что в одном из складов хранятся телевизоры. Вполне возможно, что он работает или работал в порту.

И третье. По заверению работников охраны, вечером и ночью ни одна машина не заезжала на территорию порта. Следовательно, телевизоры, возможно, спрятаны где-то недалеко, скорее всего в кварталах жилых домов, находящихся на Стрелке. Не следует исключать вариант, предусматривающий у преступников наличие автомашин.

На оперативном совещании было решено запросить все райотделы города и области о случаях покупки или продажи с рук телевизоров марки «Весна» Днепропетровского радиозавода. Работники уголовного розыска беседовали с рабочими порта, с жителями Стрелки, а Радаев опять отправился на склад. «Как

же все-таки происходило хищение? Ведь восемнадцать таких тяжелых коробок не так-то просто вынести», — думал он.

С приемосдатчицей Радаев встретился рядом со складом, где произошло хищение. Она вначале не узнала в этом невысоком плотном человеке с внимательными темными глазами начальника уголовного розыска. И только когда он окликнул ее, остановилась, присмотрелась повнимательнее и всплеснула руками:

— Ой, товарищ начальник, а я вас и не признала. Ну как, не нашли вора?

— Ищем. А сейчас вы мне нужны. Скажите, склад пока пустует?

— Конечно. Мы уже боимся туда что-нибудь выгружать.

— Вот и отлично. Откройте мне его. Я хочу еще раз посмотреть.

Радаев молча обошел помещение склада и неожиданно попросил.

— Закройте, пожалуйста, входную дверь. Оставьте меня одного.

Тяжелая дверь склада гулко захлопнулась. Майор оглядел залитое электрическим светом помещение, потом потянулся к выключателю. Щелчок — и лампы потухли. Когда глаза привыкли к темноте, Радаев заметил, что у входной двери склада значительно светлее, чем в глубине. Дневной свет проникал сюда через длинное неширокое отверстие над входной дверью. Он вновь включил электричество, распахнул дверь склада и попросил удивленную приемосдатчицу найти где-нибудь лестницу, а сам еще раз внимательно оглядел отверстие над дверью.

— Скажите, для чего эту дыру над входом сделали? — спросил он у приемщицы, аккуратно приставляя к стене легкую переносную лестницу.

— А как же иначе: осенью у нас здесь ящики со свежими помидорами хранятся. Вот и сделали воздушную вентиляцию. Да вы не волнуйтесь, товарищ начальник, отверстие хоть и длинное, но узкое. Разве ж в него взрослый человек пролезет?!

Радаев молча поднялся по стремянке. Вот и отверстие. Дверная коробка ниже кирпичной кладки. Худощавый человек, сняв пальто и пиджак, сможет протиснуться через отверстие и попасть на склад. Майор неторопливо осмотрел нижнюю поверхность отверстия (верхнюю перекладину дверной коробки). По краям, там, где начинались боковые стены склада, на перекладине лежал толстый слой пыли. Середину же словно только что вытерли.

«Все ясно,— подумал Радаев,— ведь преступнику приходилось буквально протискиваться через отверстие, вот и вытер он всю пыль на середине перекладки». Теперь картина хищения становилась понятной: кто-то ночью проникал через эту щель в склад, отпирал двери. Сообщники забирали коробки с телевизорами, а он запирает за ними двери и снова вылезал на улицу. Сколько же таких «рейсов» совершили преступники?

Майор поблагодарил приемосдатчицу, не торопясь направился к проходной порта и вдруг почувствовал чей-то напряженный взгляд. Он резко оглянулся, но ничего подозрительного не заметил. Неужели просто померещилось? Не может этого быть! Скорее всего, за его манипуляциями у дверей склада кто-то внимательно наблюдал...

Да, дело на сей раз досталось трудное, почти безнадежное. Главное — потеряно много времени, и преступники наверняка успели, как говорится, спрятать концы в воду.

«Безнадежное, не безнадежное, а что-то надо делать,— подумал майор.— Но хотя бы малейшая зацепка...»

Его невеселые размышления прервал стремительный, как всегда, приход старшего инспектора уголовного розыска Виктора Васильевича Цибина. У этого невысокого, по-мальчишески стройного старшего лейтенанта за плечами было уже немало лет, проведенных на трудной милицейской работе, он по праву считался одним из опытных оперативников.

— Кажется, что-то начинает проясняться,— сказал Цибин.— Мы опросили жителей ближних к порту жилых домов. Оказывается, некоторые видели, когда возвращались домой после второй смены, что на обочине стоял автомобиль марки ГАЗ-51. Вместо кузова у него фургон с надписью «Продукты». Я считаю, что это и есть та самая автомашина, на которой преступники вывозили похищенное.

— Подожди, подожди... Не торопись с выводами. Ты хоть выяснил, может быть, кто-то из шоферов к своим знакомым приезжал?

— Была и у меня сначала такая же мысль. Но все жители Стрелки отказались. Говорят, знакомых шоферов ни у кого нет. Так что, по всем признакам, та машина, преступников. Да вы и сами посудите, Виктор Александрович, фургон закрытый. На нем надпись «Продукты». Очень удобная маскировка для преступников.

— Но и горячку тоже пороть нельзя. Сейчас поедem, покажешь, где эта машина стояла. А потом — в автоинспекцию...

Редкий канцелярский работник не позавидовал бы в следующие дни терпению, трудолюбию и выдержке старшего ин-

спектора уголовного розыска. Когда Цибин ознакомился с внушительным списком автомашин, имеющих кузов-фургон с такой приметной надписью, он только тяжело вздохнул:

— Хорошо еще, что не просто обычный бортовой газик был. А то сидеть бы нам с этой проверкой, как говорится, до морковкина заговенья.

Потянулись томительные и однообразные дни. Требовалось просмотреть сотни путевых листов, проверить правильность их заполнения, чтобы определить, чей же автомобиль иногда стоял по ночам на обочине дороги у порта. Иногда казалось — нашли. Но когда проводили тщательную всестороннюю проверку, то оказывалось, что подозрения не оправдывались: водитель в это время спокойно спал дома, а его машина не отлучалась из гаража.

Кстати, об этих проверках мало кто знал или догадывался. Лишь считанным сотрудникам автобазы было известно, что работникам автоинспекции зачем-то понадобилось проверить правильность заполнения путевых листов. А для остальных — просто проходила обычная плановая ревизия их хозяйства работниками облавтоуправления.

И вот как-то мелькнул лучик надежды. Выяснилось, что в одну из ноябрьских ночей автомашины 83-56 не было ночью в гараже, хотя, по записи в путевом листе, в 20 часов она уже закончила работу по развозке продуктов по магазинам пище-торга. Личное дело водителя было тоненьким. В нем лежало заявление о приеме на работу с визой директора «Зачислить с 3 июня», личный листок по учету кадров и коротенькая автобиография. Из нее явствовало, что Большов Павел Викторович родился в Горьком в 1950 году. Окончил восемь классов и автошколу. Получил права шофера-профессионала, работал водителем самосвала в одном из автохозяйств. Потом — армия, после службы — вновь любимое дело. С маленькой фотокарточки смотрел худощавый парнишка с упрямым хохолком коротко стриженных волос.

Майор Радаев вздохнул и отодвинул личное дело на край стола. «Обычная биография молодого парня. Трудно понять, что у него могло быть общего с преступниками, — подумал он. — Но следует присмотреться повнимательнее. Уж больно подозрительно все выглядит: судя по путевому листу, его машина прибыла в гараж в 20 часов. А сторож автохозяйства утверждает, что она в тот день находилась «неизвестно где».

В дверь кабинета осторожно постучали.

— Заходите, — пригласил майор и указал вошедшему на стоящий у стола стул.

Парень явно волновался, часто приглаживал намокший от пота хохолок волос надо лбом, и тогда можно было увидеть его руки, обветренные, с потемневшей и загрубевшей кожей. Руки рабочего человека...

— Мне сказали, что вы просили меня зайти.

— Правильно. Вас, кажется, Павлом Викторовичем зовут?

— Так точно.

— Ну зачем же так официально,— спокойно сказал майор,— ведь вы не в армии. Просто я хотел выяснить несколько вопросов. И не надо волноваться.

— Как же не волноваться,— смущенно улынулся парень,— ведь просто так, без причины, работники автоинспекции шофера не пригласят! Обязательно ждешь в этом случае какой-нибудь неприятности: то скорость превысил, то не там повернул... Да мало ли что. Такова уж наша доля шоферская.

— Давайте сразу поставим все точки над «и». Я не работник автоинспекции. Моя фамилия Радаев, начальник уголовного розыска. И вызвали мы вас совершенно по другому вопросу, хотя он тоже касается вашей работы.

Майор вынул из папки помятый путевой лист. От него все еще пахло бензином.

— Это ваш путевой лист?

Большов взял его, внимательно оглядел и уверенно ответил:

— Да, мой.

— Здесь записано, что машина 83-56 вернулась в этот день в гараж автобазы в 20 часов. Это так?

Парень покраснел, опустил голову. Большие руки смущенно мяти потертый малахай, и даже хохолок сник. Казалось, у него перехватило горло. Он сделал судорожное глотательное движение. Было заметно, как дернулся вверх-вниз кадык на тонкой шее, торчащей из свободного воротника просторной куртки.

— Так...— тихо ответил.

Радаев несколько секунд внимательно смотрел на растерявшегося парня. В кабинете стояла напряженная тишина. Казалось, она тяжелым грузом ложилась на плечи шофера и гнула его все ниже и ниже.

И парень даже вроде обрадовался, когда негромкий голос Радаева наконец-то нарушил эту тишину:

— Нет, не так, Большов. И ты сам это знаешь.

— Вы правы,— поднял голову шофер,— но я никак не могу понять, чем будет интересен мой рассказ для работника уголовного розыска?

— Ну это мы сами определим. А от тебя требуется одно: правдиво рассказать, где находилась автомашина 83-56 в ту ноябрьскую ночь.

Но рассказ шофера ничего не дал для расследования кражи. В тот вечер Большов уже возвращался в гараж, когда на одном из поворотов медленно разворачивающийся в снегу КраЗ зацепил его фургон. Оба шофера выскочили из кабин: металлический кузов самосвала вмял левый угол у фургона. Водитель КраЗа и не отрицал своей вины — слишком тут было все очевидно. Он стал просить:

— Не доводи дело до автоинспекции. У меня уже два «прокола», значит, права отберут. А слесарем в гараже, сам знаешь, много не зарабатываешь. Насчет своего фургона не беспокойся. Поедем к тестю, он тут рядом живет. Слесарь первой руки и инструмент любой имеет. Загоним машину во двор. Ночь поработаем, к утру фургон как новенький будет.

— В общем, пожалел я его, — вздохнул Большов. — А тесть у него и впрямь оказался умельцем.

Судя по всему, шофер говорил правду. И хотя требовалась проверка, Радаев уже был уверен в том, что история эта могла заинтересовать только работников автоинспекции. А к делу о хищении телевизоров эта машина и ее водитель не имели никакого отношения.

«И все-таки стояла же чья-то автомашина несколько раз недалеко от ограды порта, — думал майор, когда остался один. — Этот факт подтверждают несколько свидетелей. Значит, эту версию пока отбрасывать нельзя. Что ж, будем работать дальше».

На другой день в коридоре отдела милиции Радаев обратил внимание на мужчину в стареньком полушубке, в ватных брюках и огромных валенках. В кабинете Радаева встретил старший инспектор уголовного розыска Цибин:

— Виктор Александрович, вы видели человека в коридоре?

— В полушубке? Видел.

— Так вот: это водитель того «газика» с надписью на фургоне «Продукты», того самого, о котором нам сообщили.

— Точно?

— Сегодня утром ребята с патрульной машины Канавинского райотдела милиции заметили, что снова на этом месте фургон ночует. Потом глядят, человек вышел из соседнего дома, открыл кабину, сел за руль, начал прогревать мотор. Они вспомнили ориентировку, которую мы им передавали о возможном появлении здесь, у порта, подозрительной машины, и задержали водителя.

— Он был один?

— Один.

Радаев неторопливо разделся, повесил пальто, шапку, пригладил волосы. Потом сел к столу, на свое привычное место. Взглянул на старшего инспектора:

— Ты думаешь, что это его машина вывозила краденые телевизоры?

— Уверен.

— Тогда непонятно, за каким дьяволом он опять сюда приехал? Ведь телевизоры из склада вывезены.

— Может быть, не знал еще об этом?

— Не знал... Не знал, — майор помассировал пальцами лоб, что делал в минуты глубокой задумчивости. — Давай, приглашай, послушаем, что он нам расскажет...

Водитель фургона оказался очень словоохотливым человеком. Он — Васильев Иван Николаевич, работает шофером Навашинского райпо. По роду службы ему приходится иногда приезжать в Горький за товарами. Почему ставит машину на Стрелке, у порта? Да очень просто: тут живет в одном из домов приятельница. Назвал номер дома, квартиру.

Радаев коротко взглянул на сидящего в углу Цибина. Тот кивнул головой: «понял» — и незаметно вышел из кабинета. А майор продолжал задавать вопросы:

— А почему вы в Доме колхозника не ночевали?

— Так ведь туда не попасть. А тут женщина одинокая, и машину из окна видеть можно. Место тихое...

— И часто приходилось ночевать в Горьком? Я имею в виду — у вашей знакомой.

— Да нет, нынешней зимой раз шесть-семь.

— Посторонние предметы в машине не перевозили? Никто вам этого не предлагал?

— Нет, не перевозил и не предлагали. Так ведь я приезжал поздно, а уезжал всегда очень рано. Хозяйка так просила — уж очень она своих соседей стеснялась...

Чем больше майор расспрашивал этого человека, тем больше понимал, что этот сельский Дон Жуан мало чем сможет ему помочь. «Если только не врет», — мелькнула мысль. Да нет, многолетний опыт оперативника подсказывал, что водитель говорит правду.

Приоткрылась дверь, в кабинет торопливо вошел Цибин и вновь уселся в своем углу. Молчаливо кивнул головой. «Значит, все верно. Есть такая женщина, и она все подтвердила. Снова холостой выстрел?» Заканчивая беседу, он скорее по инерции задал еще один вопрос:

— Иван Николаевич, вот вы говорите, приезжали поздно. Да и ночью часто в окно поглядывали, беспокоясь за свой автомобиль. А других, кроме вашего, не видали?

— Вроде бы нет. Да и откуда там ночью машина? Хотя, подождите, кажется, раз видел. Только я свою у фонаря ставлю, чтоб он ее освещал, а та у самой стенки стояла. У каменной, что порт ограждает. Слово бы в тени пряталась...

— Когда это было? Не помните?

— Да вроде в конце января... Точно, после Нового года это было.

— А что за автомобиль? Какой марки?

— Я специально не разглядывал. Вроде бы автобус, пазик. Или санитарная машина. Точно не скажу.

Радаев поднялся:

— Ну спасибо, товарищ Васильев. Надеюсь, что эта беседа останется между нами. А на будущее поймите в виду: ночевать все-таки надо в Доме колхозника, а машину оставлять на ночь на платной стоянке.

Когда за сельским ловеласом закрылась дверь, они громко рассмеялись, вспомнив, как, суетливо собираясь, водитель срывающимся голосом уверял, что больше на Стрелке ноги его не будет, что у него в Навашине дом, жена, двое детей. Зачем ему такие приключения?

Впрочем, смеялись они недолго.

— Значит, пазик или санитарка? Это уже кое-что. Хоть тоненькая, но ниточка. Завтра начинаем проверку. Ею займешься ты, Виктор Васильевич.

— Опять все сначала?

— А ты как думал? Это только в кино так получается: преступник только еще подумал что-либо совершить, а уголовному розыску все известно. В общем, готовь план отработки новой версии и начинай.

В это же время в грязной маленькой комнате в одном из жилых домов на Стрелке тоже проходило «совещание». Запылившаяся двадцатипятисвечевая лампочка под бумажным абажуром скудно освещала три фигуры. Двое были черноволосые, а третий — с шикарным светло-рыжим чубом. Перед ними на столе на развернутой газете лежали крупно накромянные куски колбасы, сыра, хлеб, небрежно вспоротая ножом банка каких-то консервов. Здесь же стояли бутылки из-под водки и захватанные грязными пальцами граненые стаканы. Говорил один, а двое других внимательно слушали.

— Чувствую, горячо становится. Я вам рассказывал, как один из угрозыска добрые полчаса двери склада обнюхивал. Похоже, догадался, как телики из него испарились. Сколько еще непроданных осталось, Жиган?

Черноволосый коротко остриженный крепыш неторопливо разлил по стаканам остатки водки, сунул пустую бутылку под стол и, чуть растягивая слова, протянул:

— Три штуки.

— Надо скорее от них избавляться. Да и деньги нужны. Водку каждый день пьете, а ее бесплатно в магазинах не дают. Значит, так: подавай завтра свою колымагу, грузим остатки — и в путь.

— Завтра не могу. Техосмотр на носу, подготовиться надо. Главврач опять же коситься начинает. Нет, не раньше как через неделю...

В разговор вмешался третий. Невысокий, худенький, похожий на мальчишку, он явно волновался:

— А может хватит, Строк? Пожилились и так неплохо.

Тот, которого назвали Строком, тряхнул льняным чубом и насмешливо передразнил:

— Ишь чего захотел — «хватит». Я с этими ящиками чуть грыжу себе не нажил, пока до забора от склада тащил. Да и не в моих правилах просто так от денег отказываться. А тебя, если не хочешь, не неволим. Мы с Жиганом вдвоем все торговые операции обделаем. Не впервой... Только учти, что в этом случае, как говорится, третий лишний. Деньги вырученные тоже на двоих делить будем.

— Как на двоих? А кто на склад лазил, дверь открывал? — загорячился худощавый, блестя черными маслинами глаз. — Как до денег, так Ахмет уже не нужен? Да?

— Не горячись, давай по-хорошему. Вместе продавали, вместе, если что, баланду снова хлебать будем.

— А ты не пугай!

— Да я и не пугаю. Просто так, к слову пришлось. Давай-те-ка лучше выпьем...

Утром майору Радаеву позвонил начальник отдела милиции Игнатьев. Разговор был не из приятных.

— Что нового, Виктор Александрович?

— Пока хвастаться нечем.

— Тут у меня потерпевший один сидит, вместе с женой. Я к тебе его сейчас подошлю. Разберись, пожалуйста. Хватит твоим орлам бездельничать.

И в трубке слышались короткие гудки.

«Хорошее бездельничество, — подумал он. — Впрочем, нет результатов, значит, нет и дела».

В дверь осторожно постучали, и в кабинет вошли двое — юноша и девушка.

— Нам рекомендовали обратиться к вам.

Радаев понял, что это те самые потерпевшие, о которых ему только что говорил полковник. Юноше было чуть больше двадцати, а девушке — лет восемнадцать. Покрасневшие глаза и чуть распухший от слез нос без лишних расспросов говорили о том, что девушка только что плакала. Она еще мяла мокрый от слез платочек самого минимального размера. Юноша рас- казал, что с ними случилось.

Вчера они приехали в Горький из Гагина, где состоялась их свадьба. Вместе со всем приданым невесты им надо было добираться до Городца, где жил и работал муж. Молодые решили ехать по Волге «Ракетой». А чтобы не мучиться с багажом, один чемодан, самый тяжелый, положили в автоматическую камеру хранения на речном вокзале.

Сегодня они вернулись в Горький, погуляли по городу. А когда решили ехать домой и открыли автоматическую камеру хранения, то оказалось, что она... пуста.

Радаев тут же послал на речной вокзал Цибина. Он должен был узнать у работников вокзала, у дежурных милиционеров, не заметили ли они вчера какого-нибудь подозрительного человека. Одновременно с этим подробное описание чемодана было передано членам оперативных групп, которые перекрыли все выходы из города. Все отъезжающие в этот день из аэропорта, с железнодорожного, речного и автовокзалов были под незримым пристальным наблюдением работников милиции.

Вскоре в отдел вернулся Цибин. Ему удалось узнать, что именно вчера какой-то человек почти целый день слонялся по тому залу речного вокзала, где находятся автоматические камеры хранения. Со слов работников вокзала был составлен его словесный портрет, с которым ознакомили всех оперативных работников.

Было ясно, что преступление совершил какой-то приезжий «гастролер». Ему каким-то образом удалось узнать шифр замка камеры-автомата, открыть ее и похитить чемодан. Утешало одно — по предварительным данным, мужчина с известными приметами пока еще не покидал город. Однако время было дорого.

— Виктор Александрович, а что если нам подключить к работе оперативных групп самого потерпевшего? — предложил

Цибин вечером на совещании, где подводились, увы, неутешительные итоги первого дня работы. — Ведь все приметы чемодана ему вспомнить трудно. А так — может быть, сам его узнает.

— Правильно, — поддержал Радаев, — но включить его следует в ту группу, которая с утра возьмет под свой контроль не только железнодорожный вокзал, но и близлежащие улицы, особенно со стороны Канавинского рынка. Не исключено, что преступник захочет реализовать украденные вещи. А для «гастролера» рынок — самое привлекательное место.

Ранним утром следующего дня одна из оперативных групп, в которую входил и потерпевший, обошла залы ожидания железнодорожного вокзала, побывала на перроне, у камеры хранения. Пока все было безрезультатно. Решили пройти от вокзала до ворот Канавинского рынка.

И вот тут потерпевший вдруг увидел свой чемодан. Его нес высокий мужчина в чуть помятом костюме, незаметно выскользнувший из какого-то привокзального переулочка. Он направился к входным воротам рынка.

— В рынок его пускать нельзя — затеряется в народе, — коротко распорядился старший опергруппы. — Будем брать немедленно.

Задержание было произведено быстро и четко. Окружающие видели, как двое мужчин догнали третьего, который нес чемодан, и взяли его за руки. Потом подошел еще один, подобрал упавший чемодан, и вся группа повернула обратно, в сторону Московского вокзала.

Менее суток прошло с тех пор, как работники уголовного розыска узнали о хищении, и вот им удалось не только вернуть украденные вещи, но и обезвредить преступника. Но большой радости никому из сотрудников операция не доставила. Ведь дело о хищении телевизоров пока не продвигалось. Одна за другой отрабатывались различные версии, но на проверку они оказывались безрезультатными.

В один из пасмурных дней, когда и удачи не радовали, и погода была холодной и дождливой, майора Радаева вызвал начальник отдела милиции. Он молча кивнул, продолжая быстро перелистывать какие-то бумаги в лежавшей перед ним папке. Потом поднял голову и весело сказал:

— Чего грустишь, Виктор Александрович, радоваться надо. Преступление раскрыл, хищение обнаружил.

— Не слишком весело телевизионные дела складываются.

— Тут мне следователь принес протоколы допроса этого похитителя чемоданов. И знаешь, интересная деталь: оказы-

вается, пока он на речном вокзале ротозеев высматривал, подходил к нему один человек, телевизор предлагал. Новенький, в упаковке. Говорит, на свадьбу родственники подарили, а у них свой неплохой. Да и деньги нужны. А куда «гастролеру» телевизор? Отказался.

— Приметы «продавца» помнит? — Радаев даже привстал со стула.

— Почти ничего. Единственно, говорит, чуб его запомнил — как льняной. Только ведь волосы и остричь можно. Примета не очень надежная.

— Наверяд ли просто так, за здорово живешь, захочет с такой красотой расстаться. Разрешите идти, товарищ полковник?

Вскоре удалось узнать фамилию владельца роскошного чуба. Это был Владимир Строков, рабочий одной из бригад порта. В свои тридцать лет он уже дважды попадал в места лишения свободы. Причем оба раза — за кражи. Правда, последнее время, выйдя из исправительной колонии, Строков, кажется, остепенился: устроился на работу в порт, сторонился прежних компаний.

Настораживало то обстоятельство, что он был в числе рабочих порта, с которыми сотрудники милиции беседовали о пропавших телевизорах. Он тогда говорил, что ничего об этом не знает. А тут — сам предлагал незнакомому человеку какой-то телевизор. Кстати, проживал Строков тут же, на Стрелке, недалеко от порта.

А Цибин в это время вел отработку версии «пазики» и «санитарки». Подозрение вызывал водитель санитарной машины одной из городских больниц Владимир Жиганов. Несколько лет назад он совершил кражу, был осужден. Выйдя из исправительной колонии, устроился на работу в гараж.

Цибин как-то заходил утром к гаражу больницы, посмотрел издалека на этого водителя. Однажды, когда все машины были в разъезде, познакомился он и с механиком, невысоким разговорчивым человеком. Представился шофером автобуса, вздыхал:

— Надоело на автобусах. Как заведенный, мотаешься по одному и тому же маршруту. Скука. Уходить, наверное, придется. Ведь вот у ваших шоферов работка — позавидуешь.

— Ну, это только издали так кажется, — убежденно заметил механик, — сам посуди: гаражик у нас маленький, машины разбитые, запчастей вечно не хватает. Доставка, механик, где хочешь. Правда, некоторые сознательные водители сами себя в трудную минуту снабжают. Вот у нас один есть. Если

попросишь, сутки, двое будет нужную деталь искать. И достанет, как из-под земли достанет.

— Это кто ж такой?

— Да есть тут у нас, Жиганов его фамилия.

— И что же он — пешком за этой деталью бегаёт?

— Зачем пешком? Для такого дела я ему старую «санитарку» выделяю. Есть у нас такая, накануне списания в металлолом находится. А все еще бегаёт. Вот и вчера уехал, обещал новый карданный вал достать да заднюю подвеску.

Больше тут узнать ничего не удалось, и Цибин поспешил в отдел милиции. Новость была слишком значительной, чтобы с ней можно было не торопиться.

В прохладной тишине кабинета майор Радаев был один. Когда к нему, по обыкновению стремительно, вошел Цибин, он отодвинул в сторону бумагу, которую только что читал:

— Вижу, что с новостями. Докладывай.

И выслушав рассказ старшего инспектора, спросил:

— Значит, один из водителей может день-два использовать санитарную машину в личных целях? Как его фамилия?

— Жиганов. Он уехал еще вчера. Дома его нет. Где — неизвестно.

Радаев помолчал.

— Вот что, Виктор Васильевич. Тут у нас, ты знаешь, возникли серьезные подозрения к Строкову. Я написал запрос в исправительную колонию, где он отбывал срок, просил сообщить, с кем он был там особенно дружен. Сегодня пришел ответ. Так вот, водитель санитарной машины, этот ловкач и доставала дефицитных запчастей Жиганов — лучший друг Строкова. Был там, правда, и еще один, Алибеков. Но тот больше на подхвате у них состоял.

— Может быть, надо искать всех троих? Жиганова в городе нет. Начнем со Строкова, товарищ майор.

Однако, когда к Строкову пришли домой, комната его оказалась закрытой. Не было его и на работе.

— Отпуск он на три дня попросил, — пояснил бригадир. — Административный. Куда-то в Починковский район уехал — тетка, говорит, у него помирает...

Но, по всем данным, никаких родственников у Строкова ни в Починковском районе, ни вообще в Горьковской области не было. Неужели он почуял опасность и скрылся?

...В это время автомобиль «скорой помощи» пылил по дорогам Борского района от деревни к деревне. Окна фургона замазаны белой масляной краской, и рассмотреть, что там находится, невозможно. За рулем сидел черноволосый крепыш.

Здесь же, в кабине, был и другой парень. Залетающий в окно ветер раздувал его волнистый чуб. По всему чувствовалось, настроение у них не из приятных. Да и было от чего: уже в третьей деревне они пытались продать три оставшихся телевизора — и все безрезультатно.

Наконец «санитарка» въехала в большое село. На скамейке возле одного из домов, протянувшихся длинным рядом вдоль дороги, сидела старушка в белом платочке. Строков (это был он) тронул за руку водителя:

— Останови на минуту...

Подошел к старушке, бодро поздоровался:

— Здорово, бабуля. Скажи, пожалуйста, тут никому телевизор не нужен? Новенький, с иглочки. И отдам задешево.

— А откуда он у тебя, сынок?

— Да на свадьбу подарили. А у нас уже был один. Зачем же мне пара-то телевизоров? И с деньжатами поиздержался — свадьба все-таки... Так как, бабуля, берешь?

Старушка помолчала немного, вспоминая, как недавно работники милиции из Горького спрашивали у сельчан, не продавал ли здесь кто краденый телевизор. Потом решительно сказала:

— Нет, моих денег на него не хватит. Живу я одна, пенсию получаю маленькую. Ты поезжай немного подальше по нашему ряду, увидишь дом под зеленой крышей, бригадиров. Вот он давно телевизор собирался покупать. А купил или нет — не знаю. — А сама подумала: «Тот уж разберется что к чему».

Последних слов парень уже не слышал. Он одним прыжком преодолел придорожную канаву. Хлопнула дверца кабины. Заурчал мотор, и «санитарка», пыхнув голубым дымком из глушителя, покатила дальше.

Начало разговора с бригадиром почти как две капли воды напоминала предыдущий. Сам бригадир, крепкий кряжистый мужик с тронутой серебром седины бородой, видно, не отличался многословием. Но он действительно понял, что к чему и как ему поступить. С ориентировкой милиции давно уже был знаком.

— Ты вот что, — неторопливо поглаживая бородку, предложил он, — давай носи свой телевизор сюда, во двор. — И пока парень шел к калитке, бригадир негромко окликнул сына, парнишку лет четырнадцати:

— Давай в сельсовет, там Владимир Афанасьевич должен быть, наш участковый. Скажи, приехали тут, телевизором торгуют. Да дворами беги, незаметно чтоб...

Строков радостно подбежал к машине, распахнул двери санитарного фургона:

— Кажется, нашелся покупатель, — сообщил он сидящему в фургоне парню. — Да аккуратнее двигай, а то разобьешь еще. Эх ты, слабосильная команда... Ну, наконец-то. Сам не вылезай, я один донесу. Сейчас деньги на бочку — и айда дальше.

Водитель машины видел, как Строков, тяжело отдуваясь, втащил во двор коробку с телевизором, как о чем-то заспорил с бригадиром. «Торгуются, в цене, видно, никак не сойдутся».

И вдруг картина во дворе резко изменилась. Откуда-то появился лейтенант милиции. Строков хотел рвануться к калитке, но на его пути встал коренастый бригадир. Милиционер крикнул бригадиру:

— Водителя не прозевай!

Тот бросился к «санитарке». Но было поздно. Заскрежета-ла коробка передач, и машина, рывком дернувшись с места, быстро набрала скорость. Бригадир смущенно развел руками:

— Не успел, Владимир Афанасьевич.

— А номер машины запомнил?

— 17 и не то 35, не то 55. А вот буквы не разглядел — уж больно густо пыль их залепила.

— Это ничего, найдут. Главное — «жениха» поймали.

К вечеру того же дня неудачливый «продавец» был доставлен в отдел милиции к майору Радаеву.

— Что же ты, когда тебя спрашивали, говорил, что никаких телевизоров не видел и не знаешь. А сам, оказывается, деревенских жителей ими снабжаешь.

— Ничего я не знаю. Телевизор этот нашел случайно, на улице. Мне он не нужен. Вот и решил продать. Что, разве это законом запрещено?

Радаев спокойно смотрел на задержанного. И чем дольше это продолжалось, тем больше тот нервничал.

— Значит, признаваться не желаешь? Дело твое. Кстати, когда ты этот телевизор нашел?

— Вчера вечером.

— Вчера, — протянул Радаев. И тут же, быстро: — А какой телевизор два дня назад мужчине на речном вокзале предлагал?

— Какой телевизор? — с притворным возмущением повысил голос Строков, — что вы путаете? Никакого мужчину я не знаю. И никаких телевизоров не предлагал...

И только мелкие капельки пота, выступившие на лбу, выдавали его волнение. Да еще кончики пальцев левой руки, лежащей на письменном столе, чуть заметно подрагивали.

— В общем, прекращай истерику. Парень ты тертый, наши порядки знаешь, поэтому — начистоту. Дружков твоих мы уже взяли. И Жиганова, и Алибекова. Уж больно приметную машину вы выбрали, карету «скорой помощи».

— Какая попалась, выбора не было.

— Это ты правильно сказал, выбора у вас действительно не было. Да и не могло быть. С друзьями где познакомился? В колонии?

— Там...

— Значит, я рассказывать буду, как вы воровали, а ты поправишь меня, если ошибусь где. Ты узнал, что на склад порта завезли телевизоры, которые будут лежать до весны. Предложил своим друзьям часть их похитить и продать. Роли распределили так: Алибеков, как самый худенький из вас, проникает на склад через отверстие над дверью, отпирает ее. Вы забираете телевизоры. Кстати, сколько брали за один рейс?

— Три. Больше не возьмешь. Коробки громоздкие и тяжелые...

Казалось, что каждое слово, которое выдавливал из себя Строков, было отлито из свинца и тяжесть его заставляла все ниже опускать чубатую голову. Радаев спокойно продолжал:

— Свою добычу тащили к забору, перелезали через него... Происходило это обычно в дальнем темном углу. Тут же поблизости стояла и машина «скорой помощи». В самом деле, кто сможет заподозрить такой автомобиль? Погрузив телевизоры в машину, отвозили их в сарайчик, здесь же, на Стрелке. Потом, когда все восемнадцать телевизоров были перевезены, немного выждали, удостоверились, что о краже никто пока не подозревает, и начали распродажу. Так я излагаю?

— Так... Тут добавить нечего.

— Но у меня к тебе есть еще вопрос: кому продавали краденое? Впрочем, можешь не отвечать. Только мы все равно это узнаем. Не сразу, правда. Немного повозиться придется. А вот как суд посмотрит на твое молчание — сам знаешь.

Парень медленно поднял голову и долго внимательно смотрел на майора. Потом, словно что-то сломалось в его взгляде. Он опять опустил голову, вяло махнул рукой:

— Все равно ваша взяла. Пишите. Первый адрес: Лысковский район, село...

Так была поставлена последняя точка в этом, казалось бы на первый взгляд, почти безнадежном деле.

Н. Чесноков

АВТОРУЧКА С ЗАВИТКАМИ

Один за другим подходили к остановке и отходили от нее автобусы, троллейбусы, маршрутные такси, а этот молодой человек все чего-то выжидал. Может быть, он томился в ожидании свидания с девушкой, которая, как это бывает в подобных случаях, опаздывает непременно? Но он не поглядывал на часы, не всматривался в лица людей, выходивших на остановке, проходивших мимо. Он явно был занят своими мыслями. Подняв воротник светло-коричневого в крупную клетку пальто и нахлобучив на глаза пыжиковую шапку, он стоял, упрятав подбородок в яркий мохеровый шарф и держа руки в карманах. Вот он прошелся в очередной раз вдоль остановки, свернул на заснеженный тротуар уходящего от проспекта переулка. Шел неторопливо, сосредоточенно глядя под ноги. Пройдя метров пятьдесят, молодой человек остановился, посмотрел по сторонам. Видимо, убедившись, что ни для кого интереса не представляет, он сосредоточенно стал рассматривать тротуар, придороженные снегом газоны... Что искал он здесь?

На этот вопрос мог бы ответить капитан милиции Зубарев, старший следователь Приокского отдела внутренних дел города Горького. То, что искал сегодня утром на тротуаре неизвестный, лежало на столе у следователя. Это была единственная вещица, не принадлежавшая потерпевшему. Тщательно осмотрев место происшествия, работники милиции нашли записную книжку, мундштук, ключи от квартиры и еще авторучку, сделанную кустарным способом из разноцветного органического стекла, плотно подогнанные колечки которого напоминали ряд орденских планок. С обеих концов на авторучку были навинчены отшлифованные до блеска наконечники. Верхний из них был как бы срезан, и на этом срезе были выгравированы завитки, напоминающие букву «К». Ручка была красивая, видимо, мастер с любовью делал эту вещь.

У потерпевшего в кармане пиджака была авторучка, прикрепленная держателем к краю кармана, поэтому Зубарев предположил, что другая авторучка, не имевшая такого уст-

ройства, могла выпасть из кармана того, кто ударил потерпевшего. Вывод, к которому пришли эксперты, был таков. Потерпевшему был нанесен удар в лицо, о чем свидетельствовала рассеченная нижняя губа, причем ударили не твердым предметом, а, по всей вероятности, рукой. Потерпевший не устоял на ногах и рухнул навзничь. Затылком он ударился об угол железобетонного бордюра тротуара и получил тяжелую черепно-мозговую травму: перелом свода основания черепа, как было записано в протоколе. Он скончался, не приходя в сознание, спустя семнадцать часов безуспешной борьбы врачей за его жизнь.

А за эти семнадцать часов было установлено следующее. Алексей Талиев сидел дома перед телевизором, когда со второй смены пришел отец. Он не позвонил, а глухо ударился в дверь телом, как понял потом сын. Алексей открыл дверь, и отец сполз по ней, упал сыну на руки. Голова его была в крови. Он и произнес одно-единственное слово: «Голова...»

Оперативная группа прибыла почти одновременно со «скорой», но разговаривать с Талиевым-старшим врачи не разрешили. Да и бесполезно было бы разрешение — потерпевший находился без сознания.

Путь, по которому Иван Тихонович Талиев ежедневно ходил на работу и возвращался домой, был один, и Алексей объяснил его следователю. Работники милиции тут же отправились по маршруту в поисках места, где произошла трагедия. Установить его не составило труда. Следы борьбы были обнаружены на тротуаре метрах в пятидесяти — шестидесяти от автобусной остановки. Вещи лежали нетронутыми. Видимо, никто, к счастью членов оперативной группы, здесь не проходил за это время.

В отношении авторучки Алексей только пожал плечами:

— Не видел ее у отца. У меня была такая одно время, но я ее подарил товарищу. Да мало ли у кого есть такая безделушка, их на любом заводе, наверное, мастерят любители. Но эта, кажется, сделана на нашем заводе, потому что у некоторых ребят я видел такие же.

Следователь сделал пометку в своих записях: надо было заинтересоваться на заводе у людей, выяснить все, что могло иметь отношение к этой авторучке. Зубарев, однако, не очень надеялся, что на этом пути его ожидает успех. Выяснить, кому принадлежит именно эта ручка (а у заводских ребят таких ручек, оказывается, немало!), не так-то просто. Да к тому же ручку могли и потерять, и найти посторонние лица, о которых, конечно же, на заводе и знать не знают. И тем не менее эта де-

таль в поисках пока что была единственной, заслуживающей пристального внимания.

Что именно произошло здесь в тот поздний час? Кто и почему поднял руку на пожилого, уважаемого в цехе человека? Ограбление исключалось. Все вещи потерпевшего оказались в сохранности. Дорогие японские электронные часы были на руке. Денег больших Талиев с собой не брал. Всего два рубля торчали из-под коричневой синтетической обложки записной книжки. Даже если и предположить покушение на ограбление, то в этом случае явно должны были бы появиться действующие лица. Ведь если кто-то помешал преступнику, то не мог же он оставить потерпевшего, не оказав ему помощь или не сообщив (хотя бы по телефону!) о случившемся в милицию. Версия выглядела малоубедительной.

Напрашивались и другие версии: либо Талиев подвернулся под пьяную руку загулявшим хулиганам, либо кто-то решил отомстить мастеру. Вторая версия казалась более перспективной. Ударили всего раз, как бы мимоходом. Дескать, не мешай на дороге. При третьей версии разумно было предположить, что те, кто собирались мстить, должны были бы побить потерпевшего изрядно.

Но если строить предположения было нетрудно, то вести их отработку оказалось делом огромной сложности. За что-то надо было ухватиться, найти какую-то существенную деталь, чтоб начать подвигаться к цели и, главное, чувствовать это, ощущать уверенность в своих действиях. Такой уверенности сейчас у Зубарева не было, неопределенность мучила его. Он упрекал себя в неумении быстро проанализировать факты и принять первое решение, хотя в отделе он давно был известен своей компетентностью в вопросах уголовного судопроизводства, достаточно сказать, что за всю его практику ни прокурором, ни судом не было возвращено на дополнительное расследование ни одно из уголовных дел, которые вел Зубарев. Четкая его работа уже ставилась в пример его коллегам...

А теперь, оказавшись перед неопределенностью, он задавал себе вопрос: а не просчитался ли ты, капитан Зубарев, в жизни? Своим ли делом занялся? Не потому ли бывает так трудно, что нет особых способностей для этого дела? Не каждому ведь, наверно, так потеть приходится; есть же, хотя и не Шерлоки Холмсы, умеющие с одного взгляда определять убийц и воров, но тем не менее мастера своего дела, знающие, уверенные, напористые. А ты? Романтик, еще не так давно мечтавший стать музыкантом. Ведь серьезно же думал об этом, с детства занимался музыкой, учился в музыкальной школе. До сих пор Зу-

барев не забыл тех виртуозных вещей, которые играл в школе, до сих пор баян не выпускает из рук. Но теперь это хобби. Хобби с того самого дня, когда вдруг передумал идти в музыкальное училище и подал документы во Всесоюзный юридический институт. Тогда это решение было вроде неожиданным, но потом убедился: выбор правильный. Со школьной скамьи увлекался историей, обществоведением, основами государства и права, в увлечении своем ушел далеко за рамки школьной программы, изучая юриспруденцию. Соседка по парте Людя так и предсказывала: «Быть тебе, Витька, адвокатом». Адвокатом он не стал, стал следователем... При воспоминании о жене Зубарев улыбнулся: вроде все было недавно, а теперь уже и Людя — Людмила Ивановна, технолог, подарившая ему дочь да двух сыновей-близнецов. Нет! Все идет так, как надо. Сомнения долой! Берись-ка, капитан, за работу без лишних размышлений, не относящихся к делу...

С чего же начинать завтра? С завода? Расспросить рабочих, товарищей Талиева. Установить, кто и когда видел его в последний раз перед случившимся, свести к минимуму ту неизвестность, которой сейчас заполнено для него время с момента ухода Талиева с работы до его возвращения домой....

Начальник цеха, к которому обратился Зубарев, выслушав просьбу, с готовностью пообещал:

— В обеденный перерыв соберем товарищей, поговорите с ними.

Зубарев поблагодарил, спросил, кто мог бы ему подробнее рассказать о Талиеве?

— Да и я его хорошо знаю. Мы же с ним вместе почти двадцать лет отработали на этом заводе.

— В таком случае к вам вопрос: с кем Талиев находился в неприязненных отношениях?

— С кем? — переспросил начальник цеха, задумавшись. И, с минуту помолчав, ответил: — Этого я вам не скажу. Да и никто, пожалуй, не скажет, потому что мастер нашего цеха Иван Тихонович Талиев не из тех людей, о ком худо говорят или думают.

— Но, может быть, в последние дни поссорился с кем-нибудь?

— Единственный человек, с кем он иной раз ругался, так это начальник цеха, то есть опять же я. Но ссорами это не назовешь. Ругал он меня на правах старого друга, и за дело.

— Вы не в счет, — отмахнулся Зубарев.

— Да и другие, если кого паче чаяния отыщете, тоже не в счет будут. Коллектив у нас хороший, дружный. И если кто

кого и ругает, так это в силу производственной необходимости,— засмеялся начальник цеха.— А необходимость эту чет-ко осознают все.

— Может быть, Талиев в чей-то адрес выступил с критикой на собрании?

— Э! Да разве мало мы кого или нас кто критикует! Если после этого всякий кулаки пускать в ход будет, что же получится?

— Ну, всякий не всякий, а кто-то возьмет да под пьяную руку и припомнит.

— Пожалуй... Не исключено и такое. Ну что ж, давайте поговорим с людьми.

Зубарев вынул из папки авторучку-самоделку, протянул начальнику цеха:

— Была такая у Талиева?

— Чего не знаю, того не знаю,— пожал плечами начальник цеха.— Я, по крайней мере, не видел у него такой. Он обычно зеленой писал авторучкой, с кнопочкой наверху.

— Вот эту мы нашли на месте происшествия.

— Ну, так кто-нибудь подарил ему. У нас такие авторучки в ходу. Есть умельцы этого дела.

— Много их?

— Нет, немного. Но вы поговорите с народом.

Рабочие с готовностью выразили желание помочь следствию, но каким образом это можно сделать, никто не знал. Нашлись двое, с кем Талиев в тот вечер ехал с работы. Они видели, как он вышел на остановке, но большего сказать не смогли. Зато в отношении авторучки кое-что прояснилось. В цехе работало несколько молодых людей, умельцев, как назвал их начальник цеха, которые делали неплохие авторучки. Зубарев встретился с ними. Ребята рассказали, что занимались этим делом, но, хотя и мастерили ручки в обеденный перерыв или после работы, начальство запретило им подобное занятие. Да и волна увлечения сама по себе уже прошла.

Главная же удача следователя оказалась в том, что один из ребят оказался автором того самого изделия, образец которого Зубарев имел с собой. Тут и выяснилось, что буква «К», выгравированная на авторучке, обозначала инициал ее создателя — Стаислава Козырных. Но назвать всех, кому он такие авторучки изготовил, Козырных не мог:

— Кто для себя, кто для друга просил, откуда знаешь.

— Сколько же авторучек вы изготовили?

— Десятка три, если не больше. Не скажу точно.

И вновь волна огорчения сменила минутную радость Зуба-

рева. Но упускать эту ниточку он не имел права. Теперь очень многое зависело от этого парня, который, наверное, и не представлял всей важности тех сведений, которые сообщал и еще мог сообщить следователю.

— Надо постараться вспомнить каждого, кому вы такую авторучку сделали.

Но шли дни, а авторучка не выводила на след. Все те люди, которых следователь установил с помощью Козырных, не имели отношения к случившемуся. И вновь он анализировал свои действия, тщательно осмысливая каждую мелочь, перебирая услышанные им фразы, слова, насколько они ему запомнились при беседах с людьми. И снова шли поиски, расспросы.

Одолеваемый невеселыми мыслями, зашел он однажды в заводскую лабораторию. Девушка, сидящая за столом, внимательно рассматривала в зеркальце свои подсиненные веки.

— Извините, товарищ следователь,— зарделась она, увидев подошедшего Зубарева, и быстро убрала зеркальце в сумочку.

— Ничего, дело житейское, красоту нужно поддерживать и в быту, и на производстве. Позвонить можно от вас?

— Сколько угодно.

— А откуда вы знаете, что я следователь?— набирая номер, спросил Зубарев.

— Личность вы популярная. О вас весь завод знает.

Пока Зубарев звонил в отдел, разговаривал с ребятами из уголовного розыска, девушка внимательно вслушивалась в разговор и, когда Зубарев положил трубку, спросила:

— Так и не нашли убийцу?

— Убийцы и не было.

— Как это не было? Человека схоронили, а убийства не было?

— А так: смертельное ранение Иван Тихонович получил, когда упал и ударился головой.

— Но ведь не сам же он упал.

— Сложное это дело, так скоро вам всего не разъяснить, а времени у меня на правовое просвещение, к сожалению, не имеется.

— А мы с мужем так и думали: убийство и убийство. Да все так говорят. Все возмущены.

— Случай, конечно, безобразный,— согласился Зубарев.

— Такого человека погубить!— продолжала возмущаться девушка.— Мой-то вон, хоть и не очень большую любовь к нему питал, а как узнал, что Иван Тихонович умер, так знаете, как расстроился.

— Вы знали Талиева?

— А как же, сколько лет в дружбе жили. Мы из одной местности. А с Алешей, сыном его, в одной школе учились.

— Понятно. А почему же ваш муж, как вы сказали, не очень большую любовь к Ивану Тихоновичу питал?

— Да нет, я просто не так, может быть, выразилась. Мой муж у нас в семье человек новый, а поэтому наши давние отношения с Талиевыми для него — новые, ну и особых симпатий к ним он еще не приобрел.

— И, несмотря на это, смерть Талиева его сильно расстроила?

— Вы знаете, муж на другой день даже на работу не вышел.

— Вот как! — искренне удивился Зубарев.

Мелькнула мысль: «А не тут ли собака зарыта?» — ведь услышал о первом человеке, который не питал любви к Талиеву. Стараясь не подавать вида, что слова собеседницы его заинтересовали, Зубарев, поблагодарив девушку за телефон, вышел из лаборатории. Он намеренно не спросил ее фамилию и не стал расспрашивать о муже — все это он узнает и от других людей, хотя бы от того же Алексея Талиева, который, конечно же, может больше, чем кто-либо другой, рассказать о взаимоотношениях их семьи с Лилей (так, кажется, зовут девушку) и ее супругом.

В сложной цепи рассуждений следователя один за другим вставали вопросы: «Почему человек, не питавший особой любви к Талиеву, так расстроился, узнав о его смерти, что на следующий день даже не вышел на работу? Может быть, он знает что-то или имеет косвенное отношение к происшествию?..»

Алексея Зубарев застал дома.

— Что-нибудь прояснилось, Виктор Иванович? — ответил на приветствие, сразу же спросил следователя Талиев.

— Трудно сказать. Давайте поговорим о ваших друзьях, знакомых.

— Хорошо, спрашивайте. С кого хотите начать?

— Наверное, с тех, с кем вы не очень ладили, может быть, повздорили, а то и сильно конфликтовали?

— Да ни с кем, кажется, отношения я не портил, чтоб дело доходило до конфликтов.

— Я сейчас только с Лилей разговаривал, такая симпатичная молодая женщина. Как, кстати, ее фамилия?

— Лазарева?.. — полуответил, полуспросил Талиев, и Зубареву показалось, что в голосе его прозвучала какая-то настороженность. — А о чем разговаривали?

- Да так, о пустяках.
- Чего-нибудь обо мне наговорила?
- А чего она будет вдруг наговаривать на вас? Или что неладно между вами?
- Да нет, что вы, даже наоборот,— смутился Алексей.
- Вот как, даже наоборот?— двусмысленно повторил Зубарев, улыбаясь. И, видя, как тот зарделся в краске, понял, что пошутил неуклюже, извинился.— Значит, отношения между вами нормальные?
- Уже сколько лет.
- А с мужем ее?
- Юркой? Он человек спокойный, вечно занятый радиосхемами, телевизорами. Специалист нарасхват. С ним у нас все в норме.
- А в каких отношениях он был с вашим отцом?
- Да почти ни в каких. Они же в разных бригадах работали. Деловых отношений не поддерживали.
- Значит, конфликтов между ними не могло быть?
- Да откуда?
- А между вами?
- Тоже не ссорились. Я вообще не любитель конфликтовать. Зачем? В споре рождается истина, а в ссоре — неприязнь. Отец так всегда мне внушал. Кстати, вспомнил про вашу нарядную ручку. Помните, я вам говорил, что у меня была такая ручка, я подарил ее товарищу,— так вот: Юрке я ее и подарил.

И отработанный факт вдруг всплыл снова, представ перед Зубаревым в новом ракурсе. Что же было сейчас, в данной ситуации? Этот Лазарев, занятый своими радиосхемами, не имевший никаких дел с Талиевым-старшим и не питавший к нему, по существу, никаких особых чувств, вдруг так болезненно переживает смерть этого человека. Надо скрупулезно разобраться в фактах. Если он, Зубарев, на верном пути, должны обнаружиться доказательства.

На другой день следователь снова зашел к Лазаревой. Она что-то писала за столом.

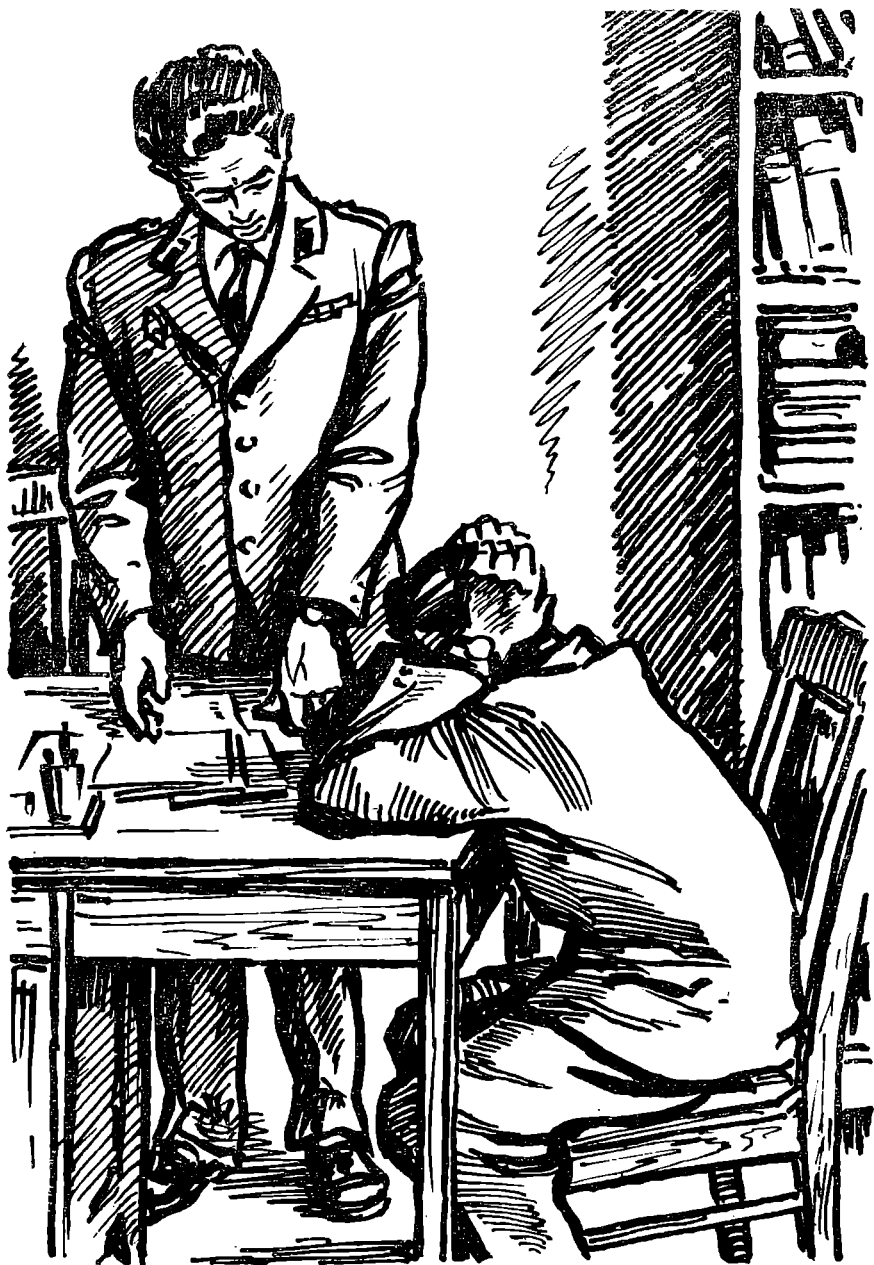
— Позвонить хотите? — улыбнулась и подвинула к нему ближе телефонный аппарат.

— На этот раз нет. Просто зашел к вам,— и, кивнув на ручку, белую, сделанную под карандаш, пошутил:

— Что же вы такой старомодной авторучкой пользуетесь?

— А что, разве на авторучки тоже мода?

— На вашем заводе — да. Мода на такие вот ручки.— Зубарев протянул авторучку Лазаревой.

— А у нас была точно такая же. Юра где-то буквально на днях посеял. Пстойте, постойте, да не та ли это ручка?

— Чья? Ваша?

— Да. Вот эти два колечка — фиолетовое и бордовое, видите, они треснутые. Это я уронила ее на цементный пол. Вон вмятины, щербинки на пластмассе.

— А вы не ошибаетесь?

— Не знаю, но мне кажется, не ошибаюсь.

— Если это так, то вы дали очень ценную для следствия информацию.

— Для следствия? Но почему для следствия? Ах да, вы же следователь.

Она внезапно побледнела и широко раскрытыми глазами уставилась на Зубарева:

— Где? Где вы ее взяли?

— Авторучка найдена на месте происшествия.

— Не может быть! — сдавленным голосом произнесла Лилия. — Не может этого быть! Здесь что-то не так. Мало ли у кого могла оказаться эта авторучка...

— Я только устанавливаю факты и сверяю их. Выводы делать пока не будем.

Юрий Лазарев находился в командировке в Арзамасе. По поручению следователя туда выехал инспектор уголовного розыска. На второй день Лазарев сидел в кабинете перед следователем.

Он сразу же заявил:

— Буду жаловаться прокурору. Я ни в чем не виноват.

— Разберемся. С вашей женой я уже беседовал. Есть протокол, с содержанием которого могу вас ознакомить.

— Она про меня может наговорить теперь что угодно. Ситуация благоприятная: законного мужа за решетку, а ей в мужа — Леньку, любовника. Баба и есть баба. Жаль, поздно раскусил ее.

Стоп! Леньку-любовника? Так вот где ключ к разгадке! Вот почему Алексея Талиева насторожило сообщение следователя о разговоре с Лазаревой. И смутился он не зря. В шутке оказалась большая доля правды?

— Почему же вы решили отомстить не Алексею, а его отцу? — прямо спросил Лазарева следователь.

— Никому я не мстил, ни в чем я не виноват.

— Что ж, будем начинать издалека, с потерянной авторучки, с результатов экспертизы одежды, в которой вы находились в тот роковой вечер, с важности добросовестных показаний...

Лазарев поднял на следователя испуганные глаза, тот продолжал:

— В тот вечер вы, будучи пьяным, встретили Талиева, случайно или нет, я не знаю. И решили выместить на нем обиду. Человек он скромный, сдачи не даст. А с Алексеем вы бы так не рискнули, верно? Он же сильнее вас. И хотя вы и не думали об убийстве, но дело кончилось трагически.

Лазарев еще держался, стараясь казаться спокойным и независимым, но вдруг не выдержал, уронил голову на руки, и плечи его задрожали...

Г. Горшенков

БОЙ, КОТОРЫЙ НЕ КОНЧАЕТСЯ

ТЕТЯ СОНЯ ИЗ БУФЕТА

Начальник следственного отделения капитан милиции Гурьяшов подошел, как всегда, бесшумно.

— Эти «романы» пока отложи.— Он кивнул на пухлые папки, разложенные на столе перед Комаровым.— Звонили из управления. На завтрашнем семинарском занятии ты должен выступить с докладом о методике расследования по делу № 16844. Готовься. Не забыл еще свою тетю Соню из буфета?

...Это было ровно год назад. Лейтенанту В. П. Комарову поручили расследовать первое хозяйственное дело. Да еще такое, на котором, как говорится, обломал зубы бывший его коллега — опытный следователь с многолетним стажем работы. Дважды дело № 16844 о хищении продуктов из школьного буфета возвращалось на доследование. И вот наконец попало Комарову.

— Боюсь, для архива будешь работать...

— «Глухое» это дело...

Так говорили Вячеславу Петровичу многие его товарищи. Разумеется, это не внушало оптимизма.

Крепко надеялся Комаров на помощь Николая Ивановича Мартынова — первого своего наставника. Многому он научил молодого следователя. И сейчас, выслушав Вячеслава, Мартынов покачал головой:

— Дело действительно запутанное. Но ты должен справиться. Только руки не опускай. Не будет получаться, приходи, вместе подумаем.

В первый раз полистав дело, Комаров сначала удивился: «И чего пугают? Обычное хищение, может, только более ухищренное. Разберемся». Правда, немного смущала специфика: нужно хорошо разбираться в бухгалтерских отчетностях, изучать калькуляции, меню завтраков и обедов. А он, бывший слесарь-сборщик авиационного завода и студент-заочник юридического института, если говорить честно, в этих вопросах был пока не силен.

Еще и еще раз внимательно перечитывал документы дела. И все больше убеждался, что опасения товарищей обоснованы: орешек ему достался действительно крепкий.

Следы хищений в буфете были налицо. Инспекторы треста столовых, работники санэпидстанции, учителя неоднократно слышали о фактах нарушения калорийности блюд, заниженности порций, недовеса колбасы и сыра. В то же время у подозреваемой — старшего повара Софьи Спиридоновны Буслаевой с отчетностью все в порядке: приход и расход сходятся, тяжелые сумки с продуктами повар домой не уносит — это подтверждено неоднократными проверками. Нужно быть хорошим специалистом, чтобы разобраться в механике ежедневного жульничества. А помог Комарову обнаруженный в процессе расследования такой факт: оказывается, дирекция школы доверяла Буслаевой проштампованные абонементные талоны на питание школьников. Повар раскидывала продукты на 400—450 учащихся и отчитывалась за это количество столоующихся. А питалось в школе... 600 человек. Выходит, порции систематически почти в полтора раза занижались. Но как все это доказать?

Следовательно пришлось скрупулезно перепроверять все документы, вновь проводить опросы и очные ставки. А тут еще ревизор, проводивший документальную ревизию, сделал ошибочные выводы. Много трудов стоило Комарову доказать в управлении общественного питания необходимость еще одной, третьей по счету, ревизии.

Тем временем Буслаева развила кипучую деятельность. В деле появилась характеристика с такими лестными выражениями, что в пору не судить повара, а к награде представлять. Помощники Буслаевой по школьному пищеблоку Еремина и Лисина, ранее уличавшие старшего повара в махинациях, вдруг... дружно отказались от прежних показаний.

— Давайте знакомиться, Софья Спиридоновна. Я новый следователь по вашему делу. Комаров Вячеслав Петрович. Хочу побеседовать с вами.

С высоты своего баскетбольного роста Буслаева презрительно окинула взглядом Комарова:

— Знакомиться с вами я не желаю. Говорить буду только со старым следователем, да и то в присутствии адвоката. Надеюсь, моя просьба не противоречит требованиям закона?

— Нет. Адвокат может знакомиться с материалами предварительного следствия. Вот вам ручка, бумага — изложите свое ходатайство. Я передам его прокуратуре.

Ходатайство Буслаевой по части адвоката было удовлетворено, но продолжать расследование дела о хищении продуктов пришлось, несмотря на протесты старшего повара, все-таки Комарову. Да, откровенно говоря, ему было бы обидно теперь бросать это запутанное дело.

И вот, когда клубок был уже почти распутан, случилось новое ЧП: временно не работавшую Буслаеву по недосмотру допустили к бухгалтерским документам. И Софья Спиридоновна использовала ту оплошность на славу — исправила цифры во всех отчетах, да так, что уж и сама потом не могла вспомнить: где истина, а где «липа». Вздохнули, познакомившись с отчетами, дотошные ревизоры — теперь, мол, без экспертизы не обойтись. Но поднаторевший к тому времени в бухгалтерском учете следователь (знал бы кто, сколько вечеров провел Вячеслав Петрович за изучением бухгалтерского дела!) не торопился:

— С экспертизой пока подождем. Нам что надо выяснить? Какие продукты шли в закладку, а какие реализовывались по безналичному расчету, то есть поступали в так называемую свободную продажу — в буфет. Именно этого и боится Буслаева, не случайно она всю отчетность поисправляла. А мы все-таки попробуем в ней разобраться. Что, если нам применить метод обратной калькуляции?

...Каждый вечер Вячеслав Петрович устраивал экзамен жене:

— Ты сколько картошки и моркови кладешь на кастрюлю супа? А заправляешь чем? Маслом? Так, значит, появляются пять нормальных порций на нашу семью...

— Не в кулинарное ли училище собрался поступать? — шутила супруга. — А что, специальность неплохая, спокойная. По крайней мере, хоть по вечерам будешь дома...

Да, странным, на первый взгляд, делом занимался лейтенант милиции. Вместе с ревизорами и специалистами треста столовых он составлял... меню завтраков и обедов школьников, восстанавливал документы на общую выдачу продуктов, выяснял, сколько граммов картофеля, капусты, масла должно быть в каждой полновесной порции. Приход полученных продуктов... Расход по наименованиям блюд... Число всех порций... Количество питающихся учеников... Дьявольская работа, а без нее — никуда!

День за днем ревизоры и приданные в помощь следователю инспекторы БХСС переводили граммы в килограммы, составляли сличительные ведомости, сравнивали количество продуктов, заложенных в котел и проданных за наличный расчет че-

рез буфет. А когда работа была закончена, и члены комиссии, и сам Комаров ахнули от удивления: в течение только трех месяцев практически ежедневно Буслаева обворовывала путем недовложения продуктов сразу по 150—200 человек! Эти «операции» дали ей 2024 рубля 87 копеек.

Потом у Вячеслава Петровича началась другая работа. Он писал представления в районный трест столовых, отделы здравоохранения и народного образования, указывал на причины, способствовавшие хищениям Буслаевой, требовал навести порядок в работе школьных столовых.

А в школе попросил администрацию собрать весь педагогический коллектив.

— Вот к чему привела ваша беспринципность, — говорил на собрании учителей следователь. — Разве вы не знали, что материально-ответственное лицо Буслаева не должна была получать деньги — это функции кассира? Разве не слышали классные руководители сигналов о том, что детей в буфете бессовестно обманывают, что они уходят после завтраков голодные? Почему же молчали?

Зашла к Комарову и Елена Васильевна Лисина — помощник Буслаевой по пищеблоку. Пожилая женщина, никогда не имевшая дел с милицией, прямо с порога запрчитала:

— Сынок, прости ты меня, дуру старую! Уж и сама не знаю, как меня тогда Софья уговорила от своих же слов откаться. Малограмотная я, не разбираюсь в этих бумажках. А сердцем чуяла — грех над детьми повариха творит. Сколько раз собиралась уйти с работы той проклятушей, да боялась Буслаевой. Опять же сомнения были: комиссии разные ходят, ходят — и ничего...

Одно лишь обвинительное заключение по делу Буслаевой занято свыше сорока страниц, да еще плюс к этому несколько объемистых папок, оборотных ведомостей — калькуляций и пять магнитофонных лент с записями допросов и очных ставок.

Несколько дней народный суд слушал уголовное дело Буслаевой. Приговорили ее к лишению свободы, а похищенные деньги, разумеется, взыскали.

Доклад В. П. Комарова на семинарском занятии приняли хорошо, задавали много вопросов. Руководство следственного управления похвалило Вячеслава Петровича за правильно разрабатываемые оперативно-следственные мероприятия и методику расследования.

РЫЖИЙ ДАЕТ ПОКАЗАНИЯ

— Идем на каусель, каусель! — прыгала около отца двухлетняя Катенька. И второклассница Светланка тоже не скрывала своей радости: не часто случается вот так, всей семьей погулять в парке.

Только Комаровы попили традиционного чайку с пирогами и начали одеваться, как Вячеслава Петровича вызвали в райотдел: нужно срочно подменить заболевшего коллегу.

Лейтенант виновато улыбнулся домашним: идите, мол, в парк без меня. Что поделаешь — служба такая. Вчера чуть не весь день был в лесу — проводил сложный следственный эксперимент, и сегодняшний выходной, видно, пропал...

— Вячеслав Петрович, на выезд! На улице Мечникова кто-то стрельбу открыл...

Через несколько минут Комаров и инспектор уголовного розыска беседовали с перепуганным толстячком в наспех надетой пижаме — именно он вызвал на квартиру милицию.

— Только лег спать, вдруг — выстрел. По-моему, из винтовки в окно жажнули, — возбужденно рассказывал оперативникам хозяин квартиры.

— Почему думаете, что из винтовки? Может, мальчишка камнем в окно запустил, а вам со сна выстрел почудился.

— Всю войну прошел, — обиделся толстячок. — В оружии разбираюсь. А кто это сделал — мальчишки или кто другой — ваше дело дознаться.

Комаров внимательно осмотрел окно. Действительно, в стеклах обеих рам — аккуратная дырка. На полу, под окном, валяется свинцовый шарик.

— Нет, это не из винтовки. Скорее всего — из пугача стреляли. Подростки, наверное, — высказал предположение следователь.

С разрешения все еще обиженного хозяина Вячеслав Петрович разогнул ерш для мытья бутылок, просунул проволоку в отверстие в стекле:

— А стреляли, по-видимому, из того сквера. Пошли на улицу...

Но сквер был пуст. Ни души и возле домов напротив. Поздний вечер и осенняя непогода разогнали людей по домам.

Комаров и его товарищи осмотрели прилегающие улицы. Никого. Не дало результатов и прочесывание местности прибывшей по вызову подвижной милицейской группы.

Утром Вячеслав Петрович вновь приехал в райотдел — нужно было вместе с сотрудниками уголовного розыска и уча-

стковым инспектором начинать поиски ночного стрелка. На столе у него уже лежало новое дело, которое предстояло расследовать.

— Значит, на свадьбе обокрали? Расскажите-ка все подробно.

— Да что тут рассказывать,— волновался молодой человек.— Она, то есть жена моя, чуть ли не весь цех на свадьбу пригласила. Одни женщины и сидели за столом...

— А ваших друзей не было?

— Я со своими корешами давно завязал. Нужны они мне, да еще на свадьбе.— Парень нервно мям в руках сигарету.— Это ж надо: все деньги — 970 рублей — стянули!

По рассказу молодожена выходило, что подруги жены, собравшие молодым солидную сумму на обзаведение хозяйством, сами же ее и украли. Возможно ли такое? В то же время Комаров чувствовал, парень пытается что-то скрыть, словно боится кого-то. По случайно вырвавшимся у него словам («завязал», «кореша») следователь предположил, что тот, по-видимому, уже успел побывать в местах не столь отдаленных или, по крайней мере, водился с теми, кто там побывал. Нет, всех гостей будоражить расспросами ни к чему. Необходимо прежде всего поработать с молодоженом.

Вскоре следователь уже знал, что до армии парень жил в общежитии, дружил с подростками, состоявшими на учете в милиции. Один из них по кличке Рыжий был осужден за кражу, недавно освобожден. Интересно, где он был во время свадьбы? Проверил и удивился: оказывается, Рыжий присутствовал на свадьбе! Правда, молодые его не приглашали — сам заявился, опоздал немного. Сразу же под гитару тост экспромтом провозгласил и штрафную запросто опрокинул. Незванный гость вел себя, как подобает старому другу: обнимал жениха, беседовал с невестой, плясал и пел вместе со всеми. А при сборе денег исполнял бравурные марши на гитаре, держался свободно и просто. Словом, был он на свадьбе своим человеком. Только в конце вечера подкачал: перепил, видно, и свалился в кладовке.

— Почему вы мне о нем ничего не сказали? — спросил Комаров молодожена во время очередной встречи. — Он ведь ваш друг, оказывается.

— Потому и не сказал, что Рыжий не мог деньги стащить у своего кореша. Мы же с ним в одном общежитии несколько лет жили...

Вячеслав Петрович уже был почти уверен в том, что кража на свадьбе — дело рук Рыжего. Оставалось главное — собрать улики, доказать это. И вот тут-то, занимаясь параллельно историей с ночным выстрелом, Комаров вышел на группу учащихся ПТУ во главе с каким-то... Рыжим. Уж не тот ли это плясун со свадьбы?

...В общежитии дым стоял коромыслом — Рыжий с друзьями якобы отмечал свою первую зарплату. Увидев сотрудников милиции и своего старого приятеля-жениха, он ухмыльнулся:

— О-о, друг-молодожен к нам пожаловал! Что, жена из дома выгнала? Не горюй — и койка свободная есть, и стакан найдется. Только вот гражданам начальникам, извините, наливать не буду. Они у меня в дружках пока не числятся. И в гости к себе я их не звал...

— Хватит паясничать, Теплов! — прервал Рыжего Комаров. — Вы ведь понимаете, что мы не случайно к вам пришли. Раз не хотите, чтоб мы у вас в гостях были, пойдете к нам. Поговорить нужно.

Твердости у Рыжего хватило ненадолго. Утром, протрезвев, он сначала отказывался от всего, даже от того, что на свадьбе был. Когда же его познакомили с показаниями свидетелей, признался: да, на свадьбу к другу заходил, но быстро напился, ничего не помнит. Комаров предъявил Теплову найденные деньги, зачитал показания парней, перед которыми тот хвастался случайным заработком на свадьбе. После этого жулик признался в совершении преступления.

Через несколько дней Вячеслав Петрович смог наконец-то вплотную заняться историей с ночным выстрелом. Он уже знал, что участковый инспектор нашел-таки единственного свидетеля того выстрела. Им оказалась девочка-восьмиклассница, прогуливавшая около дома свою болонку. Она-то и рассказала, что слышала звук, похожий на выстрел, и видела, как выбежали из сквера два парня. Одного, кажется, Митькой зовут, он живет в 92-м доме.

Митьку следователь нашел быстро. Парнишка, кажется, совсем не чувствовал себя виноватым. Во всяком случае он без утайки рассказал, что вместе с Колей Чесноковым и Гришей Березиным — все они вместе с ним учатся в ПТУ — изготовили в мастерской по чертежам пугач. Он получил, что надо — похож на настоящий пистолет. Кто их попросил об этом и чертежи дал? Да один парень знакомый, Рыжим его все зовут. Он

обещал каждому по блоку сигарет дать и научить их по мишеням стрелять. В тот вечер Митька и Коля собирались отнести пугач Рыжему. По пути ребята решили испытать игрушку. Зашли в сквер, выстрелили. Случайно попали в окно дома напротив. Испугались, конечно, и убежали. Вот и все...

Комаров вновь вызвал на допрос Теплова.

— Зачем вам нужно было оружие?

— Какое еще оружие?

— Вот это,— следователь приподнял газету и показал лежащий на столе пугач.— Сами обо всем расскажете, или ребята, которые выполняли ваш заказ, желаете послушать?

— Не надо пацанов, сам расскажу. Я действительно попросил их сделать мне эту штучку — вроде сувенирной зажигалки. Хотелось перед корешами похвалиться. А что это вы, гражданин начальник, придаете такое значение этой игрушке?

— Игрушке? Да из этого пугача едва человека не убили! С тридцати метров шарик, выстреленный из пугача, доску пробивает. Вот акт экспертизы...

— Да не нужен мне ваш акт! Я-то здесь при чем: просил пистолет-зажигалку сделать, а пацаны, видать, перестарались. За это отвечать не буду — своих грехов по горло.

— Будете, Теплов, будете! Я вам пока не показал еще один акт. В нем ясно сказано, что чертеж «зажигалки» выполнен вашей рукой, что предназначен был пугач для стрельбы, а не для хвальбы перед корешами, как вы утверждаете. Надеюсь, вам известно, как по закону карается втягивание несовершеннолетних в преступления.

...Вскоре состоялся суд. Рыжий получил по заслугам. А Вячеслав Петрович по вечерам выступал с рассказом об этом уголовном деле в общежитиях, в красных уголках ЖЭКов. Он говорил учащимся ПТУ и родителям о дружбе подлинной и мнимой, об опасной доверчивости, которая нередко приводит к правонарушениям, о необходимости строго контролировать поведение несовершеннолетних. Словом, продолжал работу, начатую несколько дней назад в своем кабинете. Следователь давно уже понял, что именно в профилактике успех дела, которому он служит.

Ю. Брагин, Ф. Матвеев

Обыкновенный кабинет в трехэтажном здании Нижегородского районного отдела внутренних дел, расположенном на Нижневолжской набережной.

Обычно по субботам в этом уголовном кабинете под номером 23 на втором этаже до позднего вечера не гаснет свет. Старший следователь Сергей Васильевич Кулий, несмотря на упреки жены и дочери в слабой привязанности его к семейному очагу, в субботний выходной день с утра отправляется в райотдел. Любит он в тишине поработать над документами. Никто не мешает, мысль течет спокойно, логично, нужные слова как бы сами встают на свои места. Четким разборчивым почерком он заполняет страницу за страницей. Сколько же этой писанины! Пожалуй, ни у кого столько нет, разве что у врачей, которым нельзя не оформить письменно ни одного посещения больного.

Если же честно признаться, то не только воскресная тишина манит следователя на работу в выходной — времени обычно не хватает.

Но в ту субботу работа с документами не планировалась — Сергей Васильевич заступал на дежурство по отделу.

Что такое дежурство в отделе милиции в выходной день? Густонаселенный район протянулся от бывшего Казанского железнодорожного вокзала до слободы Подновье почти на сорок километров. И задача сотрудников отдела — охранять покой граждан, следить за порядком на всей этой огромной территории.

Чем только не приходится заниматься: и дорожно-транспортными происшествиями, и пресечением хулиганства, и семейными скандалами...

Кулий с помощником принимали сигналы и, записав данные, пускали в дело дежурные оперативные группы. В конце беспокойных суток Сергей Васильевич докладывал начальнику отдела о происшествиях, особо остановился на попытке кражи костюма в магазине «Мужская одежда».

— Вот и возьми то дело себе, — сказал подполковник.

Кулий подумал, что он и без того перегружен, даже есть два еще не законченных уголовных дела и... согласился.

Мог ли он предположить, что легкое, на первый взгляд, дело потребует от него необыкновенных усилий, выдержки, злости и обиды, логического анализа фактов в течение полугода?

В маленький кабинетик под номером 23 милиционер привел высокого узкоплечего мужчину с нависшими кустистыми бровями. «За пятьдесят», — определил Кулий, бегло взглянув на вошедшего.

— Садитесь, — предложил следователь, указывая на стул. — Расскажите, что же вчера произошло в магазине? Костюмчик решили купить, примерить собрались, а вас — в милицию. Ошибка?

— Вот именно, вот именно, — подхватил Горошкин. — Торговцы, ведь они какие: через одного все комбинаторы и жулики, и к добрым людям при случае свой аршин прикладывают. Да не в их руках власть — она государственная, законом установлена. Против правды и закона никому не дано идти. А в магазине — чистое недоразумение. — Горошкин вздернул плечи вверх, брезгливо сморщился. — Давно себе костюм купить собирался, да все некогда. В нашем строительно-монтажном поезде людей не хватает, по две-три смены заставляют работать. В субботу же выходной выпал, погода отличная, я и собрался в город. Понятно, в «Мужскую одежду». И наша фабрика «Восход» туда костюмчики поставляет, и заграничные бывают. Пришел туда к вечеру. Народу — тьма. Пробился к кронштейну с костюмами — есть подходящие и размером, и цветом. Снял свой пиджак, надел новый с вешалки. Неплохо сидит. Брюки к груди прижал, старый пиджачок повесил на руку и в таком виде занял очередь в примерочную. Тут и подошла работница магазина. К директору, говорит, пойдете. Пожалуйста, какой вопрос! Директор, а у него еще двое мужчин были, начал шуметь. Не помню уж его слов, я немного выпил, сгоряча директор схватился за телефон, позвонил в милицию. Почему меня задержали, в толк не возьму. Прокурору буду жаловаться...

Кулий напряженно всматривался в лицо Горошкина. Оно выражало чистосердечие и невинность. Однако интуитивно Сергей Васильевич чувствовал, что перед ним не тот человек, искренность его — лишь умелая игра.

— Борис Сергеевич, как же вы собирались сделать покупку, если в кармане оказалась всего двадцать одна копейка?

При вас были пачка цветных открыток, штук триста, и набор керамических стопок в коробке. Откуда они?

— О, гражданин начальник! Я и не думал покупать костюм сразу. Я думал примерить его, отложить, а потом приехать с деньгами. Открытки с рук на рынке купил, наборчик — прелесть какой наборчик, — в комиссионке за пятерку. Парень принес сдавать — я у него и перехватил...

Долго длился этот разговор, ничего, по существу, не давший следователю. Горошкин опровергал все улики.

Беда для следователя, если он ведет дело предвзято, не отступая от принятой версии. Прежде всего надо уметь видеть в подозреваемом человека, в котором от природы заложены добрые начала. Но интуиция! Она редко подводила Кулия. Да ведь с интуицией, с чувствами к прокурору не пойдешь. Необходимы доказательства. И их-то надо было собрать!

Работники магазина ни на йоту не сомневались, что происшедшее — попытка преднамеренной, продуманной кражи. И она могла вполне осуществиться, если бы не бдительность постороннего человека.

К продавщице, оформляющей продажу товаров в кредит, подошла незнакомая женщина и тихо сказала: «В углу у кронштейна с мужскими костюмами какой-то тип надел на себя новый пиджак, а поверх — свой, старый. Посмотрите, не вор ли». Продавец поблагодарила незнакомку и сразу же передала ее слова заведующей секцией.

Та привела «покупателя» к директору, расстегнула пуговицы старого пиджака и распахнула полы: на гражданине был надет пиджак от нового костюма стоимостью 72 рубля производства Мелитопольской швейной фабрики, а брюки прижаты к боку, так что их совсем не заметно.

— Сидите, — сказал директор, — в таком виде до приезда милиции...

Горошкин поднял шум, всячески оскорблял присутствующих. «Вы воры, а не я, — кричал он, — вас всех судить надо. Нахалы, жулики! Поди, не один костюм на кражу списали, а денежки прикарманили. Знаем мы вас, хапуги!..» Несмотря на строгое предупреждение директора и попытки противодействовать, новый пиджак он снял, брюки от нового костюма бросил на стол. Приняв обычный свой вид, сел на стул и успокоился.

— Хотя в магазине народу было много, — рассказывала сотрудникам милиции заведующая секцией, — да ведь не все покупают, и у примерочных кабин стояло по одному или по два человека, а одна кабина совсем пустовала. До нее всего два метра — зачем же переодеваться? Можно просто наки-

нуть пиджак сверху на плечо или поднести к примерочной в руках...

Кулий привез Горошкина в магазин, провел эксперимент. Все подтверждалось: переодеться он мог без особых помех, выйти незамеченным при удобном случае — тоже.

— Гляньте-ка, Борис Сергеевич, в зеркало, — едва сдерживая смех, укоризненно сказал следователь, — спяну костюмчик-то вы не по себе ухватили. Пятьдесят шестой размер вам явно велик — мешком висит. А росточек-то маловат — всего третий.

— Ничего смешного нет, гражданин следователь, — невозмутимо парировал Горошкин, — портной я первоклассный, подогнал бы тютелка в тютелку!

— Ну, а как же расплачиваться все-таки стали бы? Двугривенным? Керамикой? Цветными открытками?

— Сергей Васильевич, зря смеетесь. На двух сберкнижках у меня лежат четыре тысячи рубликов — на одной три с половиной, на другой — полтыщи... Проверьте, это ведь не так трудно.

Кулий понял, что и тут Горошкин выскользнул как вьюн. Между тем интуитивная уверенность в его виновности не исчезала, а укреплялась.

Дело № 17542 с каждым днем пополнялось записями свидетельских показаний, очных ставок, заключениями экспертов. Из соответствующих организаций Москвы и Горького поступили ответы на запросы Кулия о личности задержанного. Сообщалось: Горошкин Б. С., уроженец г. Киева, русский, беспартийный, 1926 года рождения, окончил финансово-экономический институт. Имел квартиру в Москве, практически нигде не работал, занимался хищением государственной собственности и личного имущества граждан. Многократно судим. По приговору народного суда Канавинского района города Горького от 23 марта 1957 года признан особо опасным рецидивистом. Однако, едва успев вернуться из мест лишения свободы, Горошкин опять совершил грабеж, за что вновь получил срок — шесть лет. Отбыв наказание, явился в Горький.

«Правильных выводов для себя не сделал, — записано в официальном документе, — на путь исправления не встал и вновь совершил преступление» (имеется в виду случай в магазине).

Следствие затягивалось. Кулий не раз приходил к начальнику следственного отделения Нижегородского РОВД подполковнику Кирнусу, просил согласия на составление обвинительного заключения и передачи дела в суд.

— Жидковато, жидковато, Сережа,— говорил Михаил Моисеевич, опытный юрист, известный в области следствием по особо опасным и запутанным преступлениям, под руководством которого Сергей Васильевич делал свои первые шаги на юридическом поприще, от которого многому научился.— Прошлое у Горошкина — ни единого светлого пятна. Но ведь наступает время, когда люди порывают с прошлым. Попытку кражи костюма он полностью отрицает и, скажу тебе, не беспочвенно...

Кулий был убежден в виновности Горошкина. Но у него бывали минуты усталости, когда казалось: сделано все, что можно, а улики для обвинительного заключения недостаточно. Тогда он закрывал кабинет, выходил на берег Волги. Река успокаивала — в ней отражался напряженный ритм жизни всей огромной страны,— давала свежие силы, вселяла уверенность в том, что твое дело необходимо людям, что ты — на верном пути, надо продолжать работать.

«Почему так бывает,— размышлял он,— люди привыкают и к светлым, и к темным сторонам противоречивой действительности? Почему зачастую окружающие не реагируют на уличную драку, на семейный скандал, на поведение отпетого пьяницы?»

У Кулия эти негативные стороны жизни вызывали омерзение. Раньше, в молодости, ему с такими явлениями как-то не приходилось сталкиваться. Детство и юность его прошли в селе Штурбине Адыгейской автономной области, в Краснодарском крае. Отец погиб под Москвой в 1942 году. Жили вдвоем: мать, старшая сестра и он. Учился, помогал взрослым в колхозных делах. В семнадцать лет Сергей уехал в Ростовскую область и там окончил горнопроходческую школу, стал каменщиком. На лесах новостроек поселка Шолоховский поработал недолго — осенью 1958 года призвали в армию. И шестнадцать лет подряд находился в различных подразделениях Группы советских войск в Германии.

В армии он стал мастером спорта по классической борьбе, тренировал команду. Женился. Жена Зинаида Анатольевна, инженер-строитель, настойчиво советовала мужу учиться заочно. «Уж если учиться,— решил он,— то в юридическом». И написал заявления одновременно в Краснодар и в Горький. Земляки, краснодарцы, даже не ответили. А с берегов Волги пришло приглашение: пожалуйста, сдавайте экзамены, поступайте в наш филиал Всесоюзного заочного юридического института. В Горьком учился, приезжал сдавать экзамены, а юридическую практику проходил в войсках.

Уволился в запас в конце 1974 года уже будучи юристом. Семья к тому времени жила в Горьком. И в январе 1975 года Сергей Васильевич Кулий пришел в следственный отдел Нижегородского РОВД.

Ему, многие годы находившемуся в условиях армейской дисциплины и порядка, только работа в милиции показала, какой глубокой может быть степень разложения человеческой личности, до какой низости могут дойти люди, стремящиеся жить за счет других, за счет государства, спасающие себя от законного возмездия за содеянное.

...Горошкин наверняка виноват. Но прямых, неопровержимых улик против него мало. Он отрицает то, что говорил вчера, меняет показания, тянет время, чтобы истек срок санкции прокурора на арест. По просьбе следователя санкция может быть продлена, но это уже брак в работе, минус в оценке деятельности всего следственного отделения, не уложились вовремя.

Сергей Васильевич попросил подполковника Кирнуса, чтобы и он, представитель прокурорского надзора, и кто-нибудь из руководства отдела милиции поприсутствовали на очередном допросе подозреваемого и лично убедились, что он собой представляет.

И вот допрос. Горошкин мгновенно сориентировался в обстановке. Когда Кулий закончил излагать свои выводы о безусловной виновности особо опасного рецидивиста в случае с костюмом, Горошкин сдержанным голосом, недоуменно вскинув кустистые брови, заговорил:

— Вы что мне шьете, гражданин следователь?! Старые грехи? В сотый раз повторяю — с прошлым покончено. Мне пятьдесят два года, я работаю и хочу по-хорошему уйти на пенсию. К дьяволу мне этот костюм, который стоит семь червонцев. Четыре тыщи у меня есть — вы убедились в этом. И я хотел истратить часть из них на обнову. Торговцам верите? Врут они — не предупреждали, что нельзя снимать пиджак с плеч до приезда милиции. Врут! Понимаете, безбожно врут!..

Он говорил и говорил, в его слегка дрожащем голосе чувствовались неподдельная обида, оскорбленное достоинство. Вдруг он умолк, глотнул ртом воздух и, обхватив руками голову, медленно повалился на стулья...

Присутствующие недоуменно переглядывались, а Кулий одними губами, беззвучно, выдавил: «Ну и комедиант!..»

Сергей Васильевич за время работы с Горошкиным насмотрелся всяких сцен и наслушался всего. Для руководства же следственного отдела и для надзирающего прокурора этот «об-

морок», изображенный столь искусно, был основанием для заключения:

— Шаткий ваш мостик, товарищ старший лейтенант, суд по нему не пойдет, вернет дело на доследование...

Усилием воли поборов в себе чувство разочарования и обиды, старший следователь с прежней энергией и настойчивостью продолжал сбор материала. Нередко в беседах с Горошкиным в присутствии свидетелей он замечал растерянность в его взгляде, жалко опускавшиеся плечи, дрожащие руки... Винават. И желание оградить людей и общество от прожженного вора и лжеца определяло линию поведения следователя.

Кулий узнал, что его подследственный тесно связан с двумя женщинами. Одна живет и работает в Балахне, другая в Горьком. Он вызвал их. Ни та, ни другая не отрицали интимных связей с Горошкиным. Когда узнали, в чем дело, согласились: да, на такое способен. Одна из них рассказала:

— Пришел однажды ко мне пьяный, разоткровенничался. Мог бы, говорит, хорошим финансистом или плановиком стать. Даже в масштабах страны. Да повело не туда: не к денежкам, которые по счетам и реестрам учитываются, а к тем, которые близко лежат. Порой так душа настроится, что не могу не красть. Хоть газету да украду...

«Не клептомания ли?» — подумал следователь. Однако судебно-психиатрическая экспертиза, несмотря на жалобы Горошкина на головные боли (вроде когда-то травму получил), дала ответ: здоров.

Приступом головной боли он объяснил и свой «обморок» в присутствии начальства.

— Не лги, и не изворачивайся, Горошкин, — жестко сказал на очередном допросе следователь. — Ты виноват, я уверен. И признаешься или нет — обвинительное заключение составлю. Прокурор утвердит его и дело направит в суд. Судить тебя будут, и срок получишь. Все не в твою пользу — и свидетельские показания, и заключения экспертизы, и личный обыск. Из своих четырех тысяч рублей на костюм ты тратить не собирався ни копейки, и никакой ты не портной. И сожительницам своим по пьянке болтал, что не красть уже не можешь. Вот протоколы их допроса — почитай.

...Обвинительное заключение по делу Кулий составил обобщенно, убедительно. Народный суд признал Горошкина виновным и определил ему меру наказания — пять лет лишения свободы в исправительно-трудовой колонии особого режима.

И. Трунов

ЧУЖИЕ БЕДЫ КАК СВОИ

Ссора случилась из-за пустяка. Славка отпрашился у начальника цеха и не вышел на работу. Тот не предупредил мастера, и он поставил Славке в табель баранку. Другой объяснил бы все, а этот парень — не пойдет. Ершистый, задиристый.

— Убью, все равно убью! — зло угрожал он мастеру.

Лейтенант Рыбаков узнал о ссоре от ребят, с которыми раньше, до прихода по направлению комсомола в милицию, работал на моторном заводе.

Он позвонил в цех, договорился со Славкой о встрече — на правах старого знакомого.

— О чем говорил с ним? — спрашиваю у Саши Рыбакова.

— О жизни, о делах на заводе, о своей работе рассказывал... — Он немного помолчал, видно раздумывая, говорить или нет. — И знаете, о детстве вспомнил, о том, как самолет с пацанами строили: все мечтали двигатель сделать, чтоб взлетел самолет. Разбежимся с пригорка и пускаем его... Летчиком думал стать вплоть до окончания школы.

— Ну и что, повспоминали детство — и он все понял, осознал?

— Нет, конечно. Но вы зря иронизируете. Я вот все понять хочу, почему Славка такой жестокий? Откуда в нем столько злобы? Думаете, он только пострадал? Нет, он и расправился б с мастером, не сам, конечно, дружков бы подговорил. Сколько мы размышляем об этом с ребятами в отделе! Сколько раз спрашиваем: «Почему? Откуда?» Откуда преступность в наше время, откуда жестокость в таких, как Славка? И знаете, к чему приходим? Многое начинается в человеке с детства. Загляните в детство любого преступника — и увидите там столько всяческого, о чем думать да думать.

— Ну и что же со Славкиным детством?

— А у него, оказывается, не было детства — он не помнит его, забыл. И тогда я понял, что его злобы враз, одной беседой или одним каким-то действием не вытравишь, а отпускать просто так нельзя, натворит беды. И попробовал еще один прием,

правда, до сих пор мучаюсь, не слишком ли жестоко поступил с парнем.

Саша рассказал, как попросил Славку обождать, пока он дела свои кончит. Вызвал из КПЗ арестованного. Обрюзгший, мрачный, с потухшим тяжелым взглядом детина казался человеком из какого-то чужого мира. И Рыбаков допросил арестованного в присутствии Славки.

Может, действительно, нравоучительные речи вряд ли могли остановить парня, а вот такое — острое, реальное соприкосновение с жизнью, с той ответственностью, которую несет в себе каждый, кто переступил закон, переступил границы человеческого в человеке, отрезвило в тот момент. Он понял, что надо будет отвечать, и страх, тогда только страх остановил его.

— Работает Славка в том же цехе. Ничего, остыл. Правда, иногда взрывается, но начинает сам себя обуздывать, и теперь — уже сознательно, не только из чувства страха, — закончил эту историю Саша.

Вот с Семеновым ему потруднее пришлось. Он был «грозой» всего побережья Горьковского водохранилища (это зона Рыбакова). Его, выдавшего виды, вернувшегося из заключения, боялись все. Много раз говорил с ним Рыбаков и опять пришел к выводу, что не родился Семенов преступником. Трещинка в сознании, приведшая к безответственности, безнравственности в поведении, обозначилась у него в детстве: отец пил и бил его, а потом бросил семью. Саша устраивал его на завод; тот сначала отлынивал от работы, прогуливал, а потом сам пришел к Саше и попросил: «Устрой на судно: плавать хочу. Не подведу!» И теперь Саша с нетерпением ждет конца навигации — надо узнать, как его подопечный слово держит.

Эта убежденность в том, что все в человеке — и хорошее и плохое — начинается с детства, по-видимому, и привела Сашу Рыбакова в свое время к детдомовцам. Теперь он у них — постоянный гость. Добрая дружба лейтенанта милиции с лишенными детства в собственных семьях детьми, у которых сердца уже ранены жестокостью, эгоизмом самых близких людей — отцов, матерей, наполнена особым содержанием и освещена особым светом.

Когда Саша Рыбаков пришел в милицию, он просил направить его в уголовный розыск — очень привлекала романтика поиска. Но... его направляли то в дежурную часть, то на пост в госбанк.

Только теперь, спустя пять лет, Саша понял, какую добрую службу сослужила ему та «неинтересная» работа. И не ему одному. Все его сослуживцы прошли через обычную, рядовую

работу в милиции. Может, поэтому сегодня отделение уголовного розыска Городецкого отдела внутренних дел — одно из самых сильных в областном управлении.

Успехи этого коллектива, его умение работать определяют-ся в немалой степени крепкой дружбой сотрудников.

Эта дружба основывается, во-первых, на том, что их работа требует коллективной мысли, коллективных действий; всегда чувствуешь себя уверенно и не ощущаешь особых трудностей, когда рядом плечо товарища. Во-вторых, здесь все любят спорт. Саша Рыбаков и Толя Висков — самбисты; Толя Лузин, начальник отделения, — хоккеист, и если у него игра, то все свободные от работы парни болеют; Николай Кукушкин — лыжник... Но если в спорте у каждого — своя приверженность, то в искусстве все единодушны. Песня — любимый жанр коллектива. Поют все, поют на репетициях, на концертах и дома, когда собираются все вместе. Нечасто такое бывает — покойна их служба. Но уж если удастся, долго не смолкают песни в небольшом домике Рыбаковых, что уютно примостился прямо у подножия Городецкого вала.

В кабинете Анатолия Лузина было человек восемь. Лица у всех усталые, но, судя по оживленному разговору, настроение приподнятое.

Ребята только что вернулись из Брилякова — задержали там грабителей магазина — и теперь обсуждали детали операции. Собственно, героями оказались двое: Анатолий Лузин и Саша Рыбаков. Они выехали прямо по следу. Оставив машину в лесу, направились пешком к деревне, в которой, по рассказам жителей, квартировали приезжие, или, как их называют здесь, дикие бригады.

Руководители хозяйств должны обязательно прописывать всех временно живущих на территории колхоза или совхоза строителей. Если бы все руководители, понимая важность такой работы, поддерживали контакты с милицией, у всяких проходимцев и жуликов было бы значительно меньше возможностей вершить свои темные дела, выдавая себя за пришлых шабашников.

По приметам, которые назвали очевидцы, один из грабителей был высокого роста, с рядом золотых зубов, другой — приземистый, чернявый.

Много километров прошли в этот день парни — от деревни к деревне. Убирали картофель, и весь народ был в поле.

— Ребята, нет ли прикурить? — остановил их в самом на-

чале деревенской улицы невысокого роста, с быстрым, плутоватым взглядом мужчины.

«Этот», — пронзила догадка обоих, но ни взглядом, ни движением не показали своего состояния.

— Пройдем деревню, — предложил Анатолий, когда отошли от дома, возле которого стоял мужчина. И они продолжали путь, чтоб не вызвать его подозрений.

Обошли деревушку, зашли с другой стороны. Постучали в крайнюю избу, вошли.

— Предъявите документы, — обратился Саша к высокому с золотыми зубами мужчине...

— Трудновато пришлось, — рассказывали сейчас ребята. — Их — четверо, нас — двое. Но... доставили. И деньги, награбленные ими в магазине, привезли. Правда, несколько червонцев порвал главный, надеясь скрыть улики...

— Ну и бандит этот главный! У него судимости больше, чем ему лет.

— Таким никакие амнистии не впрок...

И опять, в который раз уже, начался мой разговор с ребятами о преступлениях и наказаниях.

— Скажи честно, — задала я вопрос Александру, — ты противник амнистий? За жесткие меры наказания?

— Да, считаю если человек совершил преступление, пусть отвечает за него перед законом сполна, пусть думает, переосмысливает жизнь, преодолевает себя, раскаяние должно родиться в нем осознанно.

— Ведь так и бывает в большинстве случаев — преступники раскаиваются?

— Да, но не всегда потому, что действительно что-то поняли. Это раскаяние не от сознания своей вины. Он устал от зла, хочет тихой жизни, вот и раскаивается.

— И все-таки одной жестокостью не победить жестокость.

— Верно. Но ведь и преступники все разные... — Саша резко встал, подошел к окну, постоял, как бы собираясь с мыслями, и устало, с незнакомой мне болью в голосе обронил:

— Я вот все не могу забыть трагедию молодого парня, ровесника моего. Помните, летом в нашем районе убили таксиста?

Я хорошо знала подробности этого преступления, не раз присутствовала на допросах, говорила с убийцами, пытаюсь понять, где та грань, что отделяет человека от того чудовища с оружием, что и человеком-то назвать язык не поворачивается? С виду парни как парни, а что же в душе у них, на сердце, в голове?..

Нападение было дерзким, страшным по своей бесчеловечности, жестокости. Убийство произошло ночью. Труп убитого обнаружили на рассвете. По тревоге был поднят уголовный розыск Городца, Горького, все службы милиции. Осмотр места происшествия ничего не дал — никаких следов, никаких улик. Позже Рыбаков рассказывал, что работали тогда, потеряв счет времени, день и ночь — все перемешалось, спали как придется; разрабатывали версии, проверяли, искали — и вот победа.

Через неделю убийц задержали — их было трое, двое трижды судимые. Суд приговорил одного из них к высшей мере наказания.

— Так вот, трагедия та никак не забывается. Все вижу глаза матери, что потеряла сына, — он у нее был единственный. Одна поднимала его, провожала в армию, ждала кормильца — и вот... И ту, другую мать, чей сын стал убийцей, жалко: у нее тоже горе. Но для общества утрата неодинакова. Убийца не вызывает ни жалости, ни сострадания. Ведь, чтобы пойти на такое, надо не быть человеком. Слезам и раскаяниям этого убийцы можно ли верить?! Жестокостью не победить жестокость, но это тот случай, когда жестокость обернется гуманизмом для тысяч людей. Не я один так думаю. У нас в отделении все так считают. — Саша замолчал. Таким Рыбакова я еще не видела. Передо мной сидел усталый, с потухшим взглядом обычно быстрых, живых глаз мужчина. «Сколько же надо иметь душевных сил, какое щедрое на доброту сердце, чтобы вот так близко чувствовать чужое горе!» — подумалось мне.

И я вспомнила Сашины рассуждения о зависимости характера, жизненного пути человека от того, каким было его детство. И поняла, что его душевная щедрость, доброе сердце — из его детства, от его родителей, коренных колхозников, людей, чья жизнь прошла на земле в труде и заботах. Там, в его детстве, в родительском доме научили его любить людей, видеть красоту, творить добро, защищать справедливость.

Т. Илюхина

ПЕСТРАЯ КОМПАНИЯ

ДЕФИЦИТ В КОСМЕТИКЕ

— Извините, что отрываю вас от важных дел,— посетительница присела на предложенный стул и положила на колени модную сумочку,— но думаю, что только милиция сможет навести в этой парикмахерской порядок.

Старший инспектор БХСС Александр Валентинович Осминин отодвинул от себя бумаги, приготовился слушать.

Женщина рассказывала длинно, с отступлениями. Поначалу Александр Валентинович с трудом улавливал суть, но не торопил ни одним наводящим вопросом. По опыту он знал, что человеку нужно дать выговориться. Постепенно картина прояснилась.

Посетительница Осминина—постоянная клиентка этой парикмахерской. Пользуется ее услугами уже несколько лет. Примерно с год назад в парикмахерской перестали оказывать некоторые виды услуг: нет то нужных лаков, то шампуней, то кремов. И это в одной из лучших парикмахерских города! Сначала клиентки считали это эпизодическим явлением, потом убедились, что это система. А тут слух пополз, что мастера воруют косметику. Возмущенные клиентки вызвали как-то в салон заведующую. В ответ на претензии слышали оскорбления. Обратились в объединение Горьковгорпарикмахерские, и там их не поняли. Вот и решила она пойти в УВД к инспектору БХСС.

Посетительница замолчала, вопросительно посмотрела на Осминина, мол, правильно ли она поступила? Затем поднялась.

— Я могу идти?— спросила.

— Присядьте, пожалуйста,— указал на стул Александр Валентинович.

Женщина молча повиновалась.

— Вы не сказали самого главного — не назвали парикмахерскую.

— Разве? Ах да, получилось, как в том рассказе: «На деревню, дедушке».

— Вот именно,— улыбнулся шутке старший лейтенант.— Так что это за парикмахерская и где она находится?

— Тринадцатая. На площади Горького.

Выяснив, насколько возможно, откуда пошли слухи о воровстве косметики, Осминин поблагодарил за информацию и пообещал посетительнице разобраться в ее заявлении.

На первый взгляд, то что происходило в парикмахерской, не входило в компетенцию органов внутренних дел. У Осминина было достаточно данной ему власти, чтобы повлиять на нерадивых руководителей объединения Горьковгорпарикмахерские и заставить их обратить внимание на качество обслуживания клиентов тринадцатой парикмахерской. Но он не стал туда ни писать, ни звонить. Не исключено, что дефицит косметических средств в парикмахерской действительно создан искусственно, другими словами, все эти кремы, лаки, шампуни кто-то ворует.

Через несколько минут Осминин докладывал о сообщении посетительницы и личных предположениях своему начальнику.

— С чего начинать думаешь?— спросил полковник.

— С документальной проверки. Сличу накладные на получение косметики парикмахерской с дневными ведомостями на выполнение услуг.

— Правильно,— подумав, ответил полковник.— Но не спешишь ли? Не лучше бы сначала познакомиться с работой других парикмахерских, выяснить общую картину?

На следующий день Осминин побывал в нескольких дамских парикмахерских, заходил и в мужские салоны, но постригся лишь в пятом или шестом по счету. В парикмахерской на площади Горького побывали внештатные сотрудники милиции. И если в парикмахерских, которые посетил Александр Валентинович, мастера выполняли все виды услуг — делали любые прически, красили и обесцвечивали волосы, то в тринадцатой мастера жаловались на отсутствие лаков, эмульсий, шампуней и другой косметики.

— Не помним, когда и работали по-настоящему,— сокрушались они.— Думаете, нам приятно отказывать клиентам, приятно делать только простые прически? Этак мы и работать разучимся.

Осминин не жалел потраченного дня: он получил обширную информацию к размышлению. Косметические средства поступают в парикмахерские централизованно. Так почему даже в небольших, расположенных на отшибе парикмахерских они есть, а в тринадцатой — в самом центре города — их нет? Не

иначе, кто-то сплавляет их «налево». Но кто? Мастера? Исключено. Не могут же они вот так все сразу договориться между собой. Остается заведующая. Через ее руки проходит весь поступающий в парикмахерскую товар. Старший лейтенант допускал и другой вариант: заведующая с кем-то в объединении повздорила, и ей в отместку не отпускают самых ходовых косметических средств.

Пока все это лишь предположения, которые нужно выяснять и перепроверять.

В объединении Горьковгорпарикмахерские о заведующей тринадцатой парикмахерской Джафаровой были самого высокого мнения: она и прекрасный администратор, она и превосходный организатор, она... Хотя портрет образцового руководителя с нее пиши. Версия, что от Джафаровой кто-то по злому умыслу утаивал косметику, таким образом, отпала. У Осминина крепко убеждение, что косметические средства похищает и где-то сбывает сама Джафарова. Но каким образом она их сбывает? Не будет же она ходить по закоулкам и предлагать из-под полы разные коробочки, пузырьки и флакончики. Ей нужен сообщник по сбыту.

Почти неделя ушла на изучение связей Джафаровой. В поле зрения работников милиции попала кассир той же парикмахерской Мягкая. Джафарову и Мягкую часто видели вместе; то с объемистыми пакетами, то с тяжелыми сумками они куда-то уезжали от парикмахерской на такси. Обратно тоже возвращались на такси, но уже налегке. Это наводило Осминина на мысль, что заведующая действует заодно с кассиром, и увозят они из парикмахерской не что иное, как ту самую косметику, из-за отсутствия которой мастера отказывают женщинам во многих услугах.

...Не успела машина остановиться у парикмахерской, как оттуда вышла Джафарова и Мягкая с наполненными чем-то сумками. Обе расположились на заднем сиденье. Попетляв по улицам и переулкам, такси вышло на улицу Ижорскую и остановилось напротив одного из домов. Расплатившись с водителем, обе пассажирки скрылись в подъезде. Через полторы-две минуты Мягкая выглянула из подъезда и, не заметив ничего подозрительного, позвала Джафарову. Обе направились в галантерейный магазин и сразу прошли в кабинет заведующей. Пробыли они там недолго, а примерно через час после их ухода заведующая магазином вынесла в торговый зал несколько коробок с шампунем «Жемчуг», отбеливателем для волос «Блондоран-ликвидом», одеколоном «Красная Москва». У старшего лейтенанта было достаточно оснований для задер-

жания расхитителей государственного имущества. Однако его насторожило возникшее при изучении личности и образа жизни Мягкой новое обстоятельство.

ДАМА ИЗ РЕСТОРАНА

Официантки ресторанов «Россия», «Ока», «Москва» и других давно обратили внимание на двух крикливо разодетых дам и молодого человека — не то грузина, не то армянина. Та, что помоложе, по приметам была схожа с Мягкой. На вид ей, как и Мягкой, было лет двадцать пять. Второй — лет двадцать восемь — тридцать. Их кавалер несколько помоложе обеих. Сиделись они обычно где-нибудь в укромном уголке, подолгу изучали и обсуждали меню, затем заказывали столько, что с лихвой хватило бы на десятерых. Вели себя весело, но не шумно. Сидели долго, уходили почти последними. Расплачивалась за все, как правило, та, что помоложе. От глаз любопытных официанток не ускользнула одна интересная деталь: молодой человек все свое внимание уделял той, которая была постарше, молодую, казалось, вообще не замечал и обращал на нее внимание, лишь когда наступало время расплачиваться за ужин.

До выяснения личностей этой компании Осминин не стал спешить с задержанием подозреваемых в хищении Джафаровой и Мягкой. Особых надежд на то, что ресторанный дама и Мягкая — одно и то же лицо, он не питал. Тем не менее версия должна быть проверена. Частые посещения этой загадочной компании ресторанов наводили Осминина на мысль: на одни вырученные за ворованную косметику деньги не очень-то разгуляешься, возможно, здесь более крупное преступление, не исключены хищения в крупных размерах. Логика мысли вела Осминина дальше. Мягкая — кассир, через ее руки ежедневно проходят большие суммы выручки. Каким-то образом она часть денег присваивает, потом сорит ими по ресторанам. И новый вопрос: почему? Неуважительное к ней отношение молодого человека во время застолья диктовало ответ: он знает о ее махинациях, она его боится, а чтобы задобрить, щедро угощает.

— Сорит деньгами, говоришь, — не то вопросительно, не то утвердительно проговорил начальник, выслушав доклад своего подчиненного. — А ты твердо убежден, что это именно Мягкая?

— Почти, — немного поколебавшись, ответил Осминин.

— Почти — этого еще мало для нашей работы. Да и одних

убеждений не приобщишь к делу. Нужны доказательства, неопровержимые улики. У вас пока их нет.— Полковник помолчал, сделал в настольном календаре какую-то пометку и продолжал: — Я не могу ничего наперед предсказать, но думаю, что ты на правильном пути, отработывайте свою версию.

Вечером, минут через пятнадцать после закрытия парикмахерской, из нее вышла Мягкая с женщиной лет двадцати восьми и молодым человеком кавказской национальности. В руках у Мягкой была небольшая сумочка, чем-то плотно набитая. Ей нужно бы повернуть направо, в сторону Главпочтамта, сдать дневную выручку, но она повернула налево, к улице Максима Горького, за ней последовали и ее спутники. Не успели они отойти и десяти метров, как рядом взвизгнула тормозами машина такси. Описав полудугу, водитель взял направление к площади Лядова, затем влился в поток машин на проспекте Гагарина и вскоре свернул к ресторану «Ока».

В ресторане былолюдно, но расторопные официантки еще в дверях заметили своих постоянных посетителей. Быстро, кого-то потеснив, кого-то пересадив, освободили для них столик в привычном углу, подали меню. С видом знатоков тонкой кухни появившаяся тройка долго его изучала, а когда дамы согласовали свой выбор, их кавалер небрежным кивком подозвал официантку. Работники милиции внимательно за всем наблюдали; уже трудно было учесть, сколько и каких блюд было подано, сколько и каких вин было заказано. Время тянулось медленно. Постепенно зал пустел. Когда к столу подошла официантка, Мягкая раскрыла сумочку. Даже издали было видно, как туго набита она деньгами. Расплачиваясь, Мягкая уронила на пол четвертную. Молодой человек наклонился, поднял, помахал ею перед лицом, будто веером, и не спеша положил себе в карман. Мягкая даже бровью не повела.

— Да,— подводил утром Александр Валентинович итоги вчерашних наблюдений,— за такие угощения косметикой, пожалуйста, не расплатишься.

Но, как сказал полковник, наблюдения к делу не приобщишь. К сожалению, пока, кроме результатов наблюдений, он ничем не располагал. Даже не знал, кто этот Роберт и Валентина, которые так друг друга называли во время застолья, устроенного Мягкой. Какие нити их связывают, где концы этих нитей, как взяться за них и добраться до клубка злоупотреблений, он, инспектор УБХСС, не знал. Но он должен разыскать эти концы, и чем быстрее он это сделает, тем раньше будет пресечено и наказано зло. Но до тех пор, пока он не установит личности Валентины и Роберта, беспокоить Мягкую он не мо-

жет. Узнав, что Мягкой интересуются в милиции, Валентина и Роберт немедленно скроются. Такую оплошность допускать нельзя.

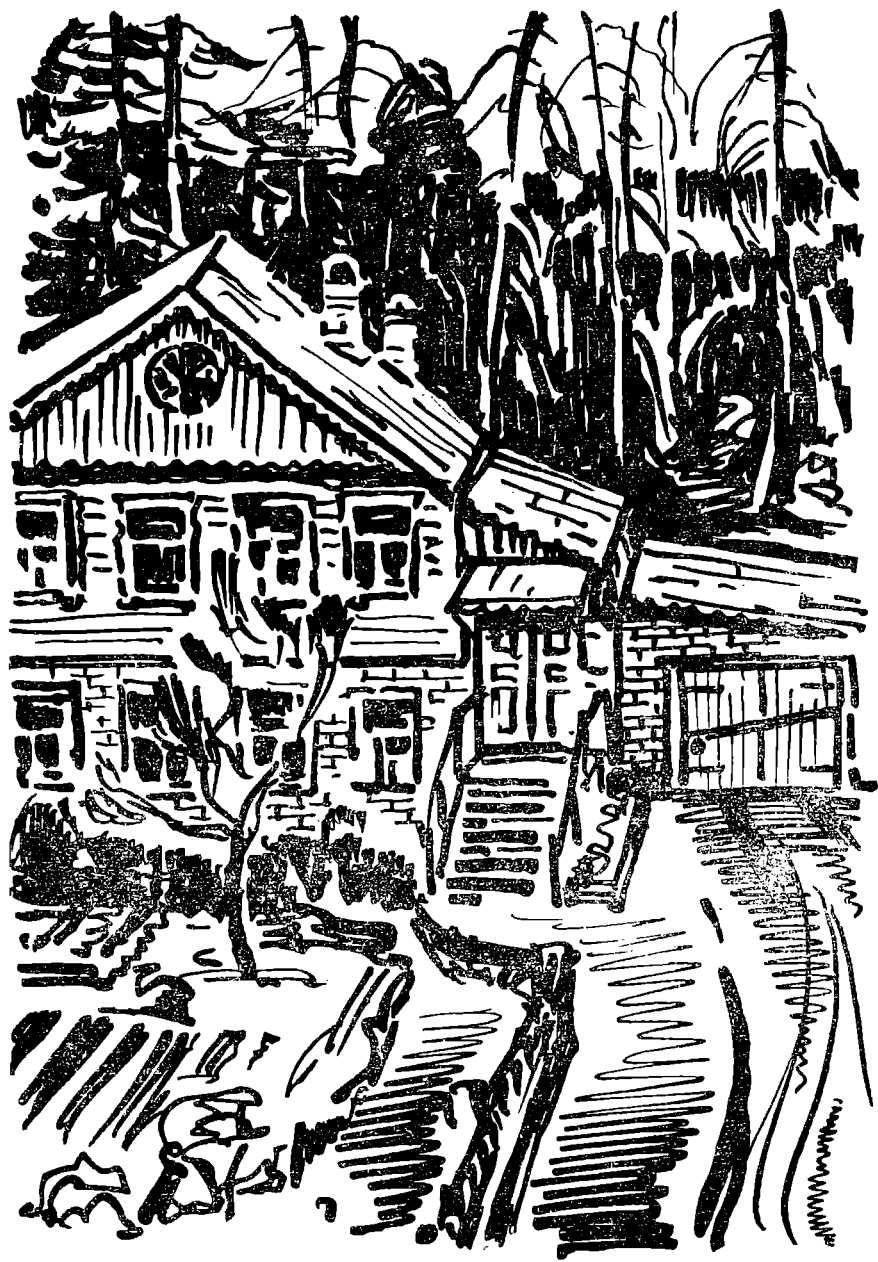
ОСОБНЯК В СОСНОВОМ БОРУ

Личность Валентины удалось установить быстро. Это мастер мужского зала Иванкова. Но кто такой Роберт? Два дня он вообще не появлялся в поле зрения работников милиции. И вдруг повезло.

В тот вечер компания рано покинула ресторан. У подъезда одиноко стояло такси. Роберт коротко переговорил с водителем, услужливо открыл перед Иванковой переднюю дверцу, сам стал усаживаться на заднее сиденье. Подошла Мягкая, но Роберт перед самым ее носом захлопнул дверцу, бросив коротко:

— Сама доберешься.

Машина на повышенной скорости пролетела пустынный в это время проспект Гагарина, затем площадь Лядова и, оставив позади Окский мост, вышла на проспект Ленина, взяв направление в сторону автозавода. Вот он уже позади, промелькнула под красным светофором улица Веденяпина, с шелестом ложится под колеса Южное шоссе. Похоже, Роберт спешит в аэропорт, кого-то встречать. Но нет, нырнув под железнодорожный путь, машина пошла прямо. Слева мелькают огни Стригино. Растянулось оно вдоль дороги, и, кажется, нет ему конца и края. Внезапно на короткий миг сверкнули рубиновые огоньки стоп-сигналов, машина свернула в одну улицу, в другую. Еще поворот — и водитель снизил скорость до самой малой, ввел машину в широкий, ухабистый переулок. Впереди фары выхватывают из темноты плотную стену леса. Все четче обозначаются отдельные сосны, встречный ветерок доносит густой запах хвои. Въехав в лес и развернув машину у старой стройной сосны, водитель выключил мотор. Роберт вышел из машины, тихо прикрыл дверцу и направился к двухэтажному дому. Там его, видно, ждали: в окнах второго этажа горел свет. В два прыжка перемахнув высокий лестничный марш, Роберт несколько раз нажал кнопку звонка, немного выждав, еще раз нажал. Дверь открылась, и его молча, без единого вопроса впустили в дом. Вышел он оттуда очень быстро, с объемистым пакетом под мышкой. Быстро сосчитав ступеньки лестницы, молча сел в машину. «Волга» с места рванулась и так же быстро помчалась обратно тем же маршрутом.

Загадки на Осминина сыпались одна за другой. Не успел он разгадать дефицит в косметике, как появился ресторан. Не успел выяснить, каким образом похищает Мягкая дневную выручку парикмахерской, как появился особняк в сосновом бору. Да и действующих лиц прибавилось. Начал с двоих, а теперь их уже пятеро. Кто знает, как будут развиваться события дальше? Вот так незадача: пора бы вплотную приступить к раскрытию махинаций кассира, так на тебе, опять нужно выжидать, пока не будет выяснена личность хозяина особняка в сосновом бору, пока не будут нащупаны нити, связывающие его и Роберта, а, возможно, через Роберта и Мягкую и Джафарову. Дело с каждым днем не прояснялось, а все больше усложнялось. Перед оперативными работниками стояло множество вопросов, на которые они до сих пор не находили ответов. Например, что было в пакете, увезенном Робертом из особняка в сосновом бору? Но прежде всего требовалось выяснить личность хозяина особняка. За помощью обратились в Автозаводский райотдел. Роберта решили пока не беспокоить. Из отдельных обрывков разговора в ресторане о нем можно было составить некоторое мнение: в городе живет без прописки, нигде не работает. Все время держится возле Ивановой.

В ожидании телефонного звонка от своих автозаводских коллег Александр Валентинович еще раз проанализировал результаты своей работы. Все более четко обрисовывались роли попавших в поле зрения работников милиции действующих лиц. Парфюмерию и косметику из парикмахерской расхищают Джафарова и Мягкая. Они же ее сбывают через заведующую галантерейным магазином. У Роберта и Ивановой какие-то свои махинации с хозяином особняка в сосновом бору. Кроме того, Мягкая, пользуясь из рук вон плохо поставленными учетом и отчетностью в объединении Горьковгорпарикмахерские, ворует выручку парикмахерской. От Ивановой о ее проделках знает Роберт и шантажирует, занимается вымогательством. Просматривались, пусть пока еще не совсем ясно, три преступные группы, которые странно между собой переплелись. Стержнем этого переплетения была Мягкая. Вместе с Джафаровой она воровала и сбывала косметику, вместе с Ивановой и Робертом транжирила на кутежи выручку. Но знает ли Джафарова о преступных действиях Мягкой? Известно ли Мягкой о ночном визите Роберта и Ивановой в Стригино? Наконец, осведомлены ли Роберт и Иванкова о том, как в парикмахерской создается дефицит косметических средств, а Джафарова о тайных поездках Роберта? Все это должно проясниться во время следствия.

Выясняя личности и связи подозреваемых, старший лейтенант интересовался состоянием учета и отчетности в объединении Горьковгорпарикмахерские. Даже при самом поверхностном знакомстве с документами от его глаз не могли ускользнуть серьезные нарушения финансовой дисциплины. В кассовой книге по учету выручки парикмахерских за отдельные месяцы не было подсчетов общих сумм, подписей должностных лиц. Дневные выручки, в частности тринадцатой парикмахерской, сдавались не ежедневно, а на третий, а то и на пятый день. При этом Осминина насторожило то обстоятельство, что выручка из тринадцатой парикмахерской на счет объединения почему-то поступала через восемьдесят первое почтовое отделение, что в Приокском районе, а не через Главпочтамт, который находится рядом с парикмахерской. Особенно подозрительными казались три последние квитанции о приеме перевода: они были датированы тем же числом, когда Мягкая, Иванкова и Роберт ужинали в ресторане «Ока».

Телефон зазвонил неожиданно. Из Автозаводского райотдела внутренних дел сообщили: в особняке в сосновом бору проживает врач-невропатолог Яблонко. Он инвалид второй группы по зрению, но ему в порядке исключения разрешено работать на полставки. Он ведет вечерние приемы больных. Автозаводские коллеги к просьбе работников управления отнеслись весьма внимательно. Они посоветовали обратить внимание и на врача-хирурга того же объединения Хавина: они дружат, оба замечены в нарушениях врачебных обязанностей. Например, у них можно было достать некоторые ценные медикаменты.

Итак, «коллекция» Осминина пополнилась еще и медиками. Секрет пакета, который увез Роберт из особняка в сосновом бору, теоретически разгадывался. Яблонко и Хавин похищают в больнице медикаменты, Роберт их сбывает. Складывалась довольно пестрая компания: заведующая парикмахерской, заведующая магазином, кассир парикмахерской, мастер-парикмахер, тунеядец и два врача. Люди разные, а уличаются в одном — хищении.

Теперь, не дожидаясь, когда будут до конца изучены личности Яблонко и Хавина, можно приступить к подготовке операции по задержанию с поличным Джафаровой и Мягкой. План операции согласовали со своим начальником. Тот одобрил его, в помощь выделил еще двоих сотрудников. Расчет был прост. Одновременно с задержанием расхитителей косметики по сигналу из магазина произвести выемку всех денежных документов за период работы в парикмахерской Мягкой.

Итак, поступление на базу объединения Горьковгорпарикмахерские косметических и парфюмерных товаров отныне находилось на строгом контроле работников УБХСС. Осминин пристально изучал круг связей Яблонко и Хавина, с нетерпением ждал сообщения о поступлении в объединение новой партии косметики и парфюмерии.

Дня через два позвонили из железнодорожной милиции: только что там получено два контейнера косметики. Скоро она поступит в парикмахерские. Можно было полагать, что Джафарова и Мягкая тут же попытаются ее реализовать.

Такси к парикмахерской подошло во второй половине дня. И сразу же в дверях появилась Мягкая, за ней Джафарова. У обеих в руках объемистые пакеты. На левом плече Мягкой небольшая коричневая сумочка. Обе сели в машину и поехали. Минут через двадцать они скрылись в кабинете заведующей магазином.

...Двери кабинета распахнулись в тот момент, когда на стол был выложен похищенный товар, а заведующая магазином Синицына отсчитывала прямо на ладонь Джафаровой деньги. Мягкая сидела на стуле, подкрашивала ресницы. Они так увлеклись своим занятием, что не сразу обратили внимание на вошедших работников милиции. Первой их увидела Джафарова. Она попыталась спрятать деньги в карман плаща.

— Спокойно, — шагнул вперед один из вошедших. — Инспектор УБХСС Осминин, — отрекомендовался он, предъявляя удостоверение.

— Присаживайтесь, — засуетилась Синицына, — пожалуйста, вот сюда, сюда тоже можно.

Воспользовавшись суетой, Мягкая встала, как бы уступая место, и бочком-бочком, вдоль стенки направилась к дверям.

— А вы куда? — преградил ей дорогу другой работник милиции.

Мягкая молча села. Пригласив понятых, работники милиции предложили мошенницам добровольно выдать похищенные в парикмахерской косметику и парфюмерию. В ответ Синицына заявила, что никто ничего не похищал, а то, что работники милиции видят на столе, она, Синицына, продает Джафаровой по знакомству. Три дня назад эти товары поступили в магазин, вот она по просьбе Джафаровой и позвонила ей, приезжай, мол, я приготовила. И так убедительно выкручивалась, обвиняя себя в нарушении правил советской торговли, что если бы работники милиции собственными глазами не

видели, как Джафарова с Мяжкой выходили из парикмахерской и входили в кабинет заведующей магазином с пакетами, и не стали свидетелями расплаты за доставленный товар, то можно было бы поверить в экспромтом придуманные преступления сказки.

— Предъявите накладные,— прервал ее Осминин.

— Их у меня нет, они в торге,— после короткого замешательства взяла себя в руки Синицына.

Осминин не стал больше ни на чем настаивать. Он набрал нужный номер телефона и сказал всего лишь одно слово:

— Приступайте.

Когда были закончены необходимые формальности с косметикой, Александр Валентинович попросил Мяжку раскрыть сумочку.

— Вы не имеете права,— запротестовала она.— Я жаловаться буду. Это произвол.

— Успокойтесь, гражданка Мяжка,— впервые назвал ее фамилию Осминин. До этого он ее словно не замечал.

— Вы знаете мою фамилию?— удивилась та.— Откуда?

— Как работнику милиции, мне положено многое знать.

Поняв настойчивость инспектора, Мяжка встала со стула, решительно подошла к столу и со злостью вытряхнула на него все содержимое сумочки. Понятые даже ахнули: червонцы, полусотенки, четвертные покрыли весь стол, несколько кредиток упало на пол.

— Откуда у вас такие деньги? —спросил старший лейтенант.

— Уж не думаете ли вы, что я их наворовала? Вчера вечером приболела и не успела сдать выручку.

— Хорошо,—заговорил Осминин,—сейчас для порядка мы задокументируем эти деньги.

Когда сосчитали, оказалось без малого четыре тысячи рублей.

Застигнутых с поличным пригласили в милицию.

Тем временем в объединении Горьковгорпарикмахерские производили проверку кассовых документов. Узнав об этом, Иванкова с ужасом прошептала:

— Так вот оно, началось!— Закончив стрижку клиента, она сняла халат и, обращаясь к двум работающим с ней в одну смену мастерам, сказала:

— Девочки, придет заведующая — скажите, что я заболела и ушла домой.

«Скорее предупредить Роберта, скорее...» —торопила она себя. Выбежала из парикмахерской. Посмотрела в одну сторону,

в другую, увидела зеленый огонек такси, шагнула на проезжую часть дороги, подняла руку.

— Не надо спешить, гражданка Иванкова, — появились рядом двое мужчин в штатском. Но она их не слышала. Все внимание ее было приковано к приближающемуся зеленому огоньку. От него, от этого огонька, сейчас зависело спасение Роберта.

— Гражданка Иванкова, — тронул ее за плечо один из мужчин, — просим следовать с нами.

Увидев красные корочки удостоверения с гербом, Иванкова сникла и тихо сказала:

— Что же, ведите, я знала, что этим все кончится.

...Участковый инспектор нажал кнопку звонка.

— Войдите, не заперто, — послышался из-за двери голос с кавказским акцентом.

Когда инспектор и с ним двое в штатском вошли в комнату, Роберт лежал на диване. На полу стояли наполовину опустошенная бутылка марочного вина и стакан, вторая, пустая, откатилась на середину комнаты, оставив на мягком ворсистом ковре темные пятна.

— Извините, — вскочил Роберт с дивана, — я сейчас.

Пока работники милиции осматривали богатое убранство квартиры, Роберт быстро привел себя в порядок, убрал с пола бутылки, стакан.

— Я сейчас, я сейчас, — то и дело повторял он.

Он подбежал к холодильнику, взялся за ручку.

— Не нужно беспокоиться, — стал рядом участковый инспектор. — Мы ведь не в гости, а по делу. Присядьте, гражданин...

— Роберт, — подсказал молодой человек.

— Но у вас, вероятно, и фамилия есть! — уточнил инспектор. — И паспорт?

— А как же, — ответил тот и предъявил паспорт.

— Аветисов Роберт Иосифович, — прочитал вслух инспектор, — судим. — Он полистал паспорт. — С 1976 года нигде не работаете, без определенного места жительства?

После некоторого замешательства Аветисов стал длинно объяснять, что его куда-то не принимают на работу, потому что он судим, вот и приехал в Горький. Совсем недавно. Здесь, слышал, нужны рабочие руки, да приболел. Спасибо хорошей женщине, приютила, а то хоть на улице пропадай.

— Хорошо, — сказал один из работников милиции в штатском, — в отделе разберемся.

Аветисов стал нехотя одеваться.

ИВАНКОВА ДАЕТ ПОКАЗАНИЯ

Проводив Джафарову, Синицыну и Мягкую к следователю, Осминин пригласил в кабинет Иванкову. Вошла осунувшаяся, сникшая. От той дамы, которая так заразительно смеялась в ответ на каждую шутку Роберта в ресторане, и следа не осталось. Села на краешек стула, как провинившаяся школьница, положила руки на колени, опустила голову, мол, я вся перед вами, наказывайте.

— Ну, так с чего начнем нашу беседу?— раскрыл порядком располневшую папку Осминин.

— А мне все равно,— вздохнула Иванкова,— начинайте с чего хотите.

— Думаю, для вас лучше будет самой начать и все рассказать. Как-никак, чистосердечное признание и раскаяние смягчают вину.

— Хорошо, дайте собраться с мыслями.

Осминин не торопился, хотя его рабочий день подходил к концу. Пусть соберется с мыслями, пусть придумает оправдывающую ее действия версию, смягчающую вину обстоятельство, он все терпеливо выслушает. Для него в данный момент важно было задокументировать не степень участия Иванковой в преступлениях Мягкой, а преступные действия самой Мягкой. По состоянию Иванковой он видел, что она надломлена, но из опыта знал, что преступник не всегда с первой беседы говорит правду. Жулики всегда стараются перевалить вину на другого, выгородить себя. Иванкова молчала недолго. Но стала рассказывать совсем не то, что интересовало инспектора УБХСС.

Да, она иногда получала с клиентов наличными, а в ведомость выручки вписывала самую малость. Но это было вначале, когда еще только пришла на должность кассира парикмахерской Мягкая. Потом увидела, что та невнимательна, и перестала вписывать и эту малость. Поступала она так не часто и не со всеми клиентами, а только с постоянными, которых хорошо знала и была уверена, что они не пойдут жаловаться. Осминин тщательно заполнял протокол объяснения.

— Все, даже на душе стало легче,— закончила свой рассказ Иванкова.

— У меня к вам будет несколько вопросов,— склонился над столом Осминин.— На что вы расходовали присвоенные деньги?

Вопрос не застал Иванкову врасплох. Оказывается, немало нужно женщине, чтобы выглядеть современной, а зарплата у нее не ахти какая. Сблазнилась, теперь кается.

Осминин понимал, что Иванкова преднамеренно уводит его от главного, но не мешал до времени, ожидая подходящего момента. Теперь такой момент наступил.

— И на посещения ресторанов вам тоже этих денег хватает? — спросил он внезапно.

Иванкова вздрогнула, насторожилась.

— Каких ресторанов? — изобразила удивление.

— Да хотя бы седьмого мая. — Он назвал еще несколько дней, перечислил названия ресторанов. Иванкова молчала.

— Что же, — сказал Осминин, — пройдите в комнату ожидания, подумайте, а я пока побеседую с Аветисовым, авось, он сговорчивей окажется...

— Разве он тоже... — выпрямилась на стуле Иванкова.

— У нас решили не оставлять его в одиночестве. Ведь пропадет он без вас.

Иванкова смотрела на Осминина расширенными от ужаса глазами. Надо же: не только знают, что она посещала рестораны, но успели уже и Роберта задержать. Правда, у них с Аветисовым заранее имеется договоренность, как вести себя, что говорить следователю, если попадутся. Но как бы не было хуже для нее, если Роберт заговорит первым. Она была уверена, что он самого главного не скажет, но не хотела уступать ему первенства и в том, что уже было между ними обговорено заранее. Черт с ним, все равно бросит.

— Нет-нет, — взмолилась она, — не надо меня в комнату ожидания, я все расскажу. Наврала я насчет того, что присваиваю выручку. Думала, обойдется. Теперь вижу: нужно говорить правду. Ой, какая я дуреха, — вдруг расплакалась Иванкова. Несколько успокоившись, она стала рассказывать.

Как-то Мягкая пригласила ее в ресторан. Она отказалась идти без Роберта.

Мягкая настаивала. Иванкова открыла сумочку, сосчитала наличность: всего тринадцать рублей, а до полочки еще четыре дня. Мягкая поняла, в чем дело, и похлопала по своей сумочке:

— Хватит здесь и тебе, и Роберту твоему.

Иванкова не стала расспрашивать, откуда у подруги такие деньги, и согласилась разделить компанию. В ресторане изрядно выпили. Завязался разговор, Иванкова осмелела и спросила, откуда у Мягкой столько денег. Денег было и в самом деле много. Может, тысяча, а может, и полторы.

— Эх ты, наивность святая, — похвастала Мягкая, — около денег сидеть и без денег быть? Советую тебе: брось ты свои ножницы да переходи в кассиры. Мы с Джафаровой слово за тебя замолвим. Есть у нас кой-где связи...

— Меня напугало такое предложение,— хитрила Иванкова,— как это так — воровать государственные деньги?

— И тем не менее,— прервал ее Осминин,— пропивать их не отказались.

— А какая разница, кто их пропивать будет? — нагло ответила Иванкова,— я или кто-то другой?

— Значит, вы знали, что деньги ворованные, почему же тогда не сообщили об этом куда следует?

— Роберт предупредил, что бросит меня, если я это сделаю... Я вижу, что вы мне не верите.

— Да, не верю,— резко прервал ее Осминин. На этом он решил первый допрос Иванковой закончить.

ДЕЛО О ШТЕМПЕЛЕ

Ввели Аветисова. Оценивающе оглядел просторный кабинет, не спеша подошел к столу, сел.

— Это ОБХСС? — заговорил первым.

— Вы не ошиблись,— ответил Осминин, внимательно всматриваясь в лицо и фигуру вошедшего.

Аветисов уловил этот взгляд.

— Что изучаешь, гражданин начальник? Или, думаешь, где-нибудь виделись? Ошибаешься, в Горьком я недавно, никуда не хожу. Не могли мы с тобой видеться.

Аветисов поудобнее уселся на стуле, положил ногу на ногу, пригладил густую черную шевелюру. Что-то из дальних уголков памяти подсказывало Осминину, что этот человек ему знаком.

— Вопросик можно, гражданин начальник?

— Да, пожалуйста, спрашивайте.

— Я человек бывалый, всякие кодексы знаю. Зачем меня привели к вам? Зачем вам тунеядец?

— Не будем играть в прятки,— прервал его Осминин.— За что отбывал два с половиною года заключения?

— За грабеж,— небрежно процедил сквозь зубы Аветисов и тут же добавил: — Но к этому вы никакого отношения не имеете.

Не обращая внимания на наглые разглагольствования Аветисова, Осминин задал следующий вопрос:

— Почему не трудоустраиваетесь и на какие средства живете?

— История тут длинная, гражданин начальник,— глубоко вздохнул Аветисов.— Но, если вы позволите, расскажу

Говорил он долго, перескакивал с пятого на десятое, снова возвращался к сказанному. После окончания десятилетки поехал в Одессу поступать в институт, но не сдал экзамены. На вокзале встретил земляков, таких же неудачников, вместе возвращались домой. В дороге пропились. В вагоне-ресторане подсмотрели пассажира при солидных деньгах. Решили подкараулить, ограбить и спрыгнуть на ходу с поезда. Все произошло очень быстро. Но вскоре их задержала милиция.

— Ошибка молодости, гражданин начальник,— закончил свой рассказ Аветисов,— теперь мне не верят, никуда не принимают на работу. Живу на что? Отец присылает, я ему пишу, что поступил учиться.

— На посещения ресторанов тоже отец присылает? — поинтересовался Александр Валентинович.

— Аветисов улыбнулся:

— Моему отцу не заработать столько денег, сколько требует ресторан.

— Так где же вы их берете?

— Добрая фея помогает. Есть такая, Нина Мягкая, кассир из парикмахерской.

— Вот это уже ближе к делу,— одобчительно проговорил Осминин.

— Я сразу понял, что Нина засыпалась, когда за мной приехали ваши люди,— продолжал Аветисов. Потом он рассказал, как Мягкая возила их с Иванковой по ресторанам, как сорили деньгами.

На протяжении всей беседы старшего лейтенанта не покидало чувство, что он с Аветисовым все-таки встречался. Но где и при каких обстоятельствах, припомнить не мог. Не будь этого чувства, он не стал бы тратить время на выслушивание разглагольствований Аветисова об ошибках молодости, а сразу перешел бы к делу.

Осминин собрался было сходить к следователю, узнать, что говорит сама Мягкая, но в это время зазвонил прямой телефон. Заместитель начальника управления З. И. Клочихин хотел познакомиться с делом из первых рук.

— Ну, докладывайте, товарищ Осминин, чем закончился ваш поиск,— обратился к нему Зосима Иванович, когда тот сел.

Осминин сжато доложил.

Полковник поднялся из-за стола, прошелся по кабинету. Остановился напротив Осминина.

— Вам Аветисов никого не напоминает?

— Да, товарищ полковник, напоминает.

— Кого?

— Виноват, не вспомню.

— Тогда напомню, — спокойно продолжал полковник. — Четырнадцатого сентября прошлого года в восемьдесят первом почтовом отделении неизвестным лицом, предположительно кавказской национальности, был похищен кассовый штемпель...

— Теперь вспомнил, товарищ полковник! В ориентировке на розыск преступника был точно описан портрет Аветисова, даже его манера приглаживать волосы. Теперь я уверен, что это дело его рук.

— Почему ты так думаешь? — поинтересовался полковник.

— Когда я провел состояние учета и отчетности по тринадцатой парикмахерской, обратил внимание на то, что несколько переводов прошло через восемьдесят первое отделение.

— И тебя это не насторожило, хотя бы тем, что рядом с парикмахерской — Главпочтамт?

— Насторожило, товарищ полковник, — поднялся Осминин, — но тут сразу события так развернулись, что...

— Днем раньше, — прервал его полковник, — на Главпочтамте тоже лицом кавказской национальности похищена тетрадь чистых бланков квитанций на почтовые переводы...

Теперь Осминину становилось понятным поведение Аветисова, его пренебрежительное отношение к Мягкой. Он ее не шантажировал, не вымогал у нее подачки, он требовал и брал свое, причитающуюся ему долю. Однако это только версия, и хотя она основана на множестве совпадений, ее нужно проверить. Опознают ли Аветисова работники Главпочтамта и восемьдесят первого почтового отделения? Времени прошло немало. Их память могла не сохранить внешних примет личности Аветисова. Могло случиться и другое: штемпель и бланки похитили по поручению Аветисова или той же Мягкой третьи лица. Следовательно, опять проверки и проверки...

МЯГКАЯ ОТРИЦАЕТ

Задержанные с поличным в момент взаимных расчетов Джафарова и Синицына с первых слов начали давать более или менее правдивые показания. Джафарова раза два или три привозила в магазин косметические и парфюмерные товары, а Синицына через прилавок магазина их сбывала. Тридцать процентов выручки оставалось Синицыной, остальные получала Джафарова.

— Нет, было это не два и не три раза,— настаивал включившийся в дело следователь Николай Иванович Мартянов. Он располагал полученными от Осминина данными, что Джафарова занималась хищением на протяжении почти года.

— Николай Иванович!— возмущилась было Джафарова.— Вы же прекрасно знаете, сколько работает заведующей Синицына...

— Все правильно,— соглашался следователь,— но вы забываете о Сазановой. Сколько раз и на какую сумму возили ей товар?

— Сазанову я не знаю,— сделала удивленный вид Джафарова.

— Что же, не хотите говорить—воля ваша,—ответил Мартянов и вызвал конвой.

О Мягкой, о степени ее участия Мартянов не стал спрашивать Джафарову. Женщина она хитрая, все равно не станет впутывать кассира, чтобы избежать обвинения в групповом хищении и вовлечении в преступление своей подчиненной. К вопросу о Мягкой он подойдет с другой стороны, в более подходящее время. А заодно — и о Сазановой. Когда Мягкая будет разоблачена в хищении денег в крупных размерах, она сама обо всем расскажет и поможет уличить во лжи Джафарову. Он через работников БХСС уже навел справки: сумма, обнаруженная в сумочке Мягкой, в несколько раз превышает дневную выручку парикмахерской. Это давало повод предполагать, что ранее Мягкая в своих объяснениях сказала неправду.

Мягкая вошла в кабинет решительно, будто не ввели ее, а она сама привела за собой конвой. Не ожидая приглашения, переставила стул, села, уставилась пронзительным взглядом на Мартянова. Следователь выдержал этот взгляд, молча положил перед собой чистый бланк протокола допроса, взял ручку. Все это время Мягкая иронически смотрела на него, мол, старайся, старайся, все равно ничего не докажешь, у меня отчеты в порядке, разве только что сдавала их не всегда вовремя, а за это еще никого не судили.

Мартянов заполнил реквизиты протокола допроса, познакомил ее со статьями за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний, предложил расписаться.

— Итак, Нина Алексеевна,— начал он,— в объяснении вы утверждаете, что обнаруженные в вашей сумочке деньги — несданная выручка парикмахерской за вчерашний день. Вы настаиваете на этом?

— Да, настаиваю.

Мягкая помолчала, о чем-то думая, и продолжила:

— Впрочем, не вся сумма. Там больше половины — мои личные деньги. Хотела по́купать себе демисезонное пальто, еще кое-что из одежды.

— Сколько?

— Моих? Точно не знаю, но, примерно, тысячи две.

— А точнее?

— Не помню.

— Хорошо, сколько ваших — не помните, хотя каждый знает точно, сколько у него на сегодня денег в кармане, может, помните, сколько казенных?

Мягкая посмотрела на миниатюрные часики-кулон.

— Парикмахерская еще работает, — поднялась со стула, — я схожу, возьму ведомость и скажу точно.

— Не трудитесь, — остановил ее Мартьянов. — В свое время вспомните.

— Это что еще за намеки? — вспылила Мягкая. — Я не знаю, чего вы от меня хотите. Если вы имеете в виду шампунь, то я к ним отношения не имею и вообще ничего не знаю, а что касается несданной выручки, так для этого у меня есть свое начальство.

— Ни то, ни другое меня сегодня не интересует, — успокоил ее следователь. — И вы это прекрасно знаете. Расскажите лучше, на какие деньги вы посещали рестораны, купили эти часы-кулон, да и многое другое.

Мартьянов уже знал о результатах бесед Осминина с Аветисовым и Иванковой. Поэтому говорил уверенно. Он был также убежден в том, что ни Иванкова, подруга Мягкой, ни Аветисов не могли ее оклеветать. Такую мысль во всяком случае он исключал.

— Ну, знаете, вы слишком далеко зашли, — обиделась Мягкая. — Я молода, красива, почему меня никто не может пригласить на вечер в ресторан?

— К вашему сожалению, не вас приглашали, а вы. Хотите, напомню кого?

— Подумаешь, сходили пару раз с Валентиной и ее знакомым, Робертом, вам уже и завидно показалось. Мы обе прилично получаем, да и у Роберта денег предостаточно...

Допрос не клеился. Мягкая вела себя дерзко, вызывающе. Мартьянов решил сразу все поставить на свои места, чтобы сбить с нее спесь.

— Вот что, — начал он строго, — или вы будете отвечать на мои вопросы и не лгать, что у вас достаточно зарплаты, а у тунеядца Аветисова немало своих денег, или я вызову конвой, и мы с вами расстанемся до завтра.

Мягкая была уверена, что ее отчеты о сдаче выручки не вызовут сомнений у работников милиции. Далекая от всяких бухгалтерских премудростей, она не знала всех тонкостей оформления кассовых документов и считала, что до ее махинаций никто не докопается.

— Дело ваше,— уже более мягко заговорила она,— а мне больше не о чем рассказывать. Впрочем, задавайте ваши вопросы...

— Аветисов и Иванкова уже рассказали, как вы кутили по ресторанам и на чьи деньги. Неужели и после этого будете утверждать, что рестораны вы оплачивали из своих сбережений?

— Не знаю и знать не хочу, что обо мне говорят другие, меня это совершенно не волнует.

— Неужели понадобится очная ставка?

— Это уж дело ваше,— упрямо ответила Мягкая,— только наперед скажу: ничего у вас не получится.

На следующий день Осминин явился на службу пораньше и сразу засел за стопку привезенных накануне из объединения Горьковгорпарикмахерские кассовых документов. Ему не терпелось поскорее проверить подсказанную заместителем начальника УВД версию. Он внимательно листал пачку за пачкой, тщательно выписывал номера квитанций и сумму перечисленных через почтовое отделение на текущий счет объединения денег.

Первая квитанция, помеченная штемпелем восемьдесят первого почтового отделения, была датирована 20 августа 1977 года, на сумму перевода 923 рубля 33 копейки, вторая—22 августа, на сумму 903 рубля 40 копеек. Осминин еще и еще раз проверил даты: все правильно, деньги перечислены почти за месяц до хищения штемпеля и тетради квитанций. Неужели он на ложном пути? Он хотел уже прекратить это бесплодное занятие, как мелькнула догадка: в бухгалтерии объединения из рук вон плохо поставлен учет, а Мягкая наворовала изрядно, давно этим занимаясь. Подвернулась возможность—она и «погасила старые долги» фиктивными квитанциями. Осминин снова взялся за карандаш. На последней квитанции, помеченной штемпелем восемьдесят первого почтового отделения на 1066 рублей 91 копейку, стояла дата: «27 апреля 1978 года».

Александр Валентинович подсчитал: по семидесяти одной фиктивной квитанции, помеченной кассовым штемпелем восемьдесят первого почтового отделения, Мягкая за короткое время положила себе в карман почти пятьдесят тысяч рублей.

Это менее чем за год! Неужели в объединении ни разу ревизию не проводили?!

План дальнейших мероприятий Осминин обсуждал, уточнял со следователем Мартыановым.

Они затребовали из Приокского и Нижегородского райотделов приостановленные в свое время дела о хищении кассового штампа из восьмьдесят первого почтового отделения и тетради бланков квитанций о перечислении почтовых переводов с Главпочтамта. После обеда дела уже лежали на столе у Осминина. Мартянов вызвал к себе сотрудниц Главпочтамта и восьмьдесят первого почтового отделения, во время работы которых были похищены квитанции и штамп. Необходимо провести опознание.

Процедура эта длилась недолго. Обе женщины, не колеблясь, показали на Аветисова. Одна из них припомнила, что он в тот день долго стоял на почтамте у окошка, где принимают почтовые переводы. В это время приемщицу позвали к начальнику, а когда та возвратилась, на столе не оказалось квитанций, гражданина тоже у окошка не было.

Аналогичные показания дала и работница восемьдесят первого почтового отделения.

Авегисов не отрицал, что он был на Главпочтамте и в почтовом отделении: возможно, и был, он точно не помнит, но ни штемпеля, ни тетради квитанций не похищал. Они ему ни к чему. Доказательств его вины не было, были только догадки, предположения. Оставалась надежда на результаты обыска на квартире Мягкой и Ивановой или на их признания. Но с ними можно будет разговаривать на эту тему только после обыска.

УЛИКИ

В кабинете следователя и в машине Мягкая молчала, отгородившись от работников милиции одной ей известными мыслями. У дверей своей квартиры достала из сумочки ключи, протянула следователю.

— Открывайте, приглашайте хозяйку в дом,— съязвила, отступив от дверей.

— Не годится так, Нина Алексеевна,— миролюбиво ответил Мартьянов, отстраняя ключи.— Не нужно ссориться.

Мягкая резким движением вставила ключ в скважину, отперла дверь и с наигранным радушием проговорила:

— Милости прошу, гости дорогие.

Она явно вызывала работников милиции на скандал. Требовалось большое самообладание, чтобы сдержать готовое вырваться резкое слово. Вошли в квартиру. Пока работники милиции рассматривали обстановку, а Осминин приглашал понятых, Мягкая продолжала сыпать колкостями.

— Может быть, Нина Алексеевна, все-таки к делу приступим? — прервал ее кривляния Мартьянов. — Прежде всего выйдите добровольно все, что имеет какое-либо отношение к вашей работе в парикмахерской: черновик ведомостей, квитанции о перечислении выручки, другие бумаги. Впрочем, вы прекрасно понимаете, что я имею в виду.

Мягкая саркастически улыбнулась:

— Нашли дурочку. Ищите, если думаете что-нибудь найти. Только заранее предупреждаю, что напрасны ваши хлопоты.

— Еще раз прошу, — настаивал Мартьянов, — это смягчит вашу вину.

— А если нет за мной этой самой вины, — скрестила руки на груди Мягкая, — тогда как? Извиняться придется. Ищите.

Работники милиции приступили к обыску. Неприятное это занятие — копаться в чужих вещах, но таков служебный долг. Методически, шаг за шагом работники милиции обследовали всю квартиру, проверили каждую щелочку в мебели, перебрали всю посуду — напрасно. Все это время Мягкая только ухмылялась, время от времени бросая косые взгляды. Оставалась тощая библиотечка и альбом с фотографиями. Пока Осминин с понятыми просматривали книги, Мартьянов принялся изучать альбом. Все фотографии были приклеены. Мартьянов уже переворачивал последний лист и вдруг заметил, как Мягкая метнула в его сторону острый взгляд. «Не тут ли собака зарыта?» — подумал он, еще раз перелистывая альбом и проверяя на ощупь каждую фотографию. Под одной из них почувствовал утолщение. Он достал из кармана перочинный ножик и, аккуратно подрезав край фотографии, встряхнул альбом. Оттуда выпала небольшая розовая бумажка. Он взял ее в руки и громко прочитал:

— Квитанция о приеме почтового перевода.

Мягкая не шелохнулась.

— Это документ строгой отчетности, как и всякий денежный документ, он ни к чему любому гражданину, — обратился Мартьянов к понятым.

Потом из того же альбома извлек еще три таких же чистых бланка квитанций о приеме почтовых переводов.

— Ну, что вы теперь скажете? — повернулся он к Мягкой.

— А ничего не скажу. Мало ли у меня бывает людей.

— Одевайтесь,— Мартянов поднялся,— поедете с нами. Мягкая молча оделась...

Наутро поехали с обыском к Ивановкой. И буквально в самом начале повезло: кассовый штемпель почтового отделения лежал на шкафу, завернутый в обложку от тетради квитанций о приеме почтовых переводов.

— Здесь будете обо всем рассказывать,— обратился Мартянов к Ивановкой, разворачивая находку,— или отправимся в отдел?

— Лучше в отделе,— безнадежно махнула рукой Иванкова.— Пока доедем, собираюсь с мыслями.

...Когда Мягкая начала похищать деньги из кассы парикмахерской, сколько их похитила, Иванкова сказать не может. О том, что та ворует государственные деньги, она узнала в тот вечер, когда подруга пригласила ее вместе с Аветисовым в ресторан и посоветовала сменить ножницы на кассовый аппарат.

— Когда это было?— спросил Мартянов.— Уточните, пожалуйста.

Иванкова задумалась, припоминая.

— Пожалуй, это было седьмого или восьмого сентября...

Волнуясь, она рассказала, как на следующий день Мягкая опять пригласила ее с Аветисовым в ресторан, потом еще два или три. Вот тогда Мягкая и предложила Аветисову достать почтовый штемпель и побольше чистых бланков квитанций о приеме почтовых переводов. Иванкова было запротестовала. Тогда Мягкая заявила, что у нее бухгалтерия обнаружила крупную недостачу, которую нужно как-то немедленно покрыть. В противном случае могут быть крупные неприятности, и тут уж не обойдется без милиции. Аветисов сначала согласился. Иванкова просила его не ввязываться в эту историю.

— Значит, не выручите?— Мягкая отбросила вилку, в ее глазах вспыхнули злые огоньки.— Так знайте: если милиция потащит меня, вы тоже со мной пойдете!

— Но ни я, ни Роберт к деньгам отношения не имеем,— робко продолжала сопротивляться Иванкова.

— Как это не имеее?— вспыхнула Мягкая.— А на какие шиши я вас таскаю по ресторанам, раскатываю вас на такси? Может, скажете, что не знали? Так я вас в первый же вечер предупредила.

Иванкова сдалась.

— Вот так-то лучше,— погладила руку Ивановкой Мягкая.— Будут квитанции — и никто ничего не узнает. Зато заживем!

На другой день Аветисов принес к Иванковой неполную тетрадь с чистыми бланками почтовых переводов, а потом — кассовый штемпель восемьдесят первого почтового отделения. Заполняла их потом сама Мягкая. Иногда ей в этом помогали Иванкова и Аветисов. Вознаграждала их за это мошенница особенно щедро. Кроме разъездов по ресторанам, посылала своим сообщникам крупные переводы в Сочи, когда они там отдыхали.

— А Джафарова участие в хищении денег принимала? — спросил Мартьянов, когда Иванкова закончила свой рассказ.

— По-моему, нет, — подумав, ответила Иванкова.

— Почему вы так думаете?

— Потому что Мягкая несколько раз говорила: «Если бы директриса знала...»

Закончив эту часть допроса, Мартьянов позвонил Осминину, попросил зайти. Кратко изложив результаты беседы с Иванковой, он спросил, нет ли у того к ней вопросов.

— Есть, — обратился к ней Александр Валентинович, — расскажите, пожалуйста, зачем Аветисов ездит на улицу Земляничную.

— Я такой улицы не знаю, — ответила Иванкова.

— Как не знаете? — переспросил Осминин. — Вы же сами не раз с ним там бывали.

— Мы с ним во многих местах бывали, но улицу Земляничную не знаю.

— Придется освежить вашу память, — проговорил Осминин, доставая из грудного кармана блокнот. — Это в конце поселка Стригино, в сосновом бору, такой симпатичный двухэтажный особнячок, — листая блокнот в поисках нужной страницы, продолжал старший лейтенант. — Ага, вот нашел...

— В сосновом бору? — видимо вспомнив, прервала его Иванкова. — Там живет знакомый врач Аветисова. У них какие-то дела с лекарствами.

Сознавшись в более тяжком преступлении, Иванкова не стала таить спекулятивные махинации Яблонко и Аветисова, чтобы хоть этим как-то смягчить свою вину.

Ее увели.

Перед работниками милиции начала вырисовываться четкая картина преступления Мягкой, Иванковой и Аветисова. Правда, предстояло еще немало сделать, чтобы подкрепить показания Иванковой, выяснить причастность Джафаровой к хищению денег, уточнить другие обстоятельства. Одновременно требовалось продолжать следственные мероприятия по хищению косметических средств из парикмахерской. Осминин уже

успел побеседовать с предшественницей Синицыной, бывшей заведующей галантерейным магазином Сазановой, с продавцами. Сазанова призналась, что она тоже сбывала похищенные Джафаровой косметику и парфюмерию.

Проанализировав результаты проделанной работы, Мартъянов и Осминин составили план своих действий. Список предстоящих мероприятий оказался длинным: беседы с работниками восьмьдесят первого почтового отделения, работа в архиве межобластного бюро контроля переводов, документальная ревизия кассовых операций, изучение рецептов и прочей документации в архиве облаптекоуправления, с целью изъятия всех рецептов, подписанных врачами Яблонко и Хавиным. Все это, пока Мартъянов будет допрашивать Аветисова, многочисленных свидетелей, должен был сделать Осминин.

Аветисов, узнав, что Иванкова созналась во всем, долго молчал, видимо что-то взвешивая.

— Врет Иванкова, — вдруг решительно заявил он, — штемпель и квитанции я не воровал.

— Сколько квитанций заполнили? — пропустив его заявление, настойчиво спросил Мартъянов.

— Не помню, кажется, две или три, — уже спокойно заговорил обвиняемый.

— Вы знали, что совершаете преступление?

— Смешной вопрос. Конечно, знал.

— И все-таки пошли на преступление?

Аветисов хмыкнул:

— Поверил Мягкой, что комар носа не подточит...

— Как вам удалось похитить штемпель? — вернулся к первому вопросу следователь.

— Не воровал я никакого штемпеля, — стоял на своем Аветисов.

— А чистые бланки о приеме почтовых переводов?

Аветисов упорно все отрицал. Да, он пропивал ворованные Мягкой деньги, заполнил несколько квитанций, но штемпель и бланки не воровал. Сделал это кто-то другой, а Иванкова, не желая этого кого-то впутывать, клеветает на него, Аветисова.

Мартъянов позвонил, распорядился привести Иванкову. Когда та вошла, Аветисов демонстративно отвернулся, устался в окно.

— Вы этого гражданина знаете? — обратился следователь к Иванковой.

— Знаю, — тихо ответила та.

— Повторите, пожалуйста, свои показания, которые вы давали два часа назад, если, разумеется, они правдивы.

Иванкова заплакала. Затем, вытерев слезы, с обидой проговорила:

— Вы мне не верите?

— Я верю, — ответил Мартьянов, — а вот гражданин Аветисов не верит.

— Он никому не верит, — еле сдерживаясь, чтобы не закричать, заявила Иванкова.

Затем она подробно рассказала о совместных посещениях ресторанов, о том, как Мягкая предлагала Аветисову достать почтовый штемпель и чистые бланки квитанций о приеме почтовых переводов, о том, как Аветисов согласился и выполнил свое обещание.

На этом следователь ее прервал и спросил Аветисова:

— И теперь будете все отрицать?

Аветисов молчал.

— Что ж, — заявил следователь, — придется устроить еще одну очную ставку.

— Не надо, — выпрямился и повернулся к Иванковой Аветисов. Под его тяжелым взглядом та согнулась. — Буду говорить. Все равно, — махнул он безнадежно рукой.

— Следствие интересуется еще один вопрос, — закончив записывать показания Аветисова, отложил ручку Мартьянов: — Давно ли вы знакомы с врачом Яблонко, с тем самым, что живет в двухэтажном особняке в сосновом бору на окраине Стригино?

— Она рассказала? — кивнул в сторону Иванковой Аветисов.

— Какое это имеет значение? — ответил вопросом на вопрос следователь.

— Верно, — согласился Аветисов. — Теперь это уже не имеет никакого значения. — Потом добавил: — То так, мелочь, я с того дела немного имел барыша.

— А Яблонко?

— О, то настоящий паук. Тысяч десять вытянул из меня за лекарства, которые давно нужно было выбросить.

Спекуляция медикаментами по сравнению с соучастием в хищении выручки из кассы парикмахерской действительно была мелочью, и Аветисов не стал упорствовать.

— Поехали на вокзал, — сказал он в заключение, — там в камере хранения лекарства и рецепты, которые мне дал Яблонко.

В одной из ячеек автоматической камеры хранения и в самом деле оказалась большая партия дефицитных лекарств и

почти полтора десятка рецептов. На них стояли подписи врача Яблонко и заведующего травматологическим отделением больницы Хавина.

В ОСОБНЯКЕ ЯБЛОНКО

Спустя неделю, получив санкцию у прокурора на обыск в доме Яблонко, оперативная группа выехала в Стригино.

Будто на прогулку в сосновый бор, выбежала на окраину поселка улица Земляничная. Почти к самым калиткам подступили вековые сосны и застыли, всматриваясь в широкие окна добротных домов, источая терпкий запах хвои. Здесь и особняк Яблонко. Двухэтажный, кирпичный дом, подпоясанный двумя лоджиями. Работники милиции вышли из машины.

— Вот уже действительно улица оправдывает свое название, — воскликнул Осминин, рассматривая в чуть примятой траве зеленые листики земляники.

Поднялись по железобетонному лестничному маршу на высокое крыльцо, позвонили. За дверью — молчание. Подождали. Еще раз позвонили.

— Кто там? — слышался чей-то недовольный голос.

— Милиция, — ответил Осминин. — Откройте.

Раздались удаляющиеся шаги. Минут через пять они снова приблизились. Что-то заскрежетало, затем щелкнуло раз, другой. Распахнулась дверь. В проходе стояла женщина, не думая приглашать работников милиции в дом.

— Яков Исаакович дома? — спросил Мартьянов, предъявив удостоверение.

— Дома, — нехотя ответила женщина. — Но он болен, у него что-то с сердцем.

— Разрешите войти.

Женщина колебалась: впустить или не впустить. Мартьянов настаивал.

— И поболеть человеку спокойно не дадут, — ворчала женщина, впуская их в дом. — То больные со своими жалобами, днем и ночью беспокоят, теперь — милиция...

Яблонко лежал в постели, обложившись подушками. На тумбочке — пузырьки, таблетки, стакан с водой, две или три мензурки.

— Приходите в другой раз, — заявил он тихим голосом в ответ на пожелание доброго утра, не поворачивая головы. — У меня предынфарктное состояние. — Он молчал. Работники милиции стояли, озадаченные так неудачно складывающимся

началом. — А лучше, — продолжал хозяин, — денька через два-три я сам явлюсь. Скажите только куда. — И он устало закрыл глаза.

Работники милиции переглянулись: ну, что будем делать? Хозяин вялым движением руки потянулся к изголовью кровати, к полотенцу, женщина поспешила на помощь, подала полотенце. Он стал вытирать им лоб. Из-под полотенца сверкнули колкие зрачки глаз. Опять спрятались под полотенце. Вытерев и без того сухой лоб, хозяин вдруг швырнул полотенце на спинку кровати. Если у него и в самом деле предынфарктное состояние, отметили работники милиции, дорого обошлось бы ему это резкое движение. Присмотревшись, они обратили внимание и на другие детали. Со стула свисали на пол небрежно брошенные рубашка и пиджак, одна тапка валялась у тумбочки, другая чуть выглядывала из-под кровати. Брюк нигде не было видно. Неряшливостью хозяйки такой беспорядок невозможно было объяснить. В доме каждая вещь стояла или лежала на своем месте, все блистало чистотой. Возникло подозрение: Яблонко симулирует болезнь, хочет выиграть время и ликвидировать улики, а весь этот беспорядок говорит о том, что хозяин раздевался впопыхах. Что-то шепнув Осминину, Мартянов вышел. Через минуту вернулся.

— Да, подкачали вы, Яков Исаакович, — подошел он к постели больного. — И как это с вами, с врачом, могло такое случиться?

Мартянов говорил сочувственно, внимательно наблюдая за хозяином. Тот оказался плохим артистом: нет-нет да и спадала с его лица тень страдания, на какой-то миг оживали его злые глаза. А Мартянов продолжал:

— Вы нас извините, пожалуйста, мы вас долго беспокоить не будем, выясним только одно небольшое обстоятельство. Так уж и быть, поправитесь — приедете сами к нам в управление. Яблонко немного отошел. Позвал жену.

— Поддай товарищам хоть стулья, — распорядился почти шепотом.

— Даже не знаю, как и поступить, — продолжал Мартянов, присаживаясь на стул, — может, и в самом деле перенести разговор на потом, когда поправитесь... Дело-то совсем пустячное, а вы в таком состоянии...

Мартянов замолчал, будто не решаясь больше говорить. Яблонко устроился поудобнее на подушках, взял с тумбочки какую-то таблетку, положил в рот, запил водой. В это время на улице заурчал мотор подъехавшей машины. Хлопнула дверца, послышались торопливые шаги нескольких пар ног в ко-

ридоре. Яблонко метнул быстрый взгляд на жену, та побежала навстречу. В дверях встретила с врачом, растерянно отступила, пропуская его в комнату. За врачом вошли две девушки, тоже в белых халатах. Они несли сумку и черный эбонитовый ящик. Увидев у кровати больного такое скопление людей, вошедший врач прикрикнул на них:

— Сию минуту покиньте помещение! Больному нужен покой.

Пока он распоряжался, работники милиции вышли из комнаты. Они стояли у крыльца, тихо переговаривались:

— Хитер же, бестия, как ловко симулирует болезнь...

— А брюки-то снять забыл.

— Спешил, даже тапки расшвырял...

— А радист какой молодец! Ни секунды не задержал мою просьбу. Сразу вызвал «скорую».

На крыльцо вышла медсестра.

— Вас приглашает врач, — обратилась она к работникам милиции.

Врач стоял у постели больного, с откровенной брезгливостью вытирая куском бинта руки.

— Симулянт! — коротко бросил он и вышел из комнаты. — Кто-нибудь выйдите, — остановился в дверях, — я напишу справку. Там, в машине. Здесь ни секунды не желаю оставаться.

Он еще что-то говорил, удаляясь по коридору, но его голос растворялся в топоте острых каблучков медсестры.

Яблонко рывком сбросил с себя одеяло, поднялся с кровати.

— А брюки все-таки нужно было снять, — не удержался кто-то из работников милиции. — Смотрите, как измяли...

Яблонко пробормотал что-то невнятное и стал натягивать рубашку. У порога стояла жена. Она не сводила глаз с супруга. Вдруг повернулась и бросилась из комнаты.

— Гражданка Яблонко! — окликнул ее Осминин. — Вернитесь!

— И без нашего разрешения никуда не отлучайтесь, — предупредил Мартьянов, раскрывая папку. — Вот, гражданин Яблонко, познакомьтесь с этим документом, — он протянул хозяину плотный лист с двумя гербовыми печатями в верхних углах. В комнату в сопровождении понятых вошел Осминин. Яблонко долго читал постановление на обыск, что-то бормотал себе под нос, затем передал документ жене.

— Значит, с обыском пожаловали? — стал в независимую позу. — К врачу? Что же, похвально, похвально...

Видно, трудно ему дался этот кураж. Он сорвал со спинки

кровати полотенце, вытер выступившую теперь испарину на лбу и швырнул его на кровать.

Работники милиции молча за ним наблюдали, не притворится ли снова больным. На этот раз обошлось без симуляции. Яблонко поставил посреди комнаты стул, сел на него, опустил голову. Его жена, прочитав постановление, молча протянула его Мартьянову.

— Гражданин Яблонко, — присел на стул напротив хозяина Мартьянов, — прежде чем производить обыск, мы предлагаем вам выдать предметы спекуляции, то есть медикаменты, рецепты.

Яблонко наотрез отказался, заявив, что спекуляцией он не занимается, работает честно, живет исключительно на трудовые доходы. При этих словах работники милиции поневоле обратили внимание на чересчур богатую обстановку в комнате. Хозяин заметил их недоумение, поспешил его рассеять.

— Дом, все, что в нем, наживалось годами, — заговорил он. — Копеечку к копейке складывал, я ведь не пропиваю, как некоторые. Есть тут и подарки. По случаю разных торжеств, юбилеев. Моих, жены.

— В таком случае, — обратился Мартьянов к Осминину и понятым, — приступим.

Для начала ознакомились с домом. Пять просторных комнат, шикарная кухня-столовая, вместительные кладовки и другие подсобные помещения. Спустились в подвал. Не подвал — бомбоубежище. Бетонированные стены, пол, потолок. Все сделано прочно, отделано чисто. Само помещение подвала разделено капитальными перегородками на три секции. В одной — туалетная комната; в другой — механическая мастерская с верстаком, набором различных слесарных инструментов, с токарным станком, тут же два мотора к автомобилю «Волга». Осматривая эту мастерскую, работники милиции обратили внимание на необычное устройство, с виду напоминающее аппарат для перегонки воды. Присмотрелись внимательнее. К устройству подходили провода от специальной розетки, какие ставят для подключения электротитанов. По-видимому, прибор был рассчитан на потребление электроэнергии большой мощности. И еще одна особенность этого устройства бросилась в глаза работникам милиции: на нем были какие-то приборы со стрелками, кнопки.

— Что это за устройство? — спросил Мартьянов находившегося здесь хозяина.

Тот презрительно пожевал губами, но ответил спокойно, без раздражения;

— Самый обыкновенный куб для получения дистиллированной воды. Все-таки я — врач.

Возможно, работники милиции поверили бы такому объяснению, если бы кто-то из них случайно не задел ногой прислоненный к стене лист нержавеющей стали. Лист, загремев, упал, открыв ряд бутылей с какой-то жидкостью. Яблонко изменился в лице.

— Это и есть дистиллированная вода? — спросил один из участников оперативной группы, подходя к бутылкам. Он открыл одну бутылку, наклонился, понюхал и тут же отпрянул.

— Так это же самый настоящий самогон!

Потом открыл плотную, с герметическим запором крышку устройства. На дне поблескивала мутная жидкость, пахло брагой.

— Товарищи, — обратился к понятым Мартьянов и направился к устройству. — Подойдите, пожалуйста, поближе, осмотрите это устройство, мы его сейчас закроем и опломбируем.

Затем обратился к остальным работникам милиции:

— Пожалуй, с этого и начнем обыск. С остальными помещениями ознакомимся в процессе работы.

Работники милиции пришли в дом Яблонко, чтобы уличить его в спекуляции, а обнаружили винокуренный завод. В этой секции подвала они изъяли 45 литров самогона, три молочных бидона браги и самогонный аппарат. Не простой, а, как показала впоследствии экспертиза, с электронным управлением.

Прошли в третью секцию и диву дали: настоящий склад строительных и отделочных материалов, которых хватило бы, чтобы построить солидный дом. Прошли в гараж. И опять — такой же погреб-бункер, так же добротной литой из бетона, разделенный капитальной стеной на два отделения. Это продуктовый склад. Не один раз задавали себе вопрос работники милиции: зачем же столько одному человеку, неужели жадность не имеет границ? Да, жадность Яблонко была безграничной. Он все тащил в свой особняк. Одно — в обмен на самогон, другое — на вырученные от спекуляции деньги.

Следующей находкой была малокалиберная винтовка. Ее обнаружили за шкафом.

— У вас разрешение на хранение огнестрельного оружия имеется? — спросили хозяина.

У Яблонко такого разрешения не оказалось.

— Зачем вам винтовка? — рассматривал оружие Новиков. — Вы плохо видите.

— Собственно, она мне и ни к чему, — ответил Яблонко. —

Несколько лет назад нашел ее в лесу, почистил, кинул за шкаф, хотел сдать в милицию, да все времени не было, а потом забыл о ней.

— Но чистить не забываете, регулярно чистите.

Яблонко молчал.

— Патроны есть?

— Нет у меня патронов. Было несколько штук — расстрелял.

— Как? В кого?

— Лес рядом, вышел на лоджию, пальнул по птичкам.

— И это так спокойно говорит взрослый человек, врач, биолог, который сам должен охранять природу! Так где же патроны?

— Я вам уже сказал: нет у меня никаких патронов. Ищите, если не верите.

Шел третий час обыска, а самого главного — улик спекулятивных махинаций Яблонко с медикаментами — работники милиции пока не обнаружили. Подпольный винокуренный завод с электронным управлением, винтовка — все это наказуемо; но не это нужно было работникам милиции. Им нужны были медикаменты, рецепты. Под вечер в шкафу обнаружили восемь коробочек с патронами.

Опять не то! Правда, еще было где искать. Оставались две комнаты, кухня, подсобные помещения, чердак. Лишь под конец обыска в кладовке — в старых бумагах наткнулись на два рецепта. Наткнулись чисто случайно. Сначала не придали значения запыленному вороху газет, журналов, тетрадей, но, присмотревшись к обложке «Огонька» за 1970 год, увидели, что журнал чуть-чуть смещен, а из-под него проглядывает полоска свежей, незапыленной бумаги. Осторожно подняли журнал. Под ним лежали рецепты. По одному должен был получить медикамент не то Ивакин, не то Иванин, по другому — Иванов. Не богат фантазией оказался выписывающий лекарства. Внимательно посмотрели подпись, дату. Хавин и Яблонко. Всего три дня назад выписали.

Находка в чулане натолкнула работников милиции на мысль, что не случайно так долго не впускала их хозяйка в дом: они с мужем прятали улики. Пришлось ворошить все старье. Тут уж находки посыпались одна за другой. Спекулянт еще не успел реализовать пятьдесят один рецепт на дефицитные медикаменты. И все они были выписаны на вымышленные фамилии. Чердак же оказался буквально заваленными ящиками и коробками с медикаментами, срок годности которых давно истек.

На допросе Яблонко категорически отрицал факты спекуляции. На очной ставке с Аветисовым обозвал его молокосом, хлюпиком и в заключение заявил, что Аветисов его оговаривает. Несколько поколебали упрямство спекулянта предъявленные следователем медикаменты и рецепты, изъятые в автоматической камере хранения на вокзале. Немного подумав, он пояснил, что Аветисов выпросил эти лекарства для своих больных родителей и заплатил ему по нарицательной стоимости.

Аветисова увели.

— Давно вы знакомы с Аветисовым? — спросил Мартьянов Яблонко, когда они остались вдвоем.

Яблонко стал припоминать. То он называл один срок, то другой, то третий. Наконец сказал:

— Месяца полтора. Но фамилию его от вас впервые услышал.

— Как часто он у вас бывал?

— За все это время раза два в больнице, где я веду вечерние приемы, и один раз дома.

— В какое время он посещал вас дома?

— Разумеется, днем.

Мартьянов позвонил, распорядился пригласить к нему свидетельницу Еремаеву. Услышав эту фамилию, Яблонко сжегился, согнулся, стал каким-то сереньким.

Еремаева была удивлена, когда Мартьянов показал ей рецепты, выписанные рукой Яблонко.

— Вы на допросе говорили, — раскладывал Мартьянов перед обескураженной свидетельницей рецепты, — что врач Яблонко сам никому никакие лекарства не выписывал, что он плохо видит и что поэтому вы за него писали назначения, вели историю болезни, выписывали рецепты.

— Яков Исаакович, — недоуменно глядела на него Еремаева, — вы же говорили, что совсем ничего не видите... А я так вас жалела, так старалась не пропустить ни одного слова в назначении. Теперь я поняла, что вы за человек. А я так вам верила...

— Вера Владимировна, — положил перед собой чистый бланк протокола очной ставки Мартьянов, — к гражданину Яблонко в его врачебный кабинет, кроме больных, никто не приходил?

— К нему многие ходили. Но был один, такой черный, не то грузин, не то армянин, он мне особенно запомнился.

— Почему?

— Слишком надоедливый. Как придет, так Яков Исаакович сразу выпроваживает меня из кабинета.

— И часто он к нему ходил?

— Очень. Иногда раза два, а то и три на неделе.

— У меня будет к вам еще два вопроса: когда этот человек пришел к Яблонко впервые и сможете ли вы его опознать? Свидетельница подумала.

— Года полтора, если не больше, — наконец сказала она.

— Спасибо. Подождите, пожалуйста, в комнате ожидания, мы вас еще пригласим.

Еремаева вышла. Когда через несколько минут она снова вошла в кабинет, среди трех молодых людей кавказской национальности сразу опознала Аветисова.

— Что вы теперь скажете, — обратился к Яблонко Мартянов, дождавшись, когда понятые покинут кабинет.

— Все это наговор: приходил, оставался наедине и прочее. Предъявите улики.

— Улики? Прошу, полюбуйтесь на дела рук своих, — и Мартянов раскрыл перед Яблонко полную рецептов объемистую папку. Ее Мартянову принес Осминин накануне обыска в особняке в сосновом бору.

Яблонко долго смотрел на нее, не веря своим глазам. Перед ним была почти сотня рецептов, выписанных и подписанных его рукой. Рецептов, по которым он на протяжении длительного времени сам лично получал в аптеках лекарства для своих больных. Заведующий травматологическим пунктом Хавин, давая показания по поводу своих подписей на рецептах, изъятых в аптеках города, сказал:

— Яблонко — очень отзывчивый человек, у него было очень много больных, для которых он сам доставал лекарства.

Яблонко смотрел на рецепты и не слышал голоса следователя. Казалось, сами рецепты его обвиняли. А получил он по ним чистой прибыли семь тысяч пятьсот восемьдесят рублей.

На стол рядом с папкой легла новая пачка рецептов.

— За эти, — пододвинул следователь к Яблонко папку с остальными рецептами, — вы получили примерно в два раза больше, чем за те, с которыми вы уже ознакомились.

— Хорошо, буду говорить. Против этого, — Яблонко показал на пачки рецептов, — возражать бессмысленно. Бессмысленно и глупо...

Мягкая вошла в кабинет следователя похудевшая, под глазами появились черные тени. Но держалась так же вызывающе и сразу потребовала бумагу и ручку:

— Буду писать жалобу прокурору.

— Ваши права ущемлять не буду. Только для начала познакомьтесь с актом ревизии и актом экспертизы. — Мартянов положил перед ней на приставной столик два объемистых документа.

Мягкая углубилась в чтение. Читала внимательно, отдельные места перечитывала два, а то и три раза. С каждым пунктом, с каждой страницей, как дым развеивались ее наивные убеждения, что никто не сможет ей доказать фактов хищения.

Немало пришлось поработать и работникам милиции, и ревизорам, и экспертам, прежде чем собранные по крупнякам факты выстроились в строгую систему неопровержимых улик. Неделью провел Осминин в архиве межобластного бюро контроля переводов и, как и следовало ожидать, ни одного перевода о перечислении выручки тринадцатой парикмахерской на текущий счет объединения Горьковгорпарикмахерские, помеченного штемпелем восемьдесят первого почтового отделения, не обнаружил. Не смогли вспомнить, чтобы когда-либо кассир тринадцатой парикмахерской обращался к их услугам, и работники восемьдесят первого почтового отделения. Пока это были косвенные улики темных махинаций Мягкой. И хотя юридической силы они не имели, они давали возможность работникам милиции уверенно искать прямые доказательства. И вот они получены.

Семьдесят одну фиктивную квитанцию о приеме почтовых переводов от парикмахерской № 13 со штемпелем восемьдесят первого почтового отделения изучили эксперты. Шестьдесят пять из них на общую сумму 42070 рублей 37 копеек оказались заполненными рукой самой Мягкой, шесть на сумму 13638 рублей заполнили Аветисов и Иванкова. Эту же сумму недостачи подтвердила и ревизия кассовых документов.

Не скоро прочитала Мягкая документы, изобличающие ее в хищении государственных средств в крупных размерах, а прочитав, не сразу заговорила.

До парикмахерской она работала диспетчером в одном из автохозяйств. Кассиром в парикмахерскую ее приняли по рекомендации Джафаровой. Сначала та присматривалась к ней, потом раза два вынесла и поставила к ней за кассовый столик чем-то набитую сумку. Мягкая заинтересовалась содержимым — там оказалась парфюмерия. Как раз те шампуни и лаки, которые она вместе с заведующей час назад выгружала из легковой машины. Мягкая уже закрывала сумку, когда внезапно появилась Джафарова.

— Ты туда что-нибудь клала? — накинулась она на Мягкую. — Что шарить?

— А ты деньги за это платила, — дерзко ответила вопросом на вопрос Мягкая, — что уже второй раз куда-то уносишь? Такое нахальство озадачило Джафарову.

— Вот что, — продолжала наступать Мягкая, — или пополам, или полетишь к чертовой бабушке с работы, а то и в милицию сообщу.

Так и договорились. Первый раз Джафарова сдержала слово, — отдала Мягкой половину выручки, потом стала ее обманывать. Но Мягкую эта «мелочь» уже не интересовала. Она нашла другой способ обогащения за счет государства: не сдала одну выручку, другую. Понравилось. С тех пор и пошло. Спустя месяц в бухгалтерии объединения обнаружили, что в кассовых отчетах Мягкой нет квитанций, и потребовали, чтобы она их представила. Над воровкой нависла гроза. Более четырех с половиной тысяч нужно немедленно вкладывать, а почти все они потрачены на покупку дорогих вещей, на рестораны, на такси. Тут-то и созрела у нее мысль пригласить в ресторан Иванкову с ее молодым человеком, напоить их раз-другой, сказать, на какие деньги она их угощает, а потом потребовать, чтобы они достали почтовый штемпель и чистые бланки квитанций почтовых переводов. Как уже отмечалось, Иванкова и Аветисов сначала отказались, но потом согласились. Остальное было делом техники. Так Мягкая покрыла первую недостачу, так воровала и дальше.

— Джафарова знала о ваших махинациях? Вы с ней делились? — спросил Мартьянов.

— Нет, я не стала посвящать ее в свои дела из-за ее жадности.

Наконец, расследование двух преступлений было закончено. Четко определены роли действующих лиц и исполнителей. Пока Мягкая читала протокол допроса, Мартьянов мысленно подводил итоги. По спекуляции медикаментами основное действующее лицо — Яблонко. Он вовлек в преступление своего коллегу по работе, не раскрывая истинной цели получения от него подписей в рецептах. Но так или иначе, Хавин щедро разбрасывался своими подписями, даже не имея на это права. Ведь оба работали в разных отделениях, и Хавина должно было насторожить то обстоятельство, что его приятель почему-то обращался с просьбой не к заведующему неврологическим отделением, а к нему — травматологу. Его должно было насторожить и еще одно обстоятельство — уж очень много рецептов приносил ему на подпись Яблонко. Третьим действующим ли-

цом в этом преступлении был туеядец Аветисов — сбытчик ворованных медикаментов.

Сейчас перед Мартьяновым сидит главное действующее лицо второго преступления — Мягкая. Она втянула в преступление Иванкову и ее приятеля Аветисова.

Оставалось не до конца расследовано третье дело — о хищении косметических средств. Джафарова упорствовала: никакой косметики не похищала, в магазин для сбыта не возила. На очных ставках давала путанные показания.

— Где тут подписать? — прочитав протокол допроса, спросила Мягкая.

Мартьянов показал.

Мягкая сидела подавленная, тихая, будто ее подменили.

— Сейчас я приглашу Джафарову, — обратился к ней Мартьянов, — вы сможете подтвердить все то, что показали на допросе о хищении косметических средств?

— Вызывайте, — безразлично ответила Мягкая, — мне теперь все равно.

Очная ставка длилась недолго. Видя, что ее соучастница все рассказала, Джафарова, немного поколебавшись, попросила бланк протокола допроса и ручку. Решила собственноручно написать свои показания.

Вскоре состоялся суд. Преступники получили по заслугам. Вместе с ними на скамье подсудимых сидели те, кто халатно отнесся к своим служебным обязанностям, кто способствовал преступлениям своей бездеятельностью и беспринципностью.

Все началось с жалобы обиженной клиентки парикмахерской, а закончилось разоблачением пестрой компании преступников, запустивших свои грязные руки в государственный карман.

Г. Днепров, П. Майский

СТРОГАЯ ДОБРОТА

«ИНОСТРАНКА» ИЗ СУРОВАТИХИ

Жаркий летний день клонился к вечеру, когда Зоя Михайловна Щепеткова, возвратившись с оперативного задания, где провела половину ночи и чуть не весь сегодняшний день, уставшая, подошла к своему кабинету. У дверей стояли парень и девушка.

— Вы ко мне?

— Мы не знаем к кому... Обокрали нас.

— Тогда заходите, рассказывайте.

А случилось вот что. Сашу, жителя деревни Никульское, вчерашнего десятиклассника, на дороге окликнула незнакомая женщина лет двадцати пяти:

— Молодой человек! Где тут автобусная остановка на Горький? — Говорила она на ломаном русском языке, как иностранцы в старых русских водевилях.

Саша любезно объяснил. Потом они разговорились. Незнакомка охотно рассказала, что зовут ее Сюзанна Эдгардовна Ройтман, она немка, сейчас живет с родителями в Ленинграде, куда ее отец направлен на работу. Она же изучает русский язык и сюда приехала на практику. И надо же случиться такой беде! Гуляла, любовалась Волгой, оставила на берегу сумочку, и ее украли. А там деньги. Теперь не на что возвращаться домой. Как тут быть?

Все это Сюзанна живо, с мимикой и жестами рассказывала Саше, с удовольствием повторяя, видимо, полюбившиеся ей слова: «О, Вольга! Как карашо!» Она так искренно огорчалась и такое, казалось, у нее было безвыходное положение, что Саша предложил ей помощь: пусть пока поживет у них, а тем временем деньги на обратную дорогу придут.

Жил Саша с матерью и бабушкой. Рассказал он им о ситуации, в которую попала их гостья, и те с чисто русским радушием ее приютили. Сюзанна охотно взялась помогать по хозяйству, рассказывала про родителей, про Ленинград, чувствовалось, что она его знает. Однажды только бабушка попросила:

— Что ты все говоришь «он», «она», скажи что-нибудь по-немецки.

Сюзанна на мгновение растерялась, потом вдруг заплакала, выкрикивая: «Вы мне не верите, да, не верите!» И всем присутствующим стало как-то неловко: действительно, нехорошо иностранному гостю не доверять.

Вскоре Саша познакомил Сюзанну со своей школьной подругой Людой, а та в свою очередь со своими старшими сестрами. Молодые люди вместе ездили в Горький, пытались позвонить в Ленинград, но телефон там молчал. Тогда дали телеграмму. Сюзанна рассказала, что в Дальнеконстантиновском районе, в Суроватихе, проходит практику ее подруга, может быть, она поможет. Письмо ей Саша относил на почту сам.

Время шло, а деньги ниоткуда не приходили. Гостья обратилась с просьбой к одной из сестер Люды, чтобы та дала ей нужную (немалую) сумму. Та не отказала. А к матери Саши Сюзанна подошла с другой стороны:

— Лиля обещал дать мне денег, но ушел на работу и забыл! Может, вы мне дадите, а я вам вышлю.

Мать тоже дала названную сумму. И гостья уехала. Только через неделю после ее отъезда сестры обнаружили, что в шифоньере отсутствуют лучшие их вещи. А когда на задворках нашли старую одежду Сюзанны, то заподозрили неладное. Тогда-то Саша и Люда направились в милицию.

Зоя Михайловна выехала в Никульское. Поговорила с местными жителями, попросила описать внешность, приметы уехавшей незнакомки и, конечно, поняла, что это была какая-то аферистка и наверняка не иностранка.

— На ее имя приходила почта?— спросила Зоя Михайловна бабушку Саши. Та ответила:

— Какое-то письмо было.

— Там на конверте было написано: «Марковым для Шуры»,— пояснил Саша.— А нас Марковых полдеревни. Мы на него даже внимания не обратили.

Письмо нашли, на нем был штемпель — «Суроватиха».

— Вернее всего—мошенница эта из Суроватихи,—рассуждала Зоя Михайловна.— Надо ехать туда.

И вот она в Дальнеконстантиновском районе, где когда-то проработала десять лет. В Суроватихе прежде всего обратилась к своей знакомой, секретарю сельского Совета:

— Нет ли у вас непутевой Шуры?

— У Базуриной такая дочка. Училась в Горьком, в Ленинграде у сестер жила и работала, да не пошло у нее дело. Сейчас где-то бродяжничает.

Зоя Михайловна пригласила Базурину в сельсовет, расспросила ее о дочери.

— Не знаю, право, где она сейчас. Последнее письмо пришла из Никульского, будто бы работает там в совхозе от хлебозавода.

Стало ясно, что «пострадавшая на берегу Волги» немка Сюзанна Ройтман — никакая не иностранка, а Александра Базурина из Суроватихи. Прихватила Зоя Михайловна ее фотографию и отправилась в Кстово, чтобы начать розыск.

Но вот из Суроватихи сигнал: пришла от Шуры Базуриной телеграмма на имя матери из Ленинграда: Зоя Михайловна тотчас вылетела в Ленинград.

Раньше Базурина работала на Кировском заводе и жила в общежитии. Именно с женского общежития и решила начать Зоя Михайловна. Авось оттуда потянется ниточка, может быть, удастся какие-то связи установить. Не удалось. Ей посоветовали другие общежития посетить, их при заводе много. И пошла сотрудница уголовного розыска с фотографией по общежитиям для семейных, малосемейных, одиноких. Из комнаты в комнату, с этажа на этаж, из подъезда в подъезд. Все думают, что мать свою дочь разыскивает.

Так прошел весь субботний день.

В воскресенье поутру снова в обход. И ей повезло. В молодежном общежитии один парень, взглянув на фотографию, воскликнул:

— Это же Сашка Базурина! Я работал с ней в одном цехе. Что она натворила?

— Нужна она мне, вот и ищу.— И представилась.

— Всю весну здесь околачивалась. А недавно видел ее с одним парнем из другого общежития.

Пошла Зоя Михайловна в другое общежитие. Парня дома не оказалось, но соседи по комнате помогли:

— Разругался он с Сашкой из-за какого-то письма. Да вот оно, кажется, лежит.

Письмо из Ельни Смоленской области на имя Базуриной. Зоя Михайловна развернула его. Пишет подруга. Упоминает мужское имя, по всей вероятности, своего брата, который работает на Кировском заводе. Зоя Михайловна запомнила и фамилию подруги, и мужское имя. Сразу же справилась в отделе кадров завода. Оказывается, такой работает, живет в общежитии.

И вот уже Зоя Михайловна расспрашивает о Базуриной смоленского парня Анатолия. Он рассказывает все без утайки. Познакомился с ней в баре (было это как раз после кражи в

Никульском). Анатолий уезжал в отпуск на родину, отмечали это событие с другом, тот как раз и представил Базурина. Были навеселе, как бы шутя, Анатолий и Шура решили ехать отдыхать вместе. По дороге заезжали куда-то на такси, она взяла с собой большую сумку. В Ельне Шура примерным поведением не отличалась и с родственниками Анатолия вышел скандал. Хотя она и подарила сестре хорошие вещи — кофточки, рубашки...

Зоя Михайловна попросила подробнее описать подаренные вещи и, когда Анатолий припомнил, убедилась: те самые, что украла в Никульском. Вдохнула наконец свободно: «Надо же было отыскать того парня, чтобы поставить все на свои места! Ну, Шура Базурин, теперь наша с тобой встреча».

И она, эта встреча, состоялась.

— Да, в Никульском была я. Деньги взаймы брала, а вещи нет,— уверенно заявила проходимка.

Зоя Михайловна не возмутилась, а сказала спокойно, четко:

— Сейчас я тебе устрою встречу с Анатолием из Ельни.

У «иностранки» из Суроватихи глаза от неожиданности округлились:

— Не надо. Я все расскажу. Только встречи не надо.

Уголовный розыск — это напряженная и сложная служба милиции; здесь нужны физическая выносливость, находчивость, крепкие нервы. Потому женщин в уголовном розыске немного. Зоя Михайловна Щепеткова в числе этих немногих. В Кстовском отделе внутренних дел она ведет розыск скрывшихся преступников и пропавших без вести лиц.

Зоя Михайловна в органах внутренних дел не новичок. Многие годы работала секретарем-машинисткой в отделе милиции. Затем училась, была начальником паспортного стола, потом в течение шести лет — старшим инспектором детской комнаты милиции. И вот уже почти десять лет она инспектор уголовного розыска.

При всей напряженности трудовых буден, при всей суровости профессии Зоя Михайловна на редкость жизнерадостный и общительный человек. По-русски приветливая и открытая, она умеет пошутить и поддерживать веселье в компании.

А как задушевно она поет русские народные и современные лирические песни! Как лауреату смотра художественной самодеятельности органов и подразделений МВД СССР ей довелось побывать в Москве, выступать перед коллективами столичных

предприятий. В альбоме «Моя милиция», выпущенном издательством «Планета», есть фотография сводного хора фестиваля, на ней в первом ряду — Зоя Михайловна Щепеткова.

Человек душевный и очень внимательный, Зоя Михайловна внушает доверие всем, кому приходится иметь с ней дело, потому что для нее не существует чужой боли, чужой беды — она их воспринимает, как свои. Ей верят, делаются самым сокровенным, а порой даже тщательно скрываемым. Она многое видит в человеке, попавшем в беду, особенно, если человек этот — подросток, юношескую психологию она знает хорошо. Свидетельством тому может служить история о пропавшей бабушке.

ПРОПАЛА БАБУШКА

В деревне Черемисское пропала бабушка. Говорили разное. Одно из предположений заключалось в том, что бабушка Катерина часто жаловалась на головную боль, возможно, пошла в лес, там и затерялась. За месяц расследование не привело ни к какому результату, и скупое на факты дело перешло к Зое Михайловне Щепетковой.

В тот злополучный день бабушка Катерина ходила на поминки и принесла любимому внуку Сашеньке, который только что перешел в десятый класс, пирожка. Накануне соседка просила ее помочь разгрузить кирпич, на что бабушка ответила:

— Не смогу я, голова болит. Саша поможет. Ему ничего не стоит.

Часа в два пополудни соседка постучала в окно, но ей никто не ответил. А в три часа приехала Сашина мама, объявила, что вечером уезжает в Москву, удивилась, куда это запропастилась бабушка, оставив соседкиного трехгодовалого Игорька одного на улице. Так и не дождавшись бабушки, вечером уехала обеспокоенная. А вернувшись через несколько дней, проверила всех родственников, в лесу поиск организовала — как сквозь землю провалилась бабушка Катерина.

Щепеткова обратила внимание на такой факт: именно в тот день Саша купил мотоцикл — деньги он копил давно, на птицефабрике и железной дороге подрабатывал, да еще, по его словам, в денежно-вещевой лотерее были у него довольно крупные выигрыши. Действительно, лотерейных билетов у него оказалось на 84 рубля, показал он и толстую тетрадь, всю в цифрах, — высчитывал вероятность выигрыша тех или иных цифросочетаний.

Решила Зоя Михайловна пожить в деревне, познакомиться с местными жителями, присмотреться к ним. И однажды в магазине из разговора двух старушек узнала, что соседская Нюрка как-то проговорилась, что в день исчезновения бабушки Катерины слышала в ее доме возню и что собака очень уж рвалась и лаяла.

Зоя Михайловна — к Нюрке, а та — в крик:

— Ничего я не слышала! У меня и окна-то на другую сторону. Где тут видеть и слышать, если я с детьми малыми сидела!

Эта агрессивность как раз и убедила Зою Михайловну, что соседка слышала что-то подозрительное, просто не хочет быть свидетелем. Сначала проговорилась, а потом замкнулась. Как после выяснила Зоя Михайловна, в тот день соседка не сидела за глухими стенами, а то и дело выбегала на улицу, узнавала, не приехала ли автолавка.

Приглядывалась Зоя Михайловна и к Саше. Характеризовался он как культурный и вежливый мальчик, помогал бабушке, делился с ней своими заботами. Правда, они заключались главным образом в том, чтобы та купила единственному внуку очередную модную обновку. Если по дому что-то и делал, то в школе от физического труда увивал. Все школьники в поле, а Саша — справку на стол о том, что он болен. По сельским меркам, Саша рос изнеженным. Однако никакие болезни не мешали ему заниматься спортом. Да и на птицефабрике и железной дороге (там, где за труд деньги платили, не то что в поле!) он работал добросовестно. Эта его страсть к накопительству настораживала.

Заинтересовало Щепеткову свидетельство Сашиной тетки о том, что последнее время тот увлекся романами Драйзера, особенно «Американской трагедией», когда читал, все переживал, найдут или не найдут убийцу — ведь он так продуманно и чисто отправил на тот свет свою возлюбленную.

Отыскала Зоя Михайловна и того парня, у которого Саша купил за 900 рублей мотоцикл. Поинтересовалась, какими были деньги, которыми рассчитывался покупатель: может быть, лежалые, затхлые, какими они обычно бывают после долгого хранения.

— Да, — подтвердил бывший владелец мотоцикла, — деньги были как прессованные, чувствовалось, что где-то долго лежали. Расположены были кучками, девять десятков и еще одна поперек.

— Как вы с ним познакомились?

— Он приехал к своему знакомому к нам в совхоз. Увидел

у меня мотоцикл, попросил прокатиться, он ему очень понравился. Договорились о продаже. Я еще засомневался, где он столько денег возьмет. Он ответил, что часть у него уже есть — заработал, остальные бабушка даст. Предупредил, что купит мотоцикл в тот день, когда мать уедет в Москву.

Взвесив все эти обстоятельства, Зоя Михайловна решила вызвать Сашу на официальный допрос. Приехал он вместе с матерью. Разговаривала инспектор уголовного розыска с каждым отдельно.

— Больших денег у моей матери не должно было быть, — рассказывала женщина. — Пенсия у нее маленькая. И когда пропала она, в ее комнате нашли немного, видимо, отложила на похороны. Саше все время помогала... А вы что, неужели его подозреваете?

На вопрос, где он взял такую большую сумму денег, Саша отвечал по-прежнему: выиграл в лотерею.

— Больших денежных выигрышей по лотерее в наших сберкассах никто не получал, — сказала Зоя Михайловна. — Может быть, ты получил его где-то на стороне, тогда скажи, в какой сберкассе?

И тут вдруг Саша заплакал. Он прямо-таки затрясся в рыданиях, когда услышал следующий вопрос:

— А не бабушкины ли это были деньги?

— Да, бабушка дала, — наконец выдавил он. — Просто я не хотел, чтобы мама об этом знала.

— А где сама бабушка?

— Не знаю...

Теперь Зоя Михайловна была почти убеждена в причастности Саши к исчезновению бабушки. В чем, как эта причастность выражалась? Неужели?..

Инспектор уголовного розыска могла бы продолжить допрос, но за дверью сидела больная Сашина мать, которая должна лечь в больницу и перенести сложную операцию. Ей нужен покой. Зоя Михайловна посмотрела на пришедшего в себя парня и подумала о том, что, только уличая его во лжи, можно добиться нужного признания. Вспомнив больную, к тому же истерзанную душевными страданиями и сомнениями мать подозреваемого, она решила отложить допрос.

Однако наблюдение за Сашей продолжалось. Когда Зоя Михайловна в деревне расспрашивала мальчишек о том, что делал их приятель в день исчезновения бабушки, они, не особенно задумываясь, отвечали:

— Мы на Кудьму ездили купаться. Кажется, он был с нами, а может, и не был.

А вот когда их пригласили в отдел, они были куда более серьезными. Общими усилиями разложили весь день по минутам и пришли к выводу: не было в тот день Саши в компании. И еще ребята рассказали, что сейчас он совсем с ними не бывает, а пока мать на операции, дома не ночует, уходит к своим знакомым.

Операция у Сашиной мамы прошла успешно. Она вернулась домой, и тогда-то у Зои Михайловны с Сашей состоялся долгий тяжелый разговор. Он постоянно путался в своих показаниях, а Зоя Михайловна тут же избличала его. Как только всей логикой допроса надо было отвечать на вопрос: «Куда пропала бабушка?» — он начинал плакать, и плач этот переходил в истерику. Щепеткова поняла, что, если вести допрос в таком ровном ключе, признания вряд ли добьешься. Нужен толчок. Она решительно подошла к столу:

— Вот что! Хватит! Сейчас я вызываю машину, берем специальную аппаратуру и едем искать бабушку. Не могла же она испариться!

Ошеломленный, Саша от неожиданности закрыл голову курткой и еле выдохнул:

— Я ее убил.

Минут пятнадцать в кабинете стояла звенящая тишина. Первой пришла в себя Зоя Михайловна.

— Как это произошло? — И только тут она вспомнила, что надо вести протокол допроса.

— Просил денег — не дала, — глухо начал рассказ Саша. — Взял молоток, стукнул по голове. Еще два раза стукнул. Потом отнес в яму, вырытую под котлован, положил там под доски. Убрал в избе. Мать пришла — ничего не заметила. Ночью вынес на себе в овраг и там закопал. Знал, что деньги у нее спрятаны в кровати, нашел там тысячу рублей.

— Набросай план, где закопал.

...На суде, когда адвокат задал вопрос: «Кому первому вы рассказали о совершенном преступлении?» — обвиняемый ответил:

— Зое Михайловне Щепетковой.

В. Косарев

СОДЕРЖАНИЕ

К читателю — 3

<i>Г. Фокин, Н. Шевченко.</i>	Счастливые веки — 5
<i>Г. Фокин.</i>	Без права на покой — 25
<i>Н. Шевченко.</i>	Призвание — 58
<i>Г. Фокин.</i>	Найти себя — 77
<i>А. Тищенко.</i>	Опасная ситуация — 89
<i>В. Алексеев, П. Винницкий.</i>	Наставник — 102
<i>В. Полушкин.</i>	С верой в человека — 126
<i>Г. Фокин, П. Винницкий.</i>	Трудный поиск — 133
<i>О. Касьянова.</i>	Три дня из жизни Александра Фролова — 174
<i>Ф. Матвеев.</i>	Как живешь, лейтенант? — 182
<i>П. Винницкий.</i>	Старатель — 191
<i>Г. Кузьмин.</i>	Выстрел в подъезде — 204
<i>Н. Чесноков.</i>	Почти безнадежное дело — 218
<i>Г. Горшенков.</i>	Авторучка с завитками — 237
<i>Ю. Брагин, Ф. Матвеев.</i>	Бой, который не кончается — 248
<i>И. Трунов.</i>	«Финансист» — 257
<i>Т. Илюхина.</i>	Чужие беды как свои — 265
<i>Г. Днепров, П. Майский.</i>	Пестрая компания — 271
<i>В. Косарев.</i>	Строгая доброта — 311

ТРЕВОГИ ЗДЕСЬ НЕ ОБЪЯВЛЯЮТСЯ

Составитель

Георгий Михайлович Фокин

Редактор Н. Н. Ступишина
Худож. редактор В. З. Вешапури
Техн. редактор В. А. Юрьева
Корректор Н. Н. Шалагинова

ИБ № 1050

Сдано в набор 11.08.80. Подписано к печати 01.12.80. МЦ 10840. Формат 60×84^{1/8}. Бумага газетная. Гарнитура «Школьная». Печать высокая. Усл.-печ. л. 18,6. Уч.-изд. л. 18,95. Тираж 45.000 экз. Заказ № 5436. Цена в пер. 1 р. 40 к.; в обл. 1 р. 20 к. Заказное.

Волго-Вятское книжное издательство, 603019, г. Горький, Кремль, 4-й корпус.

Типография издательства «Горьковская правда», 603006, г. Горький, ГСП-123, ул. Фигнер, 32.